КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

I.

1853 — 1854.

Въ исходѣ декабря 1853 года, мною было получено приказаніе отъ кн. Меншикова прибыть къ нему въ Севастополь. Наканунѣ моего отъѣзда, по обычаю адъютантовъ князя, я отправился къ его другу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, за могущими быть отъ него порученіями.

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, гдѣ я засталъ его лежащимъ на диванѣ. Вставъ съ него, онъ перелегъ на другой.

— „Да, кажется, нужнаго-то ничего нѣтъ“,—сказалъ онъ мнѣ,— „а вотъ передай, что я, по прежнему, переваливаюсь съ одного дивана на другой“,—прибавилъ онъ улыбнувшись. „Впрочемъ, если что придумаю, напишу“.

На слѣдующій день графъ Орловъ прислалъ мнѣ письмо для передачи князю Меншикову. Уложивъ депеши въ сумку, я надѣлъ ее себѣ на грудь, и благословясь, покатилъ на Московскую желѣзную дорогу. Выѣхалъ я 6-го января 1854 года, при жесточайшемъ морозѣ, и отъ Москвы до самаго юга ѣхалъ сопутствуемый не менѣе лютыми, истинно „крещенскими“ морозами. Верстъ, помнится, за сто не доѣзжая Перекопа, я пересѣлъ на перекладную телѣгу и, по временамъ, обгоняя войска, достигъ предпослѣдней станціи къ городу. Здѣсь наѣхалъ я на встрѣчный обозъ верблюдовъ, до того времени мною невиданныхъ. Издали этотъ обозъ показался мнѣ отрядомъ исполиновъ, въ стройномъ порядкѣ, мѣрною поступью выступающихъ.

Симферополь я проѣхалъ ночью, а на разсвѣтѣ приблизился къ Бахчисараю. Здѣсь, вниманіе мое приковалъ видъ рощи прелестныхъ пирамидальныхъ тополей. Послѣ долгаго однообразнаго путешествія по степнымъ пространствамъ, нельзя не очароваться живописными мѣстностями Крыма, начинающимися къ югу отъ Бахчисарая. Горы, зеленѣющія долины—въ половинѣ января, послѣ снѣговъ и морозовъ,—слишкомъ рѣзкій и съ тѣмъ вмѣстѣ пріятный переходъ, производящій на путешественника обаятельное впечатлѣніе.

Въ Бахчисараѣ я нѣсколько оправился отъ дороги, приформился—и вотъ уже я на Бельбекѣ, послѣдней станціи до Севастополя, о которомъ я не имѣлъ никакого понятія. Съ большимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ желалъ я увидѣть нашъ военный портъ, владычествующій на Черномъ морѣ. Ямщикъ везъ меня прямо на перевозъ черезъ бухту и когда мы поднимались въ гору отъ рѣки Бельбекъ, то видъ моря обдалъ меня холодомъ: въ мрачныхъ его водахъ было что-то гнетущее, невыразимо тоскливое. Вскорѣ дорога уклонилась отъ моря, а я, подъ гнетомъ безотраднаго впечатлѣнія, пробормоталъ про себя: „настоящее черное море!...“

Ямщикъ, полагая, что я обращаюсь къ нему, сказалъ, указывая рукою впередъ:

— А вотъ, видите на горѣ стоитъ фура? Съ этого мѣста какъ разъ увидите и Севастополь, и весь флотъ, какъ на ладони... Очень красиво посмотрѣть!

Желая, такъ сказать, однимъ взглядомъ окинуть общую величественную картину, я поджидалъ, скоро-ли достигнемъ мѣста, указаннаго ямщикомъ. Внезапно онъ остановилъ лошадей, съ крикомъ: „задавили! задавили!!“

Я встрепенулся, соскочилъ съ телѣги—и что же увидѣлъ? Та самая фура, про которую мнѣ говорилъ ямщикъ, придавила возничаго колесомъ и шея его затормозила возъ; вмѣсто ожидаемой картины Севастополя и Чернаго моря, я увидѣлъ лужу крови, хлынувшую изъ гортани несчастнаго! Съ трудомъ мы высвободили его; онъ, какъ видно, спускаясь съ горы, хотѣлъ придержать молодыхъ воловъ, но, слѣзая съ фуры, попалъ ногою въ развилки дышла, опрокинулся, а волы его и придушили на смерть. Мнѣ такъ и не удалось взглянуть на Севастополь. Положивъ трупъ на возъ, мы спустили его къ пристани и сдали на гауптвахту...

Кровь задавленнаго человѣка упредила мой взглядъ и преградила его въ ту самую минуту, когда я напрягалъ его, чтобы увидѣть Севастополь. Это обстоятельство породило во мнѣ суевѣрную, безотвязную мысль: не ожидаетъ ли меня впереди кровь задавленнаго Севасто-

поля? Когда севастопольцы сомнѣвались въ возможности видѣть у себя непріятеля, у меня не выходила изъ памяти кровь, которою, на моихъ глазахъ, былъ облитъ порогъ этого города.

Переправясь черезъ бухту на Екатерининскую пристань, я вошелъ во дворъ маленькаго, скромнаго дворца Екатерины II, въ которомъ тогда помѣщался князь Александръ Сергѣевичъ. Онъ меня очень ласково встрѣтилъ, принялъ депеши и сказалъ, что ожидалъ меня. Въ это время уже приводили въ порядокъ сѣверное укрѣпленіе; князь ѣздилъ туда ежедневно и, вслѣдствіе этого, послѣ обѣда 16-го января, по порученію его свѣтлости, я отправился въ Балаклаву, къ начальнику города, полковнику Манто, для совѣщанія съ нимъ о закупкѣ лошадей. Ввечеру я былъ въ городѣ и засталъ Манто за чаемъ. Полковнику была очень лестна довѣренность князя и онъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобы угодить его свѣтлости.

Матвѣй Аѳанасьевичъ Манто, градоначальникъ Балаклавы и командиръ тамошняго греческаго баталіона, родомъ грекъ, почтенныхъ лѣтъ, роста небольшаго, но крѣпкаго тѣлосложенія, любилъ свой родимый уголокъ. Съ одушевленіемъ разсказывая мнѣ про Балаклаву, Манто просилъ доложить его свѣтлости, что, въ виду военныхъ событій, можно ожидать покушеній непріятеля на городъ и, потому, ему необходимо имѣть нѣсколько мортирокъ, которыя Манто располагалъ размѣстить у входа въ бухту. Говоря объ удобствахъ, какія можетъ представить Балаклавская бухта, Манто замѣтилъ, что наши моряки почему-то считаютъ входъ въ нее военныхъ судовъ почти невозможнымъ, ссылаясь на то, что и самый малый военный пароходъ долженъ осторожно въ нее втягиваться. Между тѣмъ Манто убѣдился, что мнѣніе моряковъ не совсѣмъ вѣрно: былъ случай, что разъ, въ бурю, купеческое судно довольно значительнаго размѣра вошло въ бухту даже ночью, никѣмъ не замѣченное, и Манто только утромъ увидалъ нежданнаго гостя вблизи своего балкона. Балконъ его дома висѣлъ надъ водой. Онъ вывелъ меня на него и, показывая бухту, утверждалъ, что въ водахъ ея и понынѣ видны мачты затонувшихъ судовъ, по мѣстнымъ преданіямъ, принадлежавшихъ генуэзцамъ.

— Это можетъ дать вамъ понятіе о значительной глубинѣ бухты, — замѣтилъ Манто при этомъ,—и ходъ въ нее, хотя и труденъ, но всетаки возможенъ, особенно если взять въ соображеніе, что шкиперъ упомянутаго судна, который ввелъ его въ бурю и ночью, зналъ этотъ входъ только потому, что шестнадцать лѣтъ тому назадъ, еще мальчикомъ, живалъ въ Балаклавѣ. Бывали и кромѣ того случаи появленія судовъ, окончательно утвердившіе меня въ моемъ мнѣніи.

На слѣдующее утро, мы, вмѣстѣ съ Манто, отправились осматривать бухту.

— Жаль, что у меня нога болитъ и я не могу проводить васъ на скалу, гдѣ у меня стоитъ постъ,—говорилъ дорогою мой любезный хозяинъ, — оттуда можно видѣть и входъ въ бухту, и Черное море во всей ихъ красѣ...

Между тѣмъ, самъ того не замѣчая, Манто карабкался, легче меня, на скалу и вмѣстѣ со мною достигъ площадки, на которой были поставлены часовые. Съ этого мѣста дѣйствительно былъ прекрасный видъ и если-бы не рѣзкій вѣтеръ, то здѣсь пріятно было-бы остаться и подолѣе. Указавъ мнѣ мѣста, на которыхъ онъ предполагалъ разставить мортирки, мой спутникъ не только съ прежней легкостью спустился со скалы, но еще и мнѣ подсоблялъ.

Успокоивъ его обѣщаніемъ походатайствовать у князя о присылкѣ ему мортирокъ, я сдержалъ слово и, въ первый-же день моего возвращенія, за обѣдомъ, передалъ свѣтлѣйшему просьбу Манто. Командиры пароходовъ, въ этотъ день обѣдавшіе у князя, услыхавъ о томъ значеніи, какое Манто придаетъ Балаклавской бухтѣ, принялись надъ нею трунить, называя ее лужей и подтверждая, что входъ въ бухту для военныхъ судовъ невозможенъ. Я, болѣе или менѣе проникнутый мнѣніемъ Манто, отстаивалъ его, имѣя въ виду скромныя требованія предусмотрительнаго балаклавскаго старожила... Моряки возстали на меня, перечисляя множество опытовъ, сдѣланныхъ для изученія пролива, т. е. входа въ бухту. Адъютантъ его свѣтлости, баронъ Вилебрандъ, сказалъ мнѣ: „еслибы рѣчь шла о лошади, вамъ и книги въ руки; но, что касается до морскаго дѣла, то предоставьте намъ знать лучше этотъ предметъ“. Я замолчалъ, но князь серьезнѣе отнесся къ моему сообщенію и тутъ-же, за столомъ, распорядился о доставленіи къ Манто мѣдныхъ мортирокъ. Въ послѣдствіи, когда, 13-го сентября, англичане атаковали Балаклаву, эти мортирки ввели въ заблужденіе непріятелей и они не отважились войти въ городъ, пока командиръ батарей, поручикъ Марковъ, не выпустилъ всѣхъ, до единаго, снарядовъ. Правъ былъ старикъ Манто: тотчасъ по занятіи Балаклавы, въ бухту ея вошла англійская эскадра, за нею—три большихъ корабля, буксируя за собою еще транспорты. Удобства Балаклавской бухты обнаружились; англичане, оцѣнивъ ее по достоинству, воспользовались бухтою какъ нельзя лучше и устроили въ ней прекрасный военный портъ.

Въ Балаклавѣ я дождался назначеннаго мнѣ въ проводники, изъ деревни Карань, прапорщика Николая Бамбука. Мы переѣхали

Байдарскую долину, южнымъ берегомъ достигли Ялты и, татарскими селеніями, чрезъ Бахчисарай, возвратились въ Севастополь.

Въ Бахчисараѣ я остановился въ чистенькомъ домикѣ балаклавскаго коммисіонера Василія Подпати. Побродилъ по базару, сдѣлалъ нѣкоторыя покупки и, припомнивъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина, полюбопытствовалъ взглянуть на эту достопримѣчательность. Я спросилъ моего спутника: „гдѣ фонтанъ?“ и получилъ отвѣтъ, что фонтановъ въ Бахчисараѣ много, и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указывалъ мнѣ на водоемы—каменныя корыта, въ которыя съ сосѣднихъ скалъ струятся рудники. Наконецъ онъ привелъ меня во дворецъ бывшихъ хановъ, въ покояхъ котораго было нѣсколько изсякшихъ фонтановъ и въ ихъ числѣ „фонтанъ слезъ“, мраморный, съ крестомъ на верху, именно воспѣтый Пушкинымъ. Сознаюсь, ничего особеннаго не сказалъ онъ моему воображенію...

Въ послѣдствіи Бахчисарайскій дворецъ пригодился намъ для склада доставленныхъ изъ Россіи полушубковъ: ждали-то мы ихъ къ зимѣ, но поспѣли они къ лѣту. Ихъ свалили въ дворцовыхъ покояхъ, гдѣ они и сгнили, послѣ чего долгое время во дворецъ, вслѣдствіе отвратительнаго смрада, нельзя было и носу показать.

О тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ крымскихъ татаръ я сказалъ-бы — если-бъ только рѣчь не шла о магометанахъ—что жили они, какъ у Христа за пазушкой. Погубилъ ихъ религіозный фанатизмъ, слѣдствіемъ котораго было ихъ переселеніе въ Турцію. Народъ они, большею частью, были весьма достаточный; жили въ чистенькихъ сакляхъ, успѣшно занимались хозяйствомъ и разными сельскими промыслами...

Порученіе, возложенное на меня княземъ, заняло почти шесть дней. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія и немедленно послѣ него приступилъ къ послѣдовательному изученію Севастополя и его окрестностей. День его обыкновенно былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

До полудня князь занимался въ кабинетѣ; потомъ уѣзжалъ, до обѣда; подъ вечеръ опять садился на лошадь, совершая свои разъѣзды до чаю; вечеромъ опять принимался за работы въ кабинетѣ, просиживая далеко за полночь. У князя былъ особый способъ съемки мѣстностей въ его карманную памятную книжку, съ которымъ онъ очень скоро и легко меня ознакомилъ. Листки записной книжки были разлинованы клѣтками извѣстнаго масштаба; князь, не сходя съ коня, наносилъ на эти листки очеркъ обозрѣваемой мѣстности, для необходимыхъ справокъ въ случаѣ надобности. Онъ никогда не пропускалъ безъ вниманія не только направленіе дорогъ, но и ихъ отклоненіе, стараясь доискаться причины этихъ отклоненій, и часто пересѣкая

мѣстность напрямки. Устье и потоки каждой балки скоро стали ему совершенно извѣстны; всѣ проходимыя балки онъ переѣзжалъ по разнымъ направленіямъ, желая узнать на сколько онѣ приспособимы для передвиженія войскъ. Въ балкахъ, берега которыхъ, по своей крутизнѣ, не допускали переходовъ, онъ изучалъ русло. При подобныхъ изслѣдованіяхъ, князь не ограничивался исключительно окрестностями Севастополя; онъ объѣзжалъ берега и долины рѣкъ: Бельбека, Качи, Черной и, наконецъ, Алмы. Когда прибывали войска, въ особенности кавалерія, князь предлагалъ начальникамъ частей дѣлать тѣ-же изысканія, какія дѣлалъ самъ, совѣтуя, при этомъ, совершать объѣзды цѣлыми частями, дабы пріучать войска къ пересѣченной мѣстности. Ожидая въ этихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій, свѣтлѣйшій дѣлалъ, по временамъ, маневры, то на южной, то на сѣверной сторонахъ Севастополя.

Разъѣзжая верхомъ, князь не разбиралъ дорогъ и очень часто рисковалъ. Разъ намъ встрѣтился подъемъ по хрящеватой почвѣ, и до того крутой, что лошади затруднялись вскарабкаться. Князь слѣзъ со своего „Подласаго“, намоталъ себѣ его хвостъ на обѣ руки и, приказавъ мнѣ вести своего коня въ заводу, поднялся на крутизну.

До прибытія моего въ Крымъ, его свѣтлости указали на единственнаго офицера, хорошо знакомаго съ окрестностями Севастополя: то былъ инженеръ морской строительной части Старченко... такъ мало прежде интересовались севастопольцы этимъ предметомъ. Этому-то Старченко принадлежитъ та заслуга, что, при князѣ, онъ первый ударилъ киркой на оборонительной линіи.

Въ описываемое время при князѣ находились: Николай Карловичъ Краббе, Иванъ Григорьевичъ Сколковъ, Викторъ Михайловичъ Веригинъ, баронъ Вилебрандтъ, въ качествѣ ординарца мичманъ Томаловичъ, Александръ Дмитріевичъ Камовскій и Гротъ.

Озабоченный приведеніемъ укрѣпленій въ порядокъ, князь часто сходился, толковалъ и занимался съ Корниловымъ; очень цѣнилъ его способности, исполнительность и готовность на все, что только касалось обезпеченія Севастополя и флота; но князя постоянно безпокоило предубѣжденіе, питаемое къ свѣтлѣйшему моряками. Онъ ихъ очень любилъ; былъ къ нимъ не только ласковъ, но, можно даже сказать, предупредителенъ. Изъ одиннадцати мундировъ, право носить которые было ему предоставлено, онъ избралъ и предпочиталъ морской, и носилъ его постоянно, въ знакъ уваженія ко флоту. Желая сблизиться съ моряками, князь приглашалъ ихъ къ обѣду, по кружкамъ сверстниковъ и лицъ одинаковыхъ чиновъ, дабы младшіе не стѣснялись собесѣдничествомъ

старшихъ, а начальники—присутствіемъ подчиненныхъ. При всемъ томъ, старанія князя были мало успѣшны: моряки постоянно его дичились. Въ этомъ былъ много виноватъ Корниловъ. Человѣкъ развитой, умный, много работавшій съ княземъ, хорошо знавшій его намѣренія, мысли, предположенія, — отъ него свѣтлѣйшій ничего не скрывалъ,—Корниловъ могъ содѣйствовать его сближенію съ моряками, но, къ сожалѣнію, онъ этого не только не дѣлалъ, а еще колебалъ къ нему довѣренность, какъ моряковъ, такъ и сухопутныхъ войскъ. Свѣтлѣйшій, впрочемъ, никогда не осуждалъ Корнилова, такъ какъ цѣнилъ его хорошія качества, но только досадовалъ на холодность и натянутость отношеній къ себѣ этого полезнаго дѣятеля. Эту досаду я нерѣдко подмѣчалъ въ князѣ.

Съ самаго моего пріѣзда въ Севастополь, свѣтлѣйшій посовѣтовалъ мнѣ сблизиться съ моряками; приказалъ представиться всѣмъ высшимъ морскимъ властямъ и, помню, говаривалъ: „прекрасные, братецъ, есть ребята между моряками. Ты съ ними сойдись... меня они не любятъ,—что дѣлать: не угодилъ!“ Съ цѣлію этого сближенія я ходилъ на берегъ бухты, гдѣ, недалеко отъ Екатерининской пристани, подымали затонувшій турецкій пароходъ „Первазъ-Бахры“. Работы водолазовъ привлекали сюда моряковъ и цѣлый день, смѣняя одни другихъ, они подходили, толковали, дѣлали свои замѣчанія. Здѣсь, встрѣчаясь, съ ними я знакомился; по вечерамъ искалъ случая сойтись гдѣ нибудь съ моряками у нашихъ общихъ знакомыхъ; но они, по большей части, уклонялись отъ сближенія съ адъютантами князя, даже не ходили во флигель, въ которомъ мы помѣщались, и осуждали того изъ своихъ товарищей, кто отступалъ отъ этого предвзятаго правила.

Снабдивъ князя лошадьми, я занялся, по порученію его свѣтлости, заготовленіемъ вьюковъ, на случай военныхъ дѣйствій внѣ города. Изъ этого можно видѣть какъ заблаговременно онъ думалъ о томъ маневрированіи, за которое въ послѣдствіи севастопольцы, по подстрекательствамъ Корнилова, такъ на него негодовали.

Скудныя средства и недостатокъ рукъ на работахъ сокрушали свѣтлѣйшаго: многія работы были затѣяны, а производить ихъ было некому; войска, между тѣмъ, прибывали, но князь не имѣлъ права обращать ихъ на инженерныя работы. Разъ, объѣзжая очертаніе оборонительной линіи, князь остановился, кажется, противъ 5-го бастіона, возлѣ помѣщенія вновь прибывшаго Волынскаго полка. Люди были на ученьи; поздоровавшись съ ними, князь заговорилъ съ полковникомъ Хрущовымъ. Когда его свѣтлость выразилъ ему затрудненія свои въ недостаткѣ рабочихъ рукъ, Хрущовъ, долго не думая, по-

просилъ его предоставить нѣкоторыя изъ работъ Волынскому полку. Лицо князя просіяло отъ радости: но онъ спросилъ при этомъ: не навлечетъ-ли этимъ Хрущовъ на себя неудовольствія своего начальства? Но полковникъ бралъ всю отвѣтственность на себя, прибавивъ, что работа будетъ людямъ полезна, тѣмъ, что разовьетъ въ нихъ силы. На другой же день Хрущовъ поставилъ людей на работу и во все ея продолженіе самъ былъ за инженера.

Такъ отрекомендовалъ себя Александръ Петровичъ Хрущовъ съ первыхъ дней прибытія своего въ Севастополь... Имя его занимаетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ обороны многострадальнаго города. Приведенный мною случай можетъ служить вѣсскимъ доказательствомъ тому, какихъ усилій стоила князю подготовка Севастополя къ оборонѣ: свѣтлѣйшему приходилось вымаливать себѣ и средства, и рабочія силы, какъ будто дѣло шло о какихъ-то частныхъ постройкахъ, въ которыхъ никто не заинтересованъ, кромѣ самого строителя! Князь никогда не забывалъ услуги, оказанной волынцами, и этотъ полкъ былъ, изъ пѣхотныхъ, его любимѣйшимъ.

Съ весною усилилось прибытіе войскъ въ Севастополь. Когда гусарскій герцога Лейхтенбергскаго полкъ вступалъ въ городъ, свѣтлѣйшій выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Командиръ полка Халецкій, въ князя издалека, молодецки подобравъ лошадь, лихо, въ ланхъ, подскакалъ къ князю. Онъ произвелъ на свѣтлѣйшаго пріятное впечатлѣніе и князь громко поздоровался съ полкомъ. Гусары грянули дружно и съ того времени онъ полюбилъ этотъ полкъ, хотя и неопытный, еще незакаленный, но хорошій полкъ, полный рвенія и готовности. Въ день встрѣчи лейхтенбергцевъ, князь ѣхалъ рядомъ съ полкомъ; Халецкій, рисуясь на борзомъ конѣ, представлялъ его свѣтлости эскадронныхъ командировъ по одиночкѣ. Свѣтлѣйшій былъ видимо доволенъ. Послѣ холодности моряковъ, ему особенно отрадно было видѣть сочувствіе къ себѣ войскъ.

Начальниковъ прибывавшихъ частей войскъ свѣтлѣйшій въ первый же день прибытія приглашалъ къ обѣду, сажалъ возлѣ себя, разспрашивалъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними и потомъ дѣлалъ о нихъ почти безошибочное заключеніе. Не утомляя солдатъ смотрами, князь зорко всматривался въ ихъ бытъ, вникалъ въ духъ полка, вѣрно оцѣнивалъ его достоинства. Солдатами онъ вообще былъ доволенъ; командирами— не всегда.

3-го іюня, въ обѣденную пору, когда мы были за столомъ, кто-то внезапно прибѣжалъ сказать, что не вдалекѣ крейсируютъ три непріятельскіе парохода. Князь вскочилъ изъ-за стола и тутъ же, сколько мнѣ помнится, вошелъ Корниловъ и сталъ просить князя разрѣшить

ему выйти съ шестью пароходами атаковать непріятельскихъ крейсеровъ. Всѣ мы отправились на кровлю библіотеки (или „на библіотеку“, какъ говорили севастопольцы), откуда постоянно дѣлались наблюденія надъ моремъ.

Съ библіотеки князь увидалъ, что непріятельскіе пароходы—большихъ размѣровъ, и совѣтовалъ Корнилову не выходить въ море, чтобы не подвергать сравненію нашихъ паровыхъ судовъ съ большими непріятельскими и тѣмъ не обнаружить недостатковъ первыхъ. Корниловъ—человѣкъ пылкій — настоялъ на своемъ. Уважая отвагу адмирала, свѣтлѣйшій далъ ему свое дозволеніе, не раздѣляя однако-же его надеждъ... Корниловъ даетъ сигналъ и спѣшитъ ударить на пароходы; князь остался на библіотекѣ. Пароходы вышли и, въ сравненіи съ непріятельскими, показались намъ еще меньшихъ размѣровъ. Свѣтлѣйшій тревожно слѣдилъ за ходомъ дѣла, угрюмо ворчалъ... но когда пароходы союзниковъ, не принимая боя, увели нашихъ на горизонтъ, а наши, послѣ перестрѣлки, повернули назадъ, свѣтлѣйшій только сказалъ мнѣ:

— „Пойдемъ пить чай“.

Подали чай. Князь сѣлъ на одномъ концѣ балкона, я на другомъ; онъ молчалъ. Этимъ временемъ пароходы вернулись, бросили якорь, и Корниловъ поспѣшилъ въ Екатерининскій дворецъ. Только что князь вышелъ въ залу, чтобы встрѣтить адмирала, какъ тотъ, въ свою очередь, стремительно распахнулъ дверь и, не переступая порога, громко и съ горячностью произнесъ:

— Вы правы, ваша свѣтлость! У насъ нѣтъ пароходовъ... Они насъ не подпустили, да и борты у нихъ настолько выше нашихъ, что сцѣпиться невозможно!

Лѣто шло. Оборонительная линія была сомкнута и вооружена; изыскивались средства, чтобы ее еще по возможности усилить; работы продолжались. Тутъ кстати прибылъ къ намъ гость—инженеръ, явился къ свѣтлѣйшему и съ первой же встрѣчи расположилъ его въ свою пользу. Гость этотъ былъ саперный подполковникъ Тотлебенъ.

Въ южной арміи Тотлебенъ состоялъ при генералѣ К. А. Шильдерѣ и, послѣ его смерти, будучи свободенъ и не получая опредѣленныхъ занятій у кн. М. Д. Горчакова, отпросился въ Севастополь „посмотрѣть,— какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ,— вооруженную крѣпость, ожидающую непріятеля, чего никогда еще не видалъ“. Кто знаетъ Тотлебена, кому извѣстна его любознательность, тотъ не усомнится, конечно, что намѣренія этого инженера не имѣли иной цѣли, кромѣ той, которую онъ мнѣ высказалъ. Зная военныя способ-

ности князя Александра Сергѣевича, Тотлебенъ говорилъ мнѣ, что пріѣхалъ у него поучиться и высказывалъ это чистосердечно.

Тотлебенъ прибылъ въ Севастополь 10-го августа и просилъ у его свѣтлости позволенія осмотрѣть укрѣпленія во всѣхъ подробностяхъ; любовью своею къ наукѣ онъ заинтересовалъ князя, который выразилъ ему свое расположеніе еще и за то, что Тотлебенъ былъ преданнымъ и любимымъ сподвижникомъ покойнаго Шильдера, котораго свѣтлѣйшій зналъ за способнѣйшаго инженера и глубоко уважалъ. Здѣсь замѣчу, что князю очень хорошо было знакомо инженерное дѣло; онъ любилъ его, интересовался имъ всегда, былъ въ курсѣ производства инженерныхъ работъ во всемъ свѣтѣ и обладалъ въ своей библіотекѣ рѣдкимъ собраніемъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ книгъ по части инженернаго искусства.

По уходѣ Тотлебена, что̀ было уже въ сумерки, князь послалъ за мной.

— „Сюда пріѣхалъ изъ южной арміи, — сказалъ мнѣ князь, — саперный офицеръ и очень мнѣ понравился. Онъ тамъ состоялъ при Шильдерѣ и, кажется, былъ его любимецъ, что само по себѣ уже выгодно его рекомендуетъ. Кромѣ того, онъ по фамиліи Тотлебенъ, а я знаю, что былъ на Кавказѣ генералъ Тотлебенъ—очень практичный и способный человѣкъ: онъ тамъ провелъ войска по такому пути, котораго теперь и отыскать не могутъ [1]). Объ этой заслугѣ своего предка пріѣзжій Тотлебенъ и не зналъ, но ему очень лестно, что они родственники. Ты сходи къ Тотлебену; онъ остановился въ нумерахъ гостинницы; познакомься, онъ тебѣ понравится. Предложи ему мою лошадь и завтра же поѣзжай съ нимъ; покажи все по порядку“.

Я исполнилъ приказаніе князя: познакомился съ Тотлебеномъ и на слѣдующій день мы начали объѣзды по оборонительной линіи, отъ 6-го бастіона. На первый случай ѣздили до обѣда, но осмотрѣли немного, потому что Тотлебенъ, не торопясь, вникалъ во всѣ подробности произведенныхъ работъ. Посвященный во все, что было у насъ по этой части сдѣлано, и будучи хорошо знакомъ съ мѣстностью, противулежащею нашей оборонительной линіи, я объяснялъ моему спутнику все то, что зналъ. Вниманіе, съ которымъ Тотлебенъ меня выслушивалъ, обстоятельные его распросы, уваженіе и довѣренность, выказываемыя имъ къ познаніямъ князя Меншикова въ инженерномъ искусствѣ, все это расположило меня въ его пользу. Возвратившись съ

---

[1]) При этомъ князь подробно разсказалъ мнѣ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ подъ предводительствомъ Тотлебена, на Кавказѣ, но разсказъ этотъ, къ сожалѣнію, совершенно изгладился изъ моей памяти.

А. П.

перваго объѣзда, я поспѣшилъ передать князю о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Тотлебеномъ, прибавивъ къ тому, что нашъ гость непохожъ на тѣхъ инженеровъ, которые были тогда въ Севастополѣ: онъ, въ случаѣ надобности, не станетъ ожидать разрѣшеній отъ строительнаго департамента на производство тѣхъ или другихъ экстренныхъ работъ въ военное время, а съумѣетъ найти сподручныя къ нимъ средства. Это послѣднее обстоятельство особенно порадовало князя.

Поручивъ мнѣ продолжать знакомство Тотлебена съ интересующимъ его предметомъ, князь уволилъ меня отъ сопутствія его самого въ ежедневныхъ поѣздкахъ. Такъ, въ теченіе цѣлой недѣли, мы съ Тотлебеномъ объѣзжали оборонительную линію. Онъ не разъ бывалъ приглашаемъ свѣтлѣйшимъ къ обѣду, во время котораго и самъ гость успѣвалъ все болѣе и болѣе снискивать расположеніе князя. Наконецъ свѣтлѣйшій, убѣдясь, что Тотлебенъ достаточно посвященъ въ предметъ, самъ повторилъ съ нимъ осмотръ всей оборонительной линіи съ моря и съ сухаго пути и, сообразивъ, что Тотлебенъ будетъ ему весьма полезенъ, предложилъ ему остаться при себѣ, выразивъ надежду, что князь Горчаковъ препятствовать этому желанію не будетъ. Тотлебенъ изъявилъ со своей стороны полнѣйшую готовность состоять при свѣтлѣйшемъ, при чемъ шепнулъ мнѣ, что главнокомандующій южною арміею не жаловалъ Шильдера, а по немъ и имъ, Тотлебеномъ, не подорожитъ. Такъ и вышло: лишь только князь написалъ объ этомъ предметѣ Горчакову, какъ тотъ выразилъ совершенное свое согласіе.

Посвятивъ новаго нашего инженера во всѣ подробности произведенныхъ работъ, свѣтлѣйшій поспѣшилъ дополнять и усиливать ихъ, пользуясь содѣйствіемъ и услугами Тотлебена. Наконецъ, придумано было, на Зеленой горѣ, внѣ севастопольскихъ укрѣпленій, устроить редутъ, для тресировки котораго, 31-го августа, князь съ Тотлебеномъ въѣхалъ на эту гору и при себѣ приказали его разбить. На слѣдующій день послѣ разстановки рабочихъ, предположено было начать осмотръ мѣстности, лежащей впереди оборонительной линіи. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ показать Тотлебену окрестностей Севастополя, такъ какъ 1-го сентября получено было извѣстіе о появленіи непріятельскаго флота съ десантомъ.

Изучая устройство оборонительной линіи, Тотлебенъ ознакомился и со всѣми затрудненіями, которыя встрѣчалъ свѣтлѣйшій; при этомъ онъ не одинъ разъ выражалъ свое удивленіе тому, что князь еще успѣлъ такъ много сдѣлать. Линія была сомкнута и посильно вооружена; всѣ болѣе доступныя мѣста были означены возведеніемъ уси-

ленныхъ батарей; самое-же главное—линія была обдумана и очерчена такъ, что въ послѣдствіи оставалось только возвести на ней то, чего не успѣлъ возвести свѣтлѣйшій. Сочувствуя князю, Тотлебенъ указывалъ ему на подручныя средства, которыми въ минуту крайности можно будетъ произвольно воспользоваться, и вполнѣ сознавалъ, что княземъ было сдѣлано все то, что только можно было придумать для предупрежденія внезапнаго нападенія непріятеля на Севастополь. Со своей стороны, Тотлебенъ предполагалъ начать съ того, чтобы осыпать землею каменные завалы.

Конечно, укрѣпленія, найденныя Тотлебеномъ при его пріѣздѣ, не могли идти въ сравненіе съ тѣми, которыя возникли въ послѣдствіи, во время долговременной обороны; но, во всякомъ случаѣ, они были закончены въ такой мѣрѣ, что непріятель устрашился ихъ—и, при всѣхъ своихъ громадныхъ средствахъ, не рѣшился атаковать Севастополь открытою силою, а приступилъ къ осаднымъ работамъ. Спрашивается: чья тутъ заслуга, если не князя Александра Сергѣевича?

Многія замѣчательныя, офиціальныя сочиненія обвиняютъ его, будто бы онъ не ожидалъ важныхъ дѣйствій союзниковъ противу Севастополя и вообще Крыма... Прошу прислушать:

21-го января 1854 г., въ секретномъ своемъ донесеніи (за № 233) Императору, князь выражаетъ опасенія, что непріятель предприметъ атаку на Севастополь съ моря и суши въ значительныхъ силахъ для овладѣнія городомъ и для истребленія флота.—27-го числа того-же мѣсяца, въ другомъ секретномъ донесеніи (№ 237) Государю-же, онъ выражаетъ предположеніе о покушеніи непріятеля въ значительныхъ размѣрахъ—на Крымъ. Въ донесеніи того-же дня (№ 241), предостерегаетъ о могущемъ быть, по вышесказанному поводу, возмущеніи крымскихъ татаръ. Февраля 16-го (№ 259), сообщаетъ его величеству о соображеніяхъ, дѣлаемыхъ татарами на случай высадки турокъ въ Крыму. Марта 25-го (№ 288), повергаетъ на благоусмотрѣніе Императора мысль объ огражденіи сѣвернаго берега бухты оборонительной стѣною. Марта 31-го (№ 296), испрашиваетъ дозволеніе объ употребленіи войскъ для обереженія отъ нечаяннаго нападенія и для наблюденій за окрестностями Севастополя. Въ донесеніи, отъ 9-го апрѣля (№ 299), подтверждаетъ свои опасенія на счетъ предпріятія союзниковъ на Крымъ.

Въ перепискѣ съ военнымъ министромъ, въ мартѣ (№№ 297, 344 и 362), свѣтлѣйшій прилагаетъ попеченіе—за неимѣніемъ войскъ—обратить на дѣйствительную службу льготныхъ ногайцевъ Крымскаго полуострова; вооружить государственныхъ крестьянъ русскаго народо-

населенія въ Крыму; присоединить двѣ роты Балаклавскаго греческаго баталіона, поручивъ имъ наблюденіе за южнымъ берегомъ Крыма.—Апрѣля 9-го (№ 393), пишетъ военному министру, чтобы во ожиданіи военныхъ дѣйствій на полуостровѣ—травяное довольствіе лошадей отмѣнить. Апрѣля 10-го (№ 406), пишетъ атаману Хомутову и совѣщается съ нимъ о томъ, чтобы онъ, въ случаѣ высадки непріятеля, расположилъ свои войска такъ, чтобы они могли поспѣть на извѣстные пункты Крыма. Апрѣля 18-го (№ 455), предписываетъ полковнику Залѣсскому поспѣшить перевозкою провіанта изъ Евпаторіи въ болѣе безопасное мѣсто. Апрѣля 21-го (№ 484), проситъ главноуправляющаго путями сообщенія графа П. А. Клейнмихеля дать въ его распоряженіе роту рабочихъ для исправленія дорогъ, по которымъ должно ожидать передвиженія войскъ въ окрестностяхъ Севастополя.

Въ маѣ мѣсяцѣ, пользуясь прибытіемъ саперъ, князь прокладываетъ новую дорогу, которая ведетъ отъ Инкерманскаго моста черезъ рѣку Черную, по скатамъ южнаго берега бухты, совершенно прикрытая, на корабельную сторону. Эта дорога значительно сокращаетъ сообщеніе сѣверной стороны Севастополя съ южной, обезпечивая движеніе по ней войскъ. Дѣйствительная польза этой дороги была неоцѣненна: она не разъ выручала насъ во время обороны Севастополя.

Продолжаю перечень документовъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности и предвѣдѣніи свѣтлѣйшаго:

Іюня 15-го (№ 782), онъ совѣщается съ атаманомъ Хомутовымъ о мѣропріятіяхъ на случай высадки непріятеля. Іюня 21-го (№ 806), предсказываетъ военному министру о высадкѣ союзниковъ, а 29-го числа того-же мѣсяца (№ 384), во всеподданнѣйшемъ донесеніи Императору, предусматриваетъ мѣсто высадки и количество силъ, въ которыхъ непріятель совершитъ ее, и заключаетъ донесеніе слѣдующими словами: „мы положимъ животы свои въ отчаянной битвѣ на защиту святой Руси и праваго ея дѣла; каждый изъ насъ исполнитъ долгъ вѣрнаго слуги Государю и истиннаго сына отечества; но битва эта будетъ одного противъ двухъ, чего, конечно, желательно избѣгнуть".

Іюля 7-го (№ 903), свѣтлѣйшій пишетъ военному министру, что, въ виду ожидаемой имъ высадки вблизи Евпаторіи, полезно позаботиться о возможности подвоза провіанта къ арміи черезъ Геническъ. Іюля 11-го (№ 399), доноситъ Государю, что, въ виду спѣшной необходимости, онъ, свѣтлѣйшій, проситъ князя Горчакова прислать ему 16-ю дивизію, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія у его величества. Вмѣстѣ съ тѣмъ докладываетъ, что онъ совѣтуетъ глав-

нокомандующему южною арміею распустить слухъ, будто мы имѣемъ намѣреніе дѣйствовать противъ Варны, затѣмъ, чтобы этимъ слухомъ задержать сосредоточенныя тамъ непріятельскія войска. Заключая свое донесеніе изложеніемъ крайней необходимости въ этой дивизіи, князь говоритъ... „въ этой дивизіи (въ южной арміи), можетъ быть, нѣтъ такой тамъ необходимости, какъ здѣсь, въ Севастополѣ, на который непріятель смотритъ, конечно, какъ на вѣнецъ всѣхъ своихъ достиженій". Іюля 13-го (№ 957), увѣдомляетъ Реада о намѣреніи созниковъ дѣйствовать въ Крыму. Іюля 14-го (№ 401), проситъ перевезти на подводахъ передовыя войска 16-й дивизіи. Іюля 20-го (№ 405), пишетъ Государю, что непріятель, какъ онъ думаетъ, ранѣе мѣсяца не соберется еще въ тѣхъ силахъ, въ какихъ намѣренъ сдѣлать десантъ. Іюля 21-го (№ 996), пишетъ начальнику 16-й дивизіи генералу Квицинскому, чтобы онъ спѣшилъ съ дивизіею сколь возможно. Іюля 28-го (№ 407), увѣдомляетъ Императора о средствахъ, принятыхъ для ускоренія марша войскъ. Августа 5-го (№ 1069), отдаетъ бригадному командиру Щелканову приказаніе слѣдовать съ 1-ю его бригадою на Алму; того-же числа (№ 1070), предписываетъ Квицинскому пододвинуть 2-ю бригаду. Августа 17-го, князь, въ ожиданіи высадки непріятеля, къ бригадѣ Щелканова на Альмѣ присоединяетъ бригаду 17-й дивизій.

Изъ содержанія всѣхъ этихъ донесеній и распоряженій, съ января по сентябрь 1854 года, очевидно, что князь не только ожидалъ высадки, но даже опредѣлялъ время, мѣсто и размѣры силъ, въ которыхъ она будетъ совершена въ Крыму. Можно-ли обвинять князя Александра Сергѣевича въ безпечности его отношеній къ этому важному вопросу? Онъ оборонялъ Севастополь крупицами изъ-подъ ногъ инженернаго департамента; собиралъ разбросанные, никому не нужные обрывки войскъ. Серьезный взглядъ князя на покушеніе союзниковъ на Севастополь приписывали малодушному желанію свѣтлѣйшаго придать случайному своему посту бо́льшее значеніе.

Если нѣкоторые писатели обвиняли князя Меншикова въ томъ, что онъ до высадки непріятеля подготовлялъ оборону Севастополя единственно въ ожиданіи какого нибудь незначительнаго отряда, выброшеннаго непріятелемъ вблизи города, то они не такъ его поняли. Онъ засталъ Севастополь совершенно открытымъ къ доступу непріятеля со стороны суши—и въ такой мѣрѣ, что если-бы турки (не говорю уже о ихъ союзникахъ) предприняли какую нибудь ночную экспедицію, то и они могли-бы овладѣть не только нѣкоторыми укрѣпленіями съ тыла, но даже и самымъ городомъ, при томъ отсутствіи войскъ, при которомъ находился Севастополь во всю зиму съ 1853

на 1854 годъ. Считая таковое событіе вполнѣ возможнымъ, князь, за неимѣніемъ бо̀льшихъ средствъ, пользовался средствами наличными, едва достаточными противъ тѣхъ мелкихъ покушеній, въ исходѣ 1853 года, которыхъ можно было ожидать только со стороны турокъ, въ отплату намъ за Синопъ. По этому-то князь, обозрѣвая береговыя батареи, какъ напримѣръ, Константиновскій фортъ, въ виду необезпеченной его горжи, говорилъ Корнилову, что и горсть турокъ, выброшенная позади этого форта на берегъ, можетъ безъ труда овладѣть горжею, да такъ, что покуда мы опомнимся, непріятели успѣютъ заклепать всѣ орудія и даже взорвать самый фортъ. Точно въ такомъ-же положеніи былъ и 10-й № батареи, по своей уединенности, и долженъ былъ опасаться нечаяннаго нападенія.

Свѣтлѣйшій пріѣхалъ изъ Николаева единственно затѣмъ, чтобы попристальнѣе взглянуть на существовавшія въ то время береговыя укрѣпленія и сдѣлать свои о нихъ заключенія. Между прочими ихъ недостатками онъ замѣтилъ, что симметрически прорѣзанныя амбразуры лишали возможности направлять огонь нѣкоторыхъ орудій куда слѣдуетъ. Поэтому онъ приказалъ эти недостатки немедленно исправить, форты-же усилить вооруженіемъ ихъ верковъ. Усматривая при этомъ, что при ихъ постройкѣ не имѣлось въ виду нападеній на нихъ съ тыла, сдѣлалъ распоряженія о защитѣ горжъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ угрожала возможность овладѣть фортами съ берега. Этимъ князь началъ распоряженія свои по укрѣпленію Севастополя.

Князь прибылъ изъ Николаева, такъ сказать, на легкѣ, съ однимъ сакъ-вояжемъ; увидѣлъ безпечность, въ которой пребывало инженерное вѣдомство, и не рѣшился оставить Севастополя.

Въ Николаевѣ у свѣтлѣйшаго былъ приспособленный рабочій кабинетъ, ожидавшій его въ надлежащемъ порядкѣ, снабженный всѣмъ необходимымъ для обычныхъ его занятій. Въ послѣдствіи я узналъ, что повсюду, гдѣ князь, время отъ времени, имѣлъ мѣстопребываніе, тамъ ожидалъ его кабинетъ со всѣми принадлежностями для письма и научныхъ справокъ. Имѣть кабинетъ въ порядкѣ было для свѣтлѣйшаго существенною потребностью, — въ Севастополѣ у него таковаго еще не было. Никому не довѣряя перевозки своего кабинета, князь, пребывая въ Севастополѣ, все надѣялся улучить досужее время и, по собственному его выраженію, „скатать въ Николаевъ“... Досужаго времени не оказывалось и поѣздку свою онъ откладывалъ со дня на день. Наконецъ, потерявъ всякую надежду отлучиться, свѣтлѣйшій, 20-го февраля 1854 г., послалъ въ Николаевъ меня, со своимъ человѣкомъ, для перевозки въ Севастополь

его кабинета и оставленныхъ вещей. Передалъ мнѣ ключи, разсказавъ подробно какимъ послѣдовательнымъ порядкомъ забирать бумаги, книги и проч. такъ толково и ясно, что въ Николаевѣ я могъ распорядиться, будто кабинетъ князя давно былъ мнѣ знакомъ. Я не могъ достаточно надивиться и памяти и аккуратности князя.

Когда Тотлебенъ приступилъ къ осуществленію предначертаній князя Меншикова, то свѣтлѣйшій увидалъ, что новый инженеръ хорошо его понялъ и съ любовью предался дѣлу. Это несказанно радовало князя и онъ, располагаясь совершенно на Тотлебена, имѣлъ возможность поотдохнуть отъ мелочныхъ заботъ. У него стало болѣе времени: онъ могъ навѣщать лагери, расположенные тогда на видныхъ мѣстахъ, затѣмъ, чтобы непріятель не рискнулъ высадиться вблизи Севастополя. Лагерь на южной сторонѣ, около Камышевой бухты, былъ генерала Моллера; а на сѣверной—генерала Кирьякова.

Подошелъ день Бородинскаго праздника (26-го августа). Отслушавъ въ лагерѣ молебенъ, князь поздравилъ Бородинскій полкъ и уѣхалъ; мы-же, адъютанты, остались пировать: ѣли, пили, пили, ѣли — наконецъ, добрались до шампанскаго. Предсѣдателемъ пира былъ Кирьяковъ; подлѣ него сидѣлъ старый герой Бородина — отставной, слѣпой генералъ Бибиковъ, жившій на Бельбекѣ въ своемъ небольшомъ имѣніи. Начались заздравные тосты; провозглашалъ Кирьяковъ... Дошла очередь до гостя-ветерана: Кирьяковъ всталъ, значительно взглянулъ на сосѣда и протяжно, съ разстановками произнесъ:

— Выпьемъ теперь, господа, за здоровье нашего почтеннѣйшаго гостя... (Бибикова подтолкнули, онъ всталъ)... настоящаго Бородинца,—продолжалъ Кирьяковъ,—и... стараго... вете-ри-нара!!

Сконфуженный ветеранъ поспѣшилъ опуститься; тоста не подхватили; мы, чуть не лопаясь со смѣху, салфетками зажимали себѣ рты... но Кирьяковъ, хотя ему и подсказывали: „ветерана! ветерана!!“ не замѣчая своей ошибки, залпомъ осушилъ бокалъ и, довольный своимъ возгласомъ, сѣлъ.

Это была первая неловкость, сдѣланная Кирьяковымъ....

II.

За двѣ недѣли до высадки непріятеля на берегъ Крыма, общее количество сухопутныхъ войскъ, бывшихъ въ распоряженіи князя, состояло изъ трехъ бригадъ пѣхоты: мушкатерской — 14-й, егерской — 17-й и резервной 13-й дивизій, изъ 6-го сапернаго и 6-го стрѣлковаго ба-

таліоновъ; изъ бригады гусаръ 6-й кавалерійской дивизіи и трехъ батарей артиллеріи. При этомъ всѣ упомянутыя части войскъ были далеко не въ полной числительности... Очень немного; особенно если принять въ соображеніе, что и въ мирное время, для содержанія карауловъ въ Севастополѣ, находилась постоянно дивизія.

Безъ малаго за годъ до высадки, свѣтлѣйшій уже заботился о подготовкѣ для содѣйствія себѣ дѣльныхъ офицеровъ. Для этого онъ не пропускалъ безъ вниманія ни одного изъ мало-мальски способныхъ, къ какому бы роду оружія или вѣдомству ни принадлежалъ офицеръ. Способностью разгадывать человѣка по первому впечатлѣнію князь былъ одаренъ въ высшей степени. Ожидая отъ моряковъ большой помощи при предстоявшей оборонѣ города, онъ нечувствительно, исподоволь, знакомилъ морскихъ офицеровъ съ инженерными работами и подробностями гарнизонной службы въ стѣнахъ осажденнаго города. Онъ приглашалъ ихъ сопутствовать себѣ при разъѣздахъ; всегда умѣлъ привлекать ихъ вниманіе на множество предметовъ, имѣвшихъ отношеніе къ оборонѣ, но, до того времени, почти невѣдомыхъ морякамъ. Князь давалъ имъ порученія—сначала косвенныя, съ цѣлію только заинтересовать предметомъ, а потомъ, вовлекая въ полное участіе, возлагалъ на избранниковъ своихъ и отвѣтственныя должности. Этотъ способъ обращенія съ людьми, которыхъ князь желалъ развить, ему постоянно удавался. Свѣтлѣйшій отлично умѣлъ пользоваться свѣжимъ взглядомъ моряковъ на условія сухопутной службы—взглядомъ, чуждымъ рутины и не отуманеннымъ общепринятыми воззрѣніями на эти условія.

Шестнадцатая дивизія вступила въ Крымъ недѣли за двѣ до высадки непріятеля. Въ ожиданіи ея прибытія, свѣтлѣйшій поѣхалъ прямо на рѣку Алму; отсюда, съ остатковъ старинныхъ окоповъ, надъ устьемъ рѣки [1]), открывался видъ верстъ на пятнадцать.—„Здѣсь,—сказалъ князь,—между Алмой и Евпаторіей, союзники—если они только не опоздаютъ— должны сдѣлать высадку, занявъ, разумѣется, одновременно и Евпаторію... Но, чтобы они не вздумали высадиться гдѣлибо поближе къ Севастополю, я расположу на Альмѣ, въ виду съ моря, одну бригаду 16-й дивизіи. Сюда мы прійдемъ съ остальными войсками—позадержать непріятеля".

Едва мушкатерская бригада успѣла расположиться лагеремъ на Алмѣ, на позиціи, избранной свѣтлѣйшимъ, едва онъ успѣлъ ее объ-

---

[1]) То были остатки укрѣпленій, возведенныхъ, можетъ быть, во время Крымскихъ походовъ Миниха въ 1736—1739 гг.

ѣхать, какъ непріятельскій флотъ былъ уже въ морѣ на высотѣ Евпаторіи—то было 1-го сентября.

На Алминскую позицію князь Александръ Сергѣевичъ, со всѣми лицами, состоявшими при немъ на службѣ, выѣхалъ 3-го сентября. Настоящаго, правильно сформированнаго штаба у него еще не было, да и самъ онъ собственно не имѣлъ никакого назначенія: ему, какъ старшему лицу изъ находившихся тогда въ Крыму, подчинялись прибывавшія туда войска — и только. Такимъ образомъ, находились при свѣтлѣйшемъ: въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера, подполковникъ Вуншъ, присланный къ князю командиромъ береговой линіи, адмираломъ Серебряковымъ; въ качествѣ секретаря — Александръ Дмитріевичъ Камовскій; чиновникъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ— Гротъ и мы, пять адъютантовъ: Сколковъ, Веригинъ, Вилебрандтъ, Грейгъ и я, Панаевъ.

Въ концѣ лѣта 1854 года, когда войска стали прибывать, Вуншъ въ помощники себѣ взялъ капитана Лебедева, который занялъ должность дежурнаго штабъ-офицера; должность начальника штаба занялъ самъ Вуншъ. За ординарцевъ при князѣ состояли: лейтенантъ Стеценко, мичманы: князь Ухтомскій и Томиловичъ. Двухъ послѣднихъ свѣтлѣйшій отдалъ на попеченіе мнѣ, какъ-бы дядькѣ. Кромѣ того, для исправленія должности офицера генеральнаго штаба, въ концѣ лѣта былъ присланъ князю кирасирскаго полка штабъ-ротмистръ А. И. Жолобовъ, только что кончившій курсъ въ военной академіи. Докторомъ при свѣтлѣйшемъ состоялъ Таубе.

Въ такомъ-то составѣ двинулся штабъ—если только можно назвать его таковымъ—изъ Севастополя, и, сдѣлавъ первый переходъ до праваго берега рѣки Качи, расположился отдыхомъ на помѣщичьемъ хуторѣ. Мы собирались къ обѣду, какъ во дворъ вошелъ вновь прибывшій въ армію докторъ; фамиліи не помню, знаю только, что онъ былъ назначенъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Онъ пришелъ явиться къ князю, о чемъ и просилъ меня доложить свѣтлѣйшему. Зная какъ онъ, въ это время, былъ озабоченъ, я уже думалъ отклонить неумѣстное соблюденіе формальности, какъ свѣтлѣйшій, въ окошко, самъ увидалъ доктора и позвалъ его къ себѣ.

Долго мы дожидались выхода нежданнаго гостя и уже порядочно проголодались; наконецъ, онъ выскочилъ на дворъ, красный какъ ракъ. Пыхтя и отдуваясь, подошелъ онъ къ намъ; мы всѣ съ любопытствомъ на него смотрѣли, не понимая причины этого волненія. „За что,—думалъ я,—свѣтлѣйшій его распекъ? Небывалая вещь!“

— „Я какъ изъ бани!—произнесъ наконецъ докторъ, отирая потъ и не смотря ни на кого въ особенности,—свѣтлѣйшій задалъ мнѣ

такой экзаменъ, какого я и въ академіи не держалъ... И откуда у него столько свѣдѣній, и все такіе существенные, чисто научно-практическіе вопросы?... Могъ-ли я предполагать: адмиралъ и такой старый человѣкъ—и столько свѣдѣній въ медицинѣ. Я насилу собрался съ мыслями и ежели-бы онъ самъ не ободрилъ меня, я бы, просто, въ тупикъ сталъ. Послѣ, я уже оправился и разговорился съ княземъ, какъ съ коллегой. Главное—неожиданность: я никогда не слыхивалъ, чтобы князь Меншиковъ былъ такъ свѣдущъ въ медицинѣ. Я ему—просто: „честь имѣю явиться"—а онъ и пошелъ меня пытать, такъ что въ потъ бросило,—продолжалъ докторъ.—Интересный, господа, человѣкъ,—произнесъ онъ съ одушевленіемъ послѣ минутнаго молчанія,—но, кажется, свѣтлѣйшій остался мною доволенъ: къ обѣду пригласилъ... Теперь я буду посмѣлѣй!..."

— „Да, батюшка,—шутливымъ тономъ замѣтилъ ему Веригинъ,—мы никого не пропустимъ безъ вниманія..."

Отобѣдавъ на-скоро, свѣтлѣйшій ушелъ къ себѣ; распоряженіямъ у него не было конца. Безпрестанно пріѣзжали съ наблюдательныхъ постовъ казаки съ донесеніями о томъ, что было особеннаго замѣчено при высадкѣ непріятеля. Такъ какъ намъ, адъютантамъ, порученій еще не было, то я и предложилъ товарищамъ воспользоваться большой диванной комнатой и соснуть, въ виду того, что ночь можетъ быть очень тревожная. Мы всѣ полегли, однако никому не спалось... Веригинъ и Грейгъ шутили; другіе притаились, притихли; я все хотѣлъ мысленно изобразить себѣ картину предстоящаго боя: однако это мнѣ не удавалось... Поднялись и стали балагурить.

Когда стемнѣло, князь позвалъ меня и поручилъ принимать присылаемыхъ съ постовъ и докладывать по усмотрѣнію. Какъ я ни сторожилъ подъѣзжавшихъ, чтобъ спросить ихъ ранѣе, чѣмъ свѣтлѣйшій могъ заслышать движеніе на дворѣ,—онъ всетаки каждый разъ выходилъ на крыльцо и прислушивался къ опросамъ.

Раннимъ утромъ 4-го сентября, свѣтлѣйшій поднялся, поспѣшилъ сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, сѣлъ на коня и поѣхалъ на Алму. Отъѣхавъ версты три, мы услышали канонаду: то непріятель съ пароходовъ обстрѣливалъ мѣсто своей высадки. Князь прибавилъ ходу своей лошади, и безъ того уже бѣжавшей крупной рысью. Войска, которыя мы обгоняли, спѣшили сколько могли; при всемъ томъ отсталыхъ было много. Подгоняя и ободряя ихъ, мы едва поспѣвали за свѣтлѣйшимъ. День былъ ясный, веселый. Раскаты выстрѣловъ возбуждали наше нетерпѣніе. Мнѣ показалось, что бой уже начался... Однако, пріѣхавъ на Алму, мы увидѣли, что здѣсь все тихо: войска занимаютъ позиціи и устраиваютъ бивуаки.

Князь, быстро объѣхавъ расположеніе войскъ, пристально осмотрѣлъ позицію, передвинулъ нѣкоторыя части и велѣлъ тотчасъ-же приступить къ возведенію двухъ земляныхъ укрѣпленій для батарей, обстрѣливающихъ бродъ и мостъ на Алмѣ, — противу нашего праваго фланга. Потомъ онъ выбралъ высоту на площадкѣ, на которой велѣлъ мнѣ расположить его ставку. Это была маленькая, для помѣщенія одного человѣка сдѣланная палатка; подлѣ нея другая, солдатская, для прислуги, и третья—для ефрейторскаго караула. Возлѣ ставки князя и мы разбили себѣ нѣсколько палаточекъ.

Приказъ всѣмъ нашимъ отрядамъ собираться на Альму былъ отданъ княземъ вскорѣ по появленіи въ морѣ непріятельскаго флота. Войска спѣшили на позицію, предусмотрѣнную свѣтлѣйшимъ, какъ могли и кто только могъ, такъ что 8-го сентября, на зарѣ, едва успѣли дотянуться хвосты Московскаго и Углицкаго полковъ и, по мѣрѣ прихода, вступали на приготовленныя имъ мѣста уже въ боевой позиціи. Къ полудню 8-го сентября порядокъ расположенія ея приблизительно былъ слѣдующій:

Противъ моста на Алмѣ—Владимірскій пѣхотный и Казанскій егерскій полки; правѣе—Суздальскій пѣхотный и Углицкій егерскій. За Владимірскимъ, въ скрытомъ мѣстѣ, былъ баталіонъ моряковъ, опредѣленнаго назначенія не имѣвшій: его участіе въ дѣлѣ зависѣло отъ случая крайней необходимости. Сзади, нѣсколько лѣвѣе Казанскаго полка, стояли четыре баталіона бригады 13-й резервной дивизіи; за нею, бригада 17-й дивизіи была расположена такъ, что, принимая атаку, могла сама, въ случаѣ надобности, поддержать резервные баталіоны 13-й дивизіи; лѣвѣе отъ упомянутой бригады—Московскій пѣхотный полкъ, занимавшій, частію въ разсыпномъ порядкѣ, огороды и высоты надъ бродами чрезъ рѣку. За Московскимъ въ резервѣ стояли—Волынскій, въ полномъ составѣ, и 3 баталіона Минскаго полка. Послѣдніе имѣли въ виду поддерживать свой второй баталіонъ, командированный для наблюденія за лѣвымъ флангомъ позиціи. Наблюденіе за правымъ флангомъ всей позиціи поручено было двумъ полкамъ казаковъ. Гусарская бригада была въ закрытомъ резервѣ; употребить ее предполагалось для атаки праваго фланга того непріятельскаго отряда, который бы могъ устремиться на нашъ лѣвый флангъ.

7-го сентября, часовъ около четырехъ по полудни, непріятель, съ первоначальнаго своего расположенія сдѣлавъ движеніе впередъ, отѣснилъ наши аванпосты версты на двѣ, до того, что цѣпь снялась и собралась въ лощинѣ Булганакъ. Цѣпь составлялъ гусарскій герцога Лейхтенбергскаго полкъ, въ поддержку которому князь Меншиковъ

немедленно послалъ гусарскій Веймарскій. Чтобы внушить непріятелю, что мы далеко не такъ слабы, какъ были на самомъ дѣлѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для ободренія кавалеріи, свѣтлѣйшій, слѣдомъ за Веймарцами, послалъ казачью батарею, полки Тарутинскій и Бородинскій съ 4-ю пѣшею легкою батареею. Этотъ небольшой отрядъ, по наружности, былъ цвѣтомъ всего воинства, собравшагося на Алмѣ. Дѣйствительно, въ строю, было чѣмъ полюбоваться: егеря, подобранные „на чистоту", могли быть украшеніемъ гвардейскихъ полковъ. Командиръ Бородинскаго полка казался человѣкомъ положительнымъ, но, какъ въ послѣдствіи оказалось, лишенный военныхъ свѣдѣній, былъ весьма не находчивъ; что касается до командира Тарутинскаго полка, то онъ болѣе похожъ былъ на полковаго попа, да таковымъ оказался и на самомъ дѣлѣ. Казачья батарея была очень подвижна, а четвертая легкая, съ своимъ командиромъ, была, что называется — „настоящая" батарея. Веймарскій гусарскій полкъ былъ отлично надутый мыльный пузырь: наливные, вороные, хорошо подобранные кони съ рослыми, краснощекими всадниками — имѣли очень нарядный видъ и съ восемью баталіонами егерей представляли, по истиннѣ, грозную массу, озаренную, предъ глазами непріятеля, лучами заходящаго солнца. Пользуясь этимъ эффектомъ, князь поручилъ генералъ-лейтенанту Кирьякову — искуснымъ маневрированіемъ выказать этотъ отрядъ въ угрожающемъ положеніи, на видномъ мѣстѣ и въ числительности, бо́льшей противу настоящей. Съ этой цѣлью свѣтлѣйшій приказалъ, раздвинувъ весь отрядъ такъ, чтобы онъ занялъ наибольшее пространство, производить имъ такія движенія, чтобы однѣ и тѣ-же части отряда показались непріятелю вдвойнѣ.

Что-же сдѣлалъ Кирьяковъ? Поспѣшно перейдя мостъ въ первой лощинѣ, онъ сжалъ отрядъ въ резервный боевой порядокъ, чѣмъ скрылся отъ глазъ непріятеля, и, выдвинувъ нѣсколько наизволокъ 4-ю легкую батарею, снялъ ее съ передковъ... да тутъ и остался! Веймарскій гусарскій полкъ онъ послалъ атаковать непріятельскую кавалерію, которая выказалась на лѣвомъ флангѣ ихъ позиціи въ весьма слабомъ составѣ. Эта атака, удачно выполненная, въ совокупности съ ударомъ двухъ казачьихъ полковъ, бывшихъ на готовѣ обогнуть лѣвый флангъ непріятеля—могла истребить всю жалкую его кавалерію. Слѣдомъ за гусарами понеслась казачья батарея и остановилась на спускѣ въ Булганакскую лощину, на противуположной сторонѣ которой была, какъ разъ, непріятельская конница; гусары-же, спустившись въ самую лощину, остановились въ ней—не зная зачѣмъ. Между тѣмъ казачья батарея, снявшись съ передковъ, нѣсколькими выстрѣлами черезъ головы своихъ гусаровъ успѣла привести непріятеля

въ замѣшательство и тогда-то на его сторонѣ пали первыя жертвы Крымской экспедиціи. Какъ жаль, что не состоялся ударъ гусаровъ! они ждали, что начнутъ казаки, а казаки смотрѣли на гусаровъ; послѣднихъ, бывшихъ въ весьма щекотливомъ положеніи въ лощинѣ и не видѣвшихъ непріятеля,—обуялъ страхъ неизвѣстности. Англо-французы, пользуясь возможностью оправиться, пустили два ядра по казакамъ, которые тотчасъ-же скрылись. Этимъ временемъ, командиръ Лейхтенбергскихъ гусаръ генералъ Халецкій, видя, что Веймарцы поскакали на лѣвый флангъ непріятеля, поспѣшилъ присоединиться къ своимъ: повернувъ повзводно направо, онъ покатилъ Булганакской лощиной на рысяхъ— но свои его не признали: подъ вліяніемъ тяжелой неизвѣстности о томъ, что́ кругомъ ихъ творилось, слыша только пушечные выстрѣлы, Веймарцы, завидя гусаръ Халецкаго въ бѣлыхъ курткахъ (что для нихъ не было новостью: они и сами носили такія-же), крикнули „непріятель!“ повернули — и драло... Видно, у страха глаза велики. Лейхтенбергцы, не ожидая этой прыти—такъ какъ полагали, что наша взяла, — въ недоумѣніи остановились, и, подумавъ немного, поспѣшили присоединиться къ отступавшимъ... Батарея, не понимая причины улепетыванія гусаръ, осталась на позиціи одна, безъ всякаго прикрытія.

Между тѣмъ, Кирьяковъ, полагая, что Веймарцы отступили отъ непріятельской конницы, ударившей ихъ во флангъ, внезапно завидѣлъ одинъ эскадронъ Лейхтенбергцевъ, который несся на рысяхъ прямо къ отряду, и, принявъ его за непріятельскій, скомандовалъ батареѣ: „пли!“ Батарейный командиръ не рѣшался, сомнѣваясь, чтобы этотъ эскадронъ могъ быть непріятель: но Кирьяковъ настаивалъ такъ упорно, что батарея мигомъ выпустила 8 снарядовъ. Посыпались свои, эскадронъ бросился врознь. Жалости достойная картина этой кровавой безтолочи была какъ на ладони передъ глазами свѣтлѣйшаго... Всѣ бывшіе у ставки князя видѣли это, ломали руки, тужили — а помочь было невозможно. Изъ опасенія, чтобы генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ опять чего не напакостилъ, князь поспѣшилъ воротить его въ свое мѣсто. Но, какъ-бы вы думали? Эта к.... (своими ушами слышалъ!), подходя къ свѣтлѣйшему съ донесеніемъ, еще издали закричалъ:

— А, какова батарейка, ваша свѣтлость?! Съ одного выстрѣла положила одиннадцать человѣкъ, и что-то двадцать лошадей!...

Первая мысль моя была, что онъ говоритъ про казачью батарею, паливщую по непріятелю, но Кирьяковъ поспѣшилъ разъяснить, прибавивъ:

— Правда, что это были свои, но могъ быть и непріятель: слѣ-

довательно, это не отнимаетъ достоинства у артиллеристовъ... Батарейный командиръ въ отчаяніи: хлопочетъ теперь надъ убитыми и ранеными гусарами!...

Свѣтлѣйшій только махнулъ рукой, давая этимъ знать генералу, чтобы онъ удалился.

Таковы были наши первыя жертвы перваго дня Крымской кампаніи! Правда, и казаки потеряли двухъ убитыми—но непріятельскимъ ядромъ. Въ молодомъ полку Попова, какъ онъ самъ мнѣ послѣ говорилъ: „взвыли ребятишки, когда увидѣли сорванные черепа станичниковъ... Что станешь съ ними дѣлать?“ заключилъ Поповъ,—„еще никогда убитыхъ не видали“.

Какъ бы въ утѣху за неудачи этого несчастнаго дня, судьба послала намъ плѣннаго французскаго полковника генеральнаго штаба, Ла-Гонди (La-Gondie), состоявшаго въ распоряженіи лорда Раглана. Ла-Гонди былъ куда-то посланъ; ѣхалъ довольно шибко, но, по близорукости, принялъ нашихъ Лейхтенбергцевъ за своихъ: наткнулся прямо на командира (генерала Халецкаго), который и велѣлъ его взять своему ординарцу. Гонди не сопротивлялся и этотъ живой трофей достался намъ даромъ. Плѣнника съ торжествомъ повели къ свѣтлѣйшему, который очень хорошо видѣлъ, что подвигъ тутъ не геройскій, но такъ какъ къ ставкѣ его сбѣжался чуть не весь лагерь — взглянуть на перваго плѣннаго, да еще и полковника генеральнаго штаба,—то князь, въ поощреніе ординарца, похвалилъ его за удаль, пожаловалъ ему знакъ военнаго ордена и за призовую лошадь, очень старую и изнуренную, 150 руб. сер. деньгами. Къ чести ординарца, унтеръ-офицера Зарубина, замѣчу, что деньги онъ бралъ неохотно: „куда онѣ мнѣ?“ говорилъ онъ—„убьютъ, такъ пропадутъ“.

Эти слова оправдались: 13-го октября, подъ Балаклавою, онъ погибъ отъ непріятельской пули: полѣзъ въ свалку за валявшимся на землѣ револьверомъ... Товарищи кричали ему:

— Эй, не лазь, убьютъ!

— Авось! отозвался онъ,—пистолетъ-то хорошъ....

Пуля угодила ему прямо въ лобъ и грохнулся смѣльчакъ на-земь не пикнувъ.

Возвращаюсь къ плѣннику. 8-го сентября, ординарецъ князя, лейтенантъ князь Ухтомскій, рано утромъ, отвезъ Гонди въ Севастополь. Дорогой, желая прокатить француза по русски, на тройкѣ, опрокинулъ его гдѣ-то на бугрѣ, однако благополучно, и доставилъ его на мѣсто здрава и невредима.

Вечеромъ 7-го сентября, свѣтлѣйшій послалъ меня на казацкій бивуакъ передать казакамъ, чтобы они не ограничивались охра-

неніемъ нашего праваго и наблюденіемъ за лѣвымъ флангомъ союзной арміи; помимо этой обязанности, князь приказалъ казакамъ: направлять свои разъѣзды къ Бахчисараю и Симферополю, на случай какихъ либо покушеній врага на эти пункты; ночью имѣть пикеты передъ фронтомъ непріятельскаго лагеря, прикрывая одновременно и аванпостную цѣпь нашихъ гусаръ, которые, находясь такимъ образомъ во второй линіи, будутъ бодрѣе себя чувствовать. О назначеніи казаковъ на линію впереди гусаръ послѣдніе были увѣдомлены своевременно.

Передавъ это приказаніе князя, я получилъ отъ двухъ полковыхъ командировъ казацкихъ, Попова и Тацина, такія увѣренія въ ихъ бдительности, что, не смотря на непроглядную темноту ночи, можно было, казалось, спать спокойно въ нашемъ лагерѣ. Отправляясь въ обратный путь, я захватилъ за собою казацкаго юнкера Хомутова [1]), который былъ наряженъ къ свѣтлѣйшему на посылки. Отправляя его, командиръ наказывалъ двумъ его дядькамъ, старымъ казакамъ, беречь юнкера какъ зѣницу ока. Они, дѣйствительно, чуть не на рукахъ его несли.

Къ ночи съ 7-го на 8-е сентября непріятель не воротился на старую позицію, а ночевалъ тутъ-же, т. е. верстахъ въ шести отъ насъ, за небольшимъ возвышеніемъ. Вслѣдствіе этого, наши аванпосты въ двѣ линіи далеко не уходили: казаки находились въ Булганакской лощинѣ, а гусары на томъ мѣстѣ, на которое съ вечера выходила бригада 17-й дивизіи.

Атаку со стороны союзной арміи надо было ожидать утромъ; поэтому войска, рано позавтракавъ, отправили обозы къ рѣкѣ Качѣ, а сами стали готовиться къ бою. Тогда-то, на мѣстѣ, отведенномъ для перевязочнаго пункта, совершенно случайно, для всѣхъ неожиданно, явилась наша первая русская „сестра милосердія“—Елисавета Михайловна Хлапонина. Не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ воспоминанію объ этой достойнѣйшей женщинѣ.

Однимъ изъ лучшихъ батарейныхъ командировъ тѣхъ войскъ, которыя постепенно прибывали въ Севастополь лѣтомъ 1854 года, былъ подполковникъ Дмитрій Дмитріевичъ Хлапонинъ. Недавно повѣнчанный, онъ пріѣхалъ къ намъ съ молодой женою, очень красивой наружности. Елисавета Михайловна Хлапонина, рожденная Борисова, возбудила живѣйшее вниманіе севастопольскаго общества. По вечерамъ, когда на Екатерининской пристани играла музыка и

[1]) Сынъ Михаила Григорьевича Хомутова, наказнаго атамана войска Донскаго. А. П.

въ числѣ гуляющихъ бывала Хлапонина, то собирался оживленный кружокъ людей, дорожившихъ милою, пріятною бесѣдою Елисаветы Михайловны. Непремѣннымъ участникомъ этого кружка бывалъ генералъ Кирьяковъ, имѣвшій притязаніе на любезность и остроуміе. При тогдашнемъ настроеніи духа всего общества на заносчиво-воинственный ладъ, удалые разсказы Кирьякова, громогласныя его обѣщанія „шапками закидать“ союзниковъ, наконецъ, георгіевскій крестъ въ петлицѣ — расположили въ пользу генерала общественное мнѣніе и снискали ему, довольно дешево, права авторитета. Севастопольцы, не выключая моряковъ, даже самого князя Александра Сергѣевича, возлагали надежды на такого лихаго генерала. Отвлеченный служебными занятіями, я не успѣлъ еще провѣдать о появленіи въ Севастополѣ красавицы Хлапониной, какъ князь, проѣзжая какъ-то со мною мимо Екатерининской пристани, сказалъ:

— „Здѣсь появилась красавица, которая вскружила голову нашему Кирьякову. Надо взглянуть“...

Мы сошли съ лошадей и князь, спустившись по ступенькамъ на пристань, присоединился къ кружку, образовавшемуся около Елисаветы Михайловны и гдѣ во всеуслышаніе разглагольствовалъ Кирьяковъ. Свѣтлѣйшему представили Е. М. Хлапонину; онъ поговорилъ съ ней нѣсколько минутъ и когда опять сѣлъ на лошадь, то сказалъ мнѣ: „миловидная и умненькая особа!“ Я, издали, не вглядѣлся въ нее.

Въ другой разъ, еще до высадки непріятеля, свѣтлѣйшій, объѣзжая расположеніе войскъ на сѣверной сторонѣ, завидѣлъ вдали амазонку, совершенно одну.

— „Это Хлапонина!—сказалъ онъ мнѣ, подъѣзжая ближе;—какъ же это она одна... Не случилось ли чего? Надо спросить“...

Когда же князь, освѣдомившись у ней, узналъ, что мужъ ея, которому надо было зачѣмъ-то заѣхать на батарею, оставилъ Елисавету Михайловну на нѣсколько минутъ, то сказалъ: „въ такомъ случаѣ мы будемъ охранять васъ до его возвращенія“.

И дѣйствительно, свѣтлѣйшій не тронулся далѣе, пока не возвратился Хлапонинъ.

Раннимъ утромъ 8-го сентября, когда мы выпроваживали обозы съ Алминской позиціи, Елисавета Михайловна была на бивуакѣ, простилась съ мужемъ и отправилась къ Севастополю. Проѣзжая мимо перевязочнаго пункта, она увидѣла собраніе полковыхъ докторовъ, остановилась и спросила, что̀ тутъ такое будетъ? Ей отвѣчали, что сюда, когда начнется сраженіе, будутъ приносить раненыхъ для перевязки. Первою мыслію Хлапониной было: что̀, если вдругъ да принесутъ сюда ея мужа? Далѣѐ она не поѣхала и осталась на перевязочномъ

пунктѣ. Дѣло началось: снаряды и пули залетали даже и сюда, раненыхъ несли, но между ними не было мужа Хлапониной. Сознавая, что и она можетъ приносить посильную пользу, Елисавета Михайловна засучила рукава, опоясалась салфеткой и принялась за дѣло, не замѣчая ни усталости, ни голоду, ни опасности. Облитая кровью, она перевязывала раны съ необыкновенною энергіею и только отступленіе нашихъ войскъ увлекло Хлапонину вмѣстѣ съ перевязочнымъ пунктомъ къ Севастополю. Богъ услышалъ молитвы этой великодушной женщины: мужъ ея не былъ раненъ, но у лошади его ядромъ оторвало голову и—замѣчательная вещь! лошадь, безъ головы, устояла на ногахъ нѣсколько секундъ, покуда Хлапонинъ успѣлъ соскочить съ нее... тогда только трупъ коня рухнулся на землю. Уцѣлѣвъ подъ Алмою, Хлапонинъ принесъ въ жертву отчизнѣ свое здоровье при оборонѣ Севастополя: во время бомбардировки онъ былъ сильно раненъ въ голову и контуженъ въ ноги. Однажды, на обратномъ пути съ княземъ отъ Бельбека къ лагерю, мы встрѣтили экипажъ, въ которомъ наша прекрасная сестра милосердія везла раненаго мужа въ Симферополь... Не забыть мнѣ этого ужаснаго зрѣлища! Сильно контуженный и раненый, Хлапонинъ сидѣлъ подлѣ жены вытянувшись, съ вытаращенными глазами и открытымъ ртомъ. Князь пристально всмотрѣлся въ путниковъ, потомъ быстро отвернулся: глаза его наполнились слезами.

— „Хлапонинъ живъ,—произнесъ онъ,—но какой ужасъ... И чѣмъ эти бѣдныя женщины виноваты?“

Выраженіе лица Елисаветы Михайловны неизгладимо врѣзалось въ мою память; проникнутое скорбію, оно какъ будто говорило: „мужъ мой живъ, и еще не все потеряно“.

Прошли годы: Хлапонинъ поправился-было на столько, что получилъ мѣсто въ коммисаріатѣ; служилъ на сколько дозволяли силы; но контузія взяла свое и Дмитрій Дмитріевичъ, помаявшись, принужденъ былъ наконецъ и вовсе отказаться отъ служебной дѣятельности. Нынѣ мужъ и жена бѣдствуютъ въ Петербургѣ, забытые всѣми: она, первая, по времени, сестра милосердія, не напоминаетъ о себѣ по скромности и, для поддержки своего и мужнина существованія, недавно еще искала мѣста или работы [1]).

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Мы, съ своей стороны, надѣемся, что голосъ почтеннаго автора не будетъ гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ: въ этой надеждѣ поддерживаетъ насъ благотворная дѣятельность нашего Общества Краснаго Креста. Ред.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

III[1]).

1853 — 1854.

Около девяти часовъ утра 8-го сентября 1854 г., союзники выдвинули первую боевую линію изъ-за высоты, такъ, что намъ была видна нѣкоторая глубина ихъ боеваго порядка. Всѣ войска ихъ были развернуты; колоннъ мы не видали, что̀ намъ казалось загадочнымъ: мы понять не могли, какъ можно вести войска въ атаку развернутымъ фронтомъ. Разсуждая между собою, мы положили, что цѣль такого порядка заключалась въ томъ, чтобы, при ударѣ, охватить наши колонны съ фланговъ. Средина непріятельскаго развернутаго баталіона была вдвое глубже, что̀ насъ и укрѣпляло въ этомъ предположеніи. Но вышло не то, что мы ожидали: англо-французы и не думали о нашемъ штыкѣ, да и свои штыки отомкнули, возлагая—и весьма справедливо—всю надежду на огонь. Къ полудню вся непріятельская линія тронулась къ наступленію.

Противъ самаго того мѣста на горѣ, гдѣ былъ нашъ наблюдательный баталіонъ, заблаговременно выдвинулась, версты на три впередъ, напріятельская походная колонна, держась морскаго берега, такъ, чтобы быть подъ прикрытіемъ своихъ пароходовъ... Внезапно она остановилась въ ожиданіи чего-то. Не понимая причины подобной

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134.

медленности, ибо какъ эта колонна, такъ и вся непріятельская боевая линія болѣе трехъ часовъ недвижно стояли предъ нашими глазами,—князь, имѣя въ виду короткость осенняго дня, послалъ меня сказать Кирьякову, что ежели мы дождемся ночи, а дѣла не будетъ, то чтобы онъ приказалъ тамъ, на горѣ, которой угрожаетъ непріятель,—къ ночи развести костры и придать этому мѣсту видъ новаго бивуака, дабы отклонить непріятеля отъ фланговаго движенія: при нашей безвыходно растянутой позиціи, оно съ трудомъ могло быть отражено силою. Явясь къ Кирьякову съ этимъ приказаніемъ, я засталъ его за сытнымъ завтракомъ.

— „Вы уже не первый посланный отъ свѣтлѣйшаго, и все объ этомъ лѣвомъ флангѣ! Что онъ безпокоится?“ такъ встрѣтилъ меня Кирьяковъ. „Слѣзайте-ка лучше съ коня, да закусите, а мы ихъ угостимъ, какъ куръ перестрѣляемъ; кто на подъемъ вышелъ — тотъ тутъ и легъ... Да не пойдутъ, бестіи; они только дѣлаютъ отводъ. У меня тамъ Раковичъ (подполковникъ, командиръ 2-го баталіона Минскаго полка); онъ все подкрѣпленія проситъ. Куда ему? Тамъ и баталіону-то дѣлать нечего! А вотъ вечеромъ велю развести огни, а нѣтъ—такъ пошлю отсюда команды. Доложите свѣтлѣйшему: не пропустимъ! Я сейчасъ послалъ князю сказать о томъ, что̀ мнѣ Раковичъ доноситъ. Непріятель, видѣте-ли, притащилъ къ берегу моря какой-то огромный ящикъ и положилъ его на самой Алмѣ, со своей стороны, противъ подъема на гору, а самъ ушелъ. Я думаю, въ этомъ ящикѣ—чумные; они насъ поддѣть хотятъ: думаютъ—вотъ такъ мы и побѣжимъ разсматривать... анъ нѣтъ! Я послалъ сказать Раковичу, чтобы онъ къ этому ящику никого отнюдь не посылалъ... Вотъ, возьмите трубу: этотъ каторжный ящикъ видѣнъ отсюда. Однако, надо убрать завтракъ и отправить телѣгу“,—заключилъ Кирьяковъ передъ моимъ отъѣздомъ.

Я возвратился къ свѣтлѣйшему, а Кирьяковъ, плотно закусивъ, поѣхалъ по баталіонамъ кричать „ура!“—вовсе не кстати.

Здѣсь къ слову замѣчу, что Алминская наша позиція, для обороны и по подчиненію расположенныхъ въ ней войскъ, ввѣрена была: правый флангъ и центръ генералу отъ инфантеріи князю Петру Дмитріевичу Горчакову [1]), лѣвый флангъ и резервы генералъ-лейтенанту Василію Яковлевичу Кирьякову.

Замедленіе непріятеля, о которомъ я упоминалъ выше, было не безъ причины. Союзники послали особый отрядъ, по самому прибою

---

[1]) Род. 1789 † 1868 г. Въ послѣдствіи генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

моря; видѣть его намъ ни откуда не было возможности—они-же ожидали пока онъ приблизится къ подъему. Тогда тронулась фланговая колонна и вся непріятельская армія. Мы такъ долго ждали рѣшительнаго наступленія непріятеля, что свѣтлѣйшій, предполагая, что бой не состоится, послалъ сказать въ штабный обозъ, что-бы тамъ, гдѣ оный находится (верстахъ въ двухъ, на горѣ), разбили ему палатку и варили обѣдъ,—что̀ и было исполнено.

Здѣсь считаю умѣстнымъ разсказать о событіи, по существу своему маловажномъ, но въ свое время возбудившемъ много шуму и нелѣпѣйшихъ толковъ.

Во время нахожденія нашей главной квартиры на Алминской позиціи, было сдѣлано распоряженіе, для срочнаго сообщенія съ Севастополемъ—объ отправкѣ каждый вечеръ съ позиціи, въ сопровожденіи жандарма, крытаго татарскаго фургона, запряженаго четверкою, который обыкновенно возвращался на другой день, утромъ. Такъ точно и 7-го сентября вечеромъ, фургонъ съ писаремъ князя Меншикова, Яковлевымъ, былъ, по обыкновенію, отправленъ въ Севастополь. Этотъ Яковлевъ обладалъ дарованіемъ, свойственнымъ большинству нашихъ полковыхъ писарей, а именно: умѣлъ переписывать бумаги совершенно машинально, не понимая ихъ содержанія. По этому, Яковлевъ, въ канцеляріи свѣтлѣйшаго, употреблялся обыкновенно для переписки секретныхъ бумагъ. Утромъ 8-го сентября, какъ разъ во время дѣла, Яковлевъ со своимъ фургономъ, по переѣздѣ рѣки Качи, какимъ-то образомъ наткнулся на непріятельскій разъѣздъ. Жандармъ, сопутствовавшій Яковлеву, выстрѣлилъ въ нападающихъ, самъ былъ раненъ—и, вмѣстѣ съ фургономъ и писаремъ, попалъ въ плѣнъ. Къ счастію, въ перепискѣ, которую везли въ захваченномъ фургонѣ, не было ничего такого важнаго, чѣмъ бы непріятели могли воспользоваться. Опрашивая писаря, они, благодаря непонятливости переводчика, переименовали писаря въ секретари князя Меншикова, срочную переписку—въ депеши, а самый фургонъ—въ карету свѣтлѣйшаго.

Не придавая этой потерѣ особенно важнаго значенія, мы, въ теченіе нѣсколькихъ дней, совершенно о ней позабыли; но иностранныя газеты вскорѣ протрубили, будто-бы союзныя войска завладѣли важными трофеями: секретаремъ князя Меншикова и его экипажемъ со всѣми важными бумагами. Мы и не подозрѣвали отчего сыръ-боръ горитъ, когда въ Петербургѣ поднялась тревога по поводу этихъ газетныхъ выдумокъ! Императоръ въ безпокойствѣ писалъ свѣтлѣйшему, спрашивая разъясненія этого обстоятельства... Весьма многіе и въ Москвѣ и въ Петербургѣ видѣли въ захватѣ фургона и писаря воен-

ную хитрость князя Меншикова: „въ перепискѣ-де нарочно положены были превратно составленные планы расположенія войскъ и въ такомъ-же родѣ составленныя предписанія“ и т. д. Другіе обвиняли князя въ оплошности....

Поставщикомъ фургоновъ при нашей главной квартирѣ былъ татаринъ Темиръ-Хая. Матеріальнаго вознагражденія за свой утраченный фургонъ онъ никогда не искалъ; за преданность-же, безкорыстіе и усердіе къ интересамъ царской службы, былъ въ послѣдствіи награжденъ государемъ, по личному ходатайству свѣтлѣйшаго, серебряною медалью съ надписью: „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ.

Возвращаюсь къ дальнѣйшему разсказу о тяжеломъ днѣ 8-го сентября.

Свѣтлѣйшій, наканунѣ разстроенный Кирьяковымъ, не надѣясь на аванпосты, съ 7-го на 8-е число провелъ безсонную ночь, наблюдая, съ горы, за огнями непріятеля. Это его до крайности утомило; онъ смотрѣлъ въ трубу, лежа на буркѣ, и сказалъ:

— „Не кстати нездоровится!...“

Вдругъ, вижу, бросилъ трубу, спросилъ лошадь и поскакалъ по направленію къ лѣвому флангу, проворчавъ какъ бы про себя: „посмотрѣть, что̀ тамъ надѣлалъ Кирьяковъ!“

Послѣ вчерашней продѣлки Кирьякова, свѣтлѣйшій уже сомнѣвался въ немъ и лишь только что замѣтилъ не фальшивое движеніе непріятеля на лѣвый флангъ, какъ поспѣшилъ туда. За нимъ слѣдовали, кромѣ меня: Кишинскій, Сколковъ, Веригинъ, Грейгъ, Жолобовъ, Вуншъ, Комовскій, Гротъ, Томиловичъ, князь Владиміръ Александровичъ Меншиковъ, нѣсколько казачьихъ юнкеровъ (Хомутовъ въ ихъ числѣ), человѣкъ 17 казаковъ, Балаклавскій грекъ и 4 крымскихъ татарина, а сзади всѣхъ казаки, съ заводны́ми нашими лошадьми.

У лѣваго фланга войскъ, помѣщенныхъ въ центрѣ, Кирьяковъ встрѣтилъ князя и поѣхалъ за нимъ. У того мѣста, гдѣ Алма пробирается возлѣ очень крутыхъ, почти непроходимыхъ береговъ, свѣтлѣйшій указалъ Кирьякову на важность отлогостей, находившихся въ смежности съ обрывами: Кирьяковъ, съ самодовольнымъ видомъ указалъ на подъемы, занятые ротами Московскаго полка, сказавъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Залегли, залегли!

Однако князь замѣтилъ ему, что они вовсе неудачно были размѣщены и на-скоро приказалъ перевести ихъ, прибавивъ, что у Кирьякова ничѣмъ не предупреждаются подъемы, есть мертвыя про-

странства—почему, приказавъ спустить баталіонъ, указалъ оному занять крайніе къ сторонѣ моря виноградники на лѣвомъ берегу Алмы; части разбросать по подошвѣ въ закрытыхъ мѣстахъ. За симъ, поднявшись на площадку горы, спросилъ у Кирьякова—„что у него у подъема“?

— Раковичъ! отвѣчалъ тотъ съ увѣренностію.

Тутъ уже свѣтлѣйшій ничего не сказалъ, но, какъ стрѣла, поскакалъ къ подъему. Еще не было видно 2-го баталіона Минскаго полка (Раковича), какъ послышался батальный огонь и князь поручилъ Виктору Михаиловичу Веригину привести къ баталіону Раковича остальные три баталіона Минскаго полка. Проѣзжая далѣе, свѣтлѣйшій послалъ еще и меня за самымъ ближайшимъ баталіономъ, который мнѣ попадется. Я скоро нашелъ баталіонъ Московскаго полка, бывшій въ резервѣ; при немъ оказался и полковой командиръ, генералъ Куртьяновъ. Сообщивъ ему приказаніе князя, я просилъ спѣшить. Баталіонъ тронулся, а командиръ полка, пѣшкомъ, едва пошевеливался. Я поскакалъ обратно къ свѣтлѣйшему, но, оглянувшись, замѣтилъ, что колонна топчется, неся на брюхѣ своего генерала. Я не утерпѣлъ, воротился и просилъ Куртьянова не задерживать людей своей мѣшкотной походкой, замѣтивъ при этомъ, что впереди его есть уже баталіонъ Минскаго полка въ ротныхъ колоннахъ и чтобы онъ, подходя, также перестроился, занявъ мѣста за Минцами. Послѣ того я поскакалъ, крикнувъ людямъ, что бы они не мѣшкали, иначе Минцы успѣютъ отбить нападеніе и безъ нихъ.... Вдругъ, сзади себя слышу сигналъ: „застрѣльщики впередъ“. Это меня взбѣсило. Вторично повертываю лошадь и вижу, что генералъ опять торчитъ во фронтѣ, прикрываясь густой цѣпью стрѣлковъ. Что бы не терять времени, кричу ему издали:

— Что вы дѣлаете?! Во второй линіи вызываете застрѣльщиковъ?... Уберите ихъ!

Куртьяновъ, вмѣсто того, приказалъ трубить: „резервъ разсыпься“.

Тутъ ужъ я налетѣлъ и, безъ церемоніи, разогналъ застрѣльщиковъ, повелъ баталіонъ самъ: при себѣ велѣлъ баталіонному командиру разбить баталіонъ на ротныя колонны и, указавъ ему соотвѣтствующія роты Минцевъ, присоединился къ свѣтлѣйшему, который, отдѣлясь отъ свиты, стоялъ одинъ на курганѣ, впереди отряда. Пользуясь этимъ и моимъ отсутствіемъ, казаки начали, одинъ за другимъ, по маленьку исчезать, да такъ, что когда я подъѣхалъ доложить князю о прибытіи баталіона во вторую линію, то въ свитѣ его остался только одинъ казакъ, Кузьма Кудрявцевъ, именно тотъ, которому я заранѣе навѣсилъ на шею сумку съ картами и тѣмъ, какъ бы силою,

привязалъ его къ мѣсту. Кромѣ этого казака, были тутъ еще урядникъ Чеботаревъ, грекъ Георгій Панаго и юнкеръ Хаперскій.

Наступленіе наше только что тронулось, какъ первое непріятельское ядро, направленное на курганъ, просвистало надъ головой свѣтлѣйшаго. Затѣмъ огонь усилился: открылась канонада и съ суши и съ моря; а пуще всего—французскіе штуцера стали донимать насъ немилосердно.

Батальный огонь, заслышанный нами до подъема на гору, былъ нашъ; князь, подскакавъ къ баталіону, приказалъ прекратить пальбу: пули не досягали. Затѣмъ, подведя баталіонъ ближе, свѣтлѣйшій положилъ его за бугры въ ожиданіи резерва.

Любопытно, какимъ образомъ Раковичъ очутился такъ далеко отъ подъема, по которому теперь, не видя препятствій, непріятель поднимался, доходя быстро и плотно. Случилось это вотъ почему: Раковичъ, находясь въ наблюдательномъ положеніи и замѣтивъ намѣренія непріятеля, рано утромъ послалъ сказать Кирьякову, что ежели онъ, въ случаѣ натиска, расчитываетъ на одинъ его баталіонъ, то ошибется, потому что онъ, Раковичъ, сознаетъ себя слабымъ и проситъ прислать еще баталіонъ и хоть два орудія. Кирьяковъ отвѣчалъ Раковичу, что онъ и своими штыками сброситъ врага съ кручи. Этимъ Раковичъ не успокоился; опять прислалъ серьезно просить о помощи, прибавивъ, что тутъ не худо было бы имѣть весь Минскій полкъ и цѣлую батарею. Кирьяковъ не далъ никакого отвѣта. Тогда Раковичъ въ третій разъ послалъ ему сказать, что ежели онъ не подкрѣпитъ его надлежащимъ образомъ, то онъ ограничится однимъ наблюденіемъ, и, при появленіи непріятеля, присоединится къ общей боевой линіи. Кирьяковъ отвѣчалъ, на этотъ разъ, что вслѣдъ за посланнымъ отправляетъ къ Раковичу то, чего онъ требуетъ; однако отправкою и не думалъ распорядиться, а Раковичъ, напрасно ожидая подкрѣпленія, началъ, наконецъ, принимать свои предосторожности. Къ самому моменту появленія французовъ на горѣ, баталіонъ былъ уже на такомъ разстояніи отъ непріятеля, что едва могъ, въ отдаленіи, разглядѣть его.... Но не утерпѣлъ и началъ бойко палить, да такъ и каталъ до пріѣда князя.

Кирьяковъ, замѣтивъ, что дѣло не ладно—удралъ!... я его встрѣтилъ, ведя баталіонъ Московскаго полка, одного въ полѣ, ѣдущаго шагомъ. Узнавъ меня, онъ сконфузился и сказалъ:

— „Ѣду отыскивать Минскій полкъ... Онъ долженъ быть—тамъ“ и Кирьяковъ указалъ въ неопредѣленное пространство.

Я удивился и сказалъ ему: поспѣшите, ваше превосходительство! Наши наступали. Они шли, выбирая мѣста, прикрываясь гдѣ было

возможно небольшими отлогостями. Въ это время прискакала казачья батарея и помѣстилась между ротами. Несообразительные ротные командиры, толкаясь изъ стороны въ сторону, никакъ не могли съ должной скоростью открыть мѣсто артиллеріи; особенно памятенъ мнѣ одинъ офицеръ, старый полякъ: сидитъ во фронтѣ и не даетъ ротѣ двигаться... я былъ вынужденъ прогнать его за фронтъ. Онъ послѣ прикинулся контуженнымъ въ ногу, скрылся—и, какъ говорилъ мнѣ Раковичъ, во фронтъ болѣе не показывался. Когда батарея открыла огонь, князь поѣхалъ шагомъ, за фронтомъ первой линіи, къ ея лѣвому флангу. Дорогой, наблюдая за направленіемъ артиллерійскаго огня, свѣтлѣйшій замѣтилъ, что французы сильно обстрѣливаютъ отлогую балку, тянущуюся отъ нашего лѣваго къ ихъ правому флангу; мы, въ ту минуту, въ нее спускались. Подозвавъ Жолобова, князь, на ходу, отдалъ ему приказаніе привести два дивизіона гусаръ, направить ихъ противъ праваго фланга французовъ и при себѣ сбить ихъ батарею съ позиціи. Не успѣлъ Жолобовъ на полъ-лошади выѣхать впередъ отъ князя, какъ ядро, пронизавъ ее, вырвало Жолобову поджилки правой ноги и контузило лѣвую. Лошадь упала на лѣвый бокъ и не дохнула; Жолобовъ, невѣдомо какъ, очутился на землѣ сидя, возлѣ сѣдла. Всѣ проѣхали мимо. Я оглянулся на урядника и на грека; мы трое слѣзли.... Лошадей отдать некому. Я подскочилъ къ Жолобову, не замѣчая его раны, хотѣлъ предложить ему лошадь грека, но когда сталъ его поднимать, онъ показалъ мнѣ ногу, говоря:

— Кажется, у меня тутъ что-то вырвало....

Я посмотрѣлъ, но, кромѣ изорваннаго бѣлья и рейтузъ, ничего не успѣлъ разглядѣть. Надо было поторопиться оттащить его изъ-подъ ядеръ, которыя то и дѣло сновали въ этомъ мѣстѣ. Насилу удалось намъ поймать ѣхавшаго мимо насъ казака: ему отдали мы лошадей, побудивъ его къ тому крѣпкимъ словцомъ. Урядникъ замѣтилъ мнѣ на это:

— Полно, ваше благородіе! того гляди срѣжетъ и помрете съ сквернымъ словомъ на языкѣ...

Слова эти показались мнѣ весьма убѣдительными; поукротивъ свое краснорѣчіе, я сталъ помогать Жолобову. Мы потащили его, я за плечи... въ нѣсколькихъ шагахъ отъ раненаго я поднялъ большой обрывокъ отъ сбруи его лошади, на случай надобности подвязать его ногу. Вынеся Жолобова съ большимъ трудомъ изъ балки, мы положили его за бугоръ. Во все время переноски страдалецъ ни вздохомъ не выразилъ боли, но все просилъ меня передать его послѣднюю просьбу свѣтлѣйшему, чтобы онъ по возможности берегъ себя.

— Онъ могъ бы,—говорилъ Жолобовъ,—какъ нибудь выбирать мѣста побезопаснѣе, откуда, все равно, можно видѣть и распоряжаться.

Я обѣщалъ Жолобову; хотѣлъ уже ѣхать догонять князя, весьма за него безпокоясь, такъ какъ свита его значительно уменьшилась,— но Жолобовъ попросилъ взглянуть на его рану и распорядиться перевязкою. Увидѣвъ рану, я ужаснулся и, въ то-же время, подивился терпѣнію раненаго: она казалась какъ бы обожженною, крови не шло; Жолобовъ даже не измѣнялся въ голосѣ.

Завидѣвъ вдалекѣ фуру, я послалъ за ней грека, но онъ не понялъ меня и понесся въ большой обозъ. Боясь потерять также и урядника, я поскакалъ къ фурѣ самъ, привелъ, уложилъ въ нее Жолобова, при чемъ онъ самъ укладывалъ свою раненую ногу, обертывая ее полой своей шинели солдатскаго сукна. Потомъ онъ самъ объяснилъ какой дорогой его везти; фура тронулась, сопровождаемая урядникомъ, а я поскакалъ догонять князя. При разставаніи моемъ съ Жолобовымъ, онъ, благодаря меня, не забылъ и о распоряженіи свѣтлѣйшаго касательно кавалеріи: раненый говорилъ, что еслибы я оставилъ его тутъ, то онъ былъ бы раздавленъ конницей, которая изъ резерва должна была проскакать самымъ этимъ мѣстомъ.

Такъ какъ свѣтлѣйшій ѣхалъ шагомъ, то мнѣ удалось довольно скоро его настигнуть. Онъ остановился на лѣвомъ флангѣ подъ страшнымъ огнемъ,—подлѣ него стояли казакъ съ сумкой, Александръ Дмитріевичъ Комовскій и Гротъ [1]),—и паблюдалъ за французской батареей, ожидая какое дѣйствіе произведетъ на нее появленіе нашихъ гусаровъ, за которыми, вмѣсто Жолобова, посланъ былъ Грейгъ. Замѣтивъ, что французская батарея снимается, князь прежнимъ путемъ направился къ правому флангу отряда. Здѣсь къ свѣтлѣйшему подскакалъ гусарскій офицеръ, съ донесеніемъ, что лишь только гусары показались во флангѣ французовъ, какъ ихъ батарея снялась.

— „Я это видѣлъ, что она снялась,—отвѣчалъ свѣтлѣйшій,—повторяйте же атаки, не давайте имъ покоя!“...

— Слушаюсь,—отвѣчалъ офицеръ и ускакалъ.

Но гусары и не думали дѣлать ни одной атаки: не смотря на то, что батарея снялась, гусары, изъ опасенія выказать себя непріятельскимъ пароходамъ, укрылись за бугромъ, гдѣ и простояли все время... французская же батарея, не видя опасности, заняла прежнюю свою позицію, и снова начала обстрѣливать балку. Между тѣмъ, подошелъ Минскій полкъ, подъѣхали еще двѣ батареи и „жарили“

---

[1]) Достойно замѣчанія, что эти оба храбреца были чиновники гражданской службы и по доброй охотѣ сопутствовали князю. А. П.

преисправно; казачья батарея, потерпѣвшая отъ огня, снялась и стала за бугромъ оправляться.

Слѣдуя по линіи за свѣтлѣйшимъ, я просилъ его, не отъ себя, но отъ имени Жолобова, быть осторожнѣе; указывалъ на мѣста, удобнѣйшія для проѣзда... но князь какъ-бы не слыхалъ моихъ увѣщаній: безопасныя мѣста проѣзжалъ рысью, а гдѣ особенно была сильна пальба—тамъ ѣхалъ шагомъ, спокойно наблюдая за тѣмъ, какъ ложились снаряды. Въ Жолобовской балкѣ свѣтлѣйшій остановился, соображая: какимъ родомъ французы опять стали ее обстрѣливать? что-же гусары? [1]). Никому въ голову не могло прійти, что-бы гусары или вѣрнѣе, сказать, ихъ командиръ могли сдѣлать такую гадость.

Проѣзжая далѣе, свѣтлѣйшій останавливался за каждымъ нашимъ орудіемъ, повѣряя его направленіе, подвергаясь штуцерному огню и другимъ снарядамъ, направленнымъ исключительно на батареи. Доѣхавъ до праваго фланга отряда, князь, наблюдая съ кургана за ходомъ дѣла, убѣдился, что оно идетъ на ладъ: наши подаются впередъ, артиллерія дѣйствуетъ славно, французы замѣтно въ нерѣшимости; ряды ихъ рѣдѣютъ, такъ что мы, приблизясь еще немного, можемъ ударить и въ штыки. Тогда свѣтлѣйшій потребовалъ Кирьякова съ тѣмъ, чтобы, отдавъ ему окончательное приказаніе, самому поспѣшить по линіи уже загорѣвшагося общаго боя на позиціи... но Кирьякова нигдѣ не оказалось. Ожидая напрасно его прибытія, свѣтлѣйшій, обратясь къ намъ, замѣтилъ, что ему необходимо наблюдать за общимъ ходомъ сраженія, а между тѣмъ онъ не видитъ ни одного генерала, которому могъ-бы поручить „покончить дѣло“. Тогда я доложилъ, что видѣлъ Кирьякова въ полѣ отыскивающаго Минскій полкъ, откуда его превосходительство еще не возвращался; что здѣсь есть одинъ только генералъ, Куртьяновъ, который стоитъ возлѣ баталіона своего полка. Князь, подозвавъ его, сказалъ:

— „Генералъ, я ѣду по линіи общаго боя къ правому флангу позиціи. Не вижу Кирьякова, чтобы оставить на него лѣвый флангъ: примите же вы начальство здѣсь и, продолжая наступленіе, выберите удобный моментъ для дружнаго удара въ штыки... Дѣло здѣсь идетъ такъ хорошо, что моментъ этотъ долженъ наступить скоро“.

Куртьяновъ отвѣчалъ обычнымъ: „слушаю-съ“, а князь поскакалъ къ правому флангу. Лошади наши стали уставать; не мѣшало-бы перемѣнить ихъ, но я не зналъ, гдѣ были заводныя. Принимая въ соображеніе, что казаки очень осторожны, я боялся, не выбрали-ли они

---

[1]) Двумя этими дивизіонами Веймарскихъ гусаръ командовалъ полковникъ Войниловичъ. А. П.

такого безопаснаго мѣста, что ихъ и отыскать нельзя будетъ до окончанія дѣла.

IV.

Мы ѣхали по надъ-горой. Крутые ея подъемы были частію заняты зуавами и ихъ штуцерныя пули пропускали насъ какъ сквозь строй... Одна изъ нихъ сорвала щиколотку у „Кабардинца“ (лошади князя); Кабардинецъ присѣлъ на заднія ноги, однако, оправился и продолжалъ идти шагомъ, не хромая. Вслѣдъ затѣмъ мы подъѣхали къ двумъ баталіонамъ Московскаго полка. Одинъ изъ нихъ, влѣво отъ насъ, лежалъ на самомъ спускѣ горы, на выдавшемся мысѣ, стрѣлялъ и былъ на-готовѣ предупредить подъемъ непріятеля. Другой баталіонъ стоялъ за первымъ въ резервѣ, занимая небольшую лощину. Немного не доѣзжая до нихъ, я замѣтилъ цѣпь зуавовъ, человѣкъ изъ двадцати, подымавшихся по крутизнамъ и стрѣлявшихъ вверхъ: судя по направленію, котораго они держались, я понялъ, что, поднявшись вверхъ, зуавы, совершенно неожиданно для себя, очутятся сзади лежащаго баталіона Московскаго полка и противу лѣваго фланга баталіона, находящагося въ резервѣ. Я улыбнулся при мысли о томъ, какъ не по вкусу придется зуавамъ эта не совсѣмъ пріятная для нихъ встрѣча; но зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта нечаянность можетъ всполошить и нашихъ, когда они въ тылу у себя завидятъ удальцовъ въ красныхъ шароварахъ, я подъѣхалъ къ командиру бывшаго въ резервѣ баталіона и, указывая на то мѣсто, на которое взбирались зуавы, сказалъ ему, чтобы онъ со своей стороны принялъ мѣры, дабы французы внезапнымъ своимъ появленіемъ не переконфузили нашихъ. При этомъ я предложилъ ему послать роту, которая, залегши за верхней точкой подъема, могла бы захватить сорванцовъ, попавшихъ какъ куръ во щи. Баталіонный командиръ выразилъ живѣйшую готовность „обработать“ зуавовъ; я, чтобы побудить его къ исполненію, спросилъ нумеръ баталіона и имя его командира, полагая въ томъ для послѣдняго побудительную мѣру. Баталіонъ былъ, кажется, второй; имени командира теперь не припомню.

Въ послѣдствіи Раковичъ сообщилъ мнѣ разсказъ командира Минскаго полка Приходкина, служащій дополненіемъ предъидущему. Отступая съ лѣваго фланга нашей позиціи, Приходкинъ былъ удивленъ бѣгствомъ баталіона Московскаго полка. Солдаты его, улепетывая въ безпорядкѣ куда глаза глядятъ, наткнулись на Минцевъ и не только не остановились, увидя своихъ, но съ усиліемъ стали пробиваться сквозь ряды ихъ. Приходкинъ, взбѣшенный дерзостью

Московцевъ, приказалъ своимъ выбить ихъ прикладами. Въ это самое время наскакалъ на него удиравшій во всѣ лопатки штабъ-офицеръ бѣжавшаго баталіона: пригнувшись на сѣдлѣ, онъ несся во весь духъ, безъ оглядки!

Приходкинъ, безъ вниманія къ штабъ-офицерскому чину наѣздника, схватилъ его за шиворотъ и отлущилъ его полоской своей полусабли. Ординарецъ Приходкина, молодой офицеръ, полагая, что его полковникъ ошибается въ личности того, кого такъ усердно угощаетъ фухтелями, сказалъ ему съ безпокойствомъ:

— Полковникъ, вѣдь это маіоръ!!

— А сойдетъ за горниста! отвѣчалъ Приходкинъ, выпуская наконецъ свою жертву и крикнувъ маіору въ слѣдъ: „пошелъ! догоняй своихъ бѣглецовъ, да приведи ихъ въ порядокъ, бездѣльникъ!“

Продолжая нашъ путь со свѣтлѣйшимъ, мы встрѣтили Волынцевъ, расположенныхъ въ резервномъ порядкѣ. Князь сказалъ имъ привѣтствіе, получивъ въ отвѣтъ удалые возгласы. Далѣе, за Волынцами, на самомъ обрывѣ горы, стояла батарейная батарея. Снятая съ передковъ, она палила по французскимъ стрѣлкамъ, бо́льшая часть которыхъ была въ мертвомъ пространствѣ. Замѣтивъ безполезное, глупое назначеніе батареи, свѣтлѣйшій спросилъ — кто ее тутъ поставилъ? отвѣтъ былъ: „Кирьяковъ“. Тогда же встрѣтилась намъ на пути еще казачья батарейная батарея, которая, именемъ Кирьякова, шла, сама не зная куда, и искала этого генерала. Нѣкоторые отозвались, что онъ скоро долженъ попасться намъ—и, въ самомъ дѣлѣ, проѣхавъ нѣсколько, мы увидѣли Кирьякова на дорогѣ, пѣшкомъ; подлѣ него лошадь и ординарецъ-офицеръ. Такое странное мѣстонахожденіе командующаго половиной боевой линіи, въ самый разгаръ дѣла, всѣхъ насъ крайне удивило. Подъѣхавъ къ нему, свѣтлѣйшій сказалъ:

— „Генералъ, гдѣ я васъ вижу?! Вы такъ далеко отъ вашего мѣста... я искалъ васъ, чтобы поручить вамъ кончить на лѣвомъ флангѣ, но васъ не оказалось. Я оставилъ тамъ генерала, котораго совсѣмъ не знаю, онъ какъ-то и не весело смотритъ... поѣзжайте поскорѣе туда: атакуйте, преслѣдуйте французовъ; а мнѣ надо видѣть поближе, что̀ дѣлается у князя Горчакова“.

— Ахъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ сконфуженный Кирьяковъ,— я былъ здѣсь... тутъ такое происходило, что у меня убили лошадь!.. вотъ она!..

Я дѣйствительно узналъ убитую лошадь генерала, распростертую на землѣ, саженяхъ во ста отъ насъ.

— „Но подлѣ васъ другая!—возразилъ свѣтлѣйшій,— садитесь и скорѣе поѣзжайте въ свое мѣсто“.

Въ послѣдствіи оказалось, что Кирьякова никто и не видѣлъ тамъ, куда его посылалъ князь. Ѣдучи далѣе, узнавъ отъ встрѣчнаго казака, что наши заводныя лошади въ обозѣ, обозъ—возлѣ, я предложилъ его свѣтлости пересѣсть на свѣжую лошадь, такъ какъ раненый „Кабардинецъ" крѣпко изнурился. Подъѣхавъ къ обозу, который оказался почти на пути нашемъ, свѣтлѣйшій очень удивился, найдя его подъ непріятельскимъ огнемъ. Около обоза лопались бомбы, долетавшія съ моря и жужжали штуцерныя пули: одна изъ нихъ при нашихъ глазахъ на вылетъ пронзила конвойнаго изъ пограничной стражи.

Причиною задержки обоза на этомъ мѣстѣ былъ пріѣздъ верхомъ флигель-адъютанта, Ивана Григорьевича Сколкова, съ раздробленной правой рукой. Ему тутъ-же на лугу докторъ Таубе дѣлалъ ампутацію; помню съ какимъ геройскимъ терпѣніемъ переносилъ Сколковъ жестокую боль: ни стона, ни вздоха. Будучи раненъ, Иванъ Григорьевичъ спокойно поручилъ другому передать приказаніе, которое везъ; встрѣтивъ меня, попросилъ уладить ему поводья и уложить больную руку на здоровую, и поѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Пересѣвъ на другую лошадь и выпивъ стаканъ воды съ виномъ, князь приказалъ обозу отъѣзжать далѣе, назадъ, а самъ понесся напрямикъ, къ центру дѣла. Его настигъ саперный офицеръ Дьяченко съ донесеніемъ, что подпиленный имъ мостъ чрезъ Алму рухнулъ подъ переправлявшимися англичанами; многихъ перебило и передавило; озадаченные непріятели по обломкамъ моста упрямо лѣзутъ, не замѣчая брода, и такъ много теряютъ отъ нашего артиллерійскаго огня, что рѣка въ томъ мѣстѣ загружена трупами.

Спустившись съ горы около Севастопольской дороги, мы увидѣли вправо отъ нея, вышедшую изъ боя, оправлявшуюся батарею и морской баталіонъ, который, отъ навѣсно-долетавшихъ штуцерныхъ пуль, не могъ даже укрыться за высотой, выбранной для его прикрытія. По подгорью валялись убитые, ползали раненые; все направленіе усѣяно было ретировавшимися по одиночкѣ егерями Казанскаго полка: между ними были раненые, оцарапнутые, относящіе и провожающіе раненыхъ.. вообще—картина плачевная! Все это тянулось отъ мѣста жаркаго батальнаго огня. Свѣтлѣйшій направилъ своего коня на ту высоту, которая лежала справа отъ страшной свалки. Тутъ я замѣтилъ ясно, что второй и третьей линій нашего боеваго расположенія не оставалось и слѣдовъ: пространство отъ мѣста боя до горы было пусто... И куда все подѣвалось? спросить было не съ кого. Высота, на которую мы съ княземъ вскочили, была, передъ боемъ, мѣстомъ ставки свѣтлѣйшаго... Теперь штуцерныя пули тутъ, просто, одолѣвали. Надобно полагать, что англичане, не теряя времени, изъ заднихъ ря-

довъ палили вверхъ. Здѣсь наши четыре легкія орудія, лишь только подъѣхалъ князь, невѣдомо зачѣмъ снялись съ позиціи. Свѣтлѣйшій спросилъ офицера: кто ему велѣлъ сниматься? Тотъ отвѣчалъ что-то неудовлетворительное и заключилъ командою: „съ передковъ!“ Въ прикрытіи у орудій, если не ошибаюсь, было что-то около баталіона; не помню только—какого полка.

Взглянувъ съ горы на мѣсто жаркаго боя, я увидѣлъ, что враги почти въ упоръ другъ другу палятъ самымъ частымъ батальнымъ огнемъ. Легко можетъ быть, что къ намъ, на гору, достигали пули отъ непріятелей, которые стрѣляли—лишь бы только выпалить куда ни попало и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше... Поэтому у нихъ пули вылетали ранѣе нежели они успѣвали приложиться—и, разумѣется, летѣли вверхъ. Нашихъ видна была только горсть солдатъ Владимірскаго полка: стрѣляя, она, однако, еще подавалась впередъ; но непріятель, переправясь большими массами, напиралъ густо, донимая нашихъ штуцернымъ огнемъ.

Прежде мы все надѣялись на штыки; теперь увидѣли, что огонь англичанъ рѣшительно не допускалъ до удара. Наши брали на руку нѣсколько разъ... но перебѣжать пространство, насъ раздѣлявшее, какъ оно ни было мало, не удалось. Лишь наши умолкнутъ, бросятся въ штыки, непріятель отступитъ и удвоитъ огонь; тогда Владимірцы спѣшатъ опять открыть огонь, и опять!... Владимірцы сдѣлали больше чѣмъ могли, но удержать напоръ непріятеля нельзя было и думать. Ежели бы даже нашимъ удалось оттѣснить передовыхъ — и то было бы безполезно, потому что храбрыхъ Владимірцевъ поддержать было некому: нашихъ заднихъ линій уже не существовало; онѣ, какъ я уже сказалъ, исчезли, а у англичанъ сзади была туча несмѣтная. Чтобы доискаться—куда исчезли съ позиціи войска и, по возможности, найти средство поддержать Владимірцевъ, свѣтлѣйшій, спускаясь съ горы, послалъ приказаніе Бородинскому полку, который былъ видѣнъ въ полу-горѣ, по правую сторону Севастопольской дороги. Въ это время мы замѣтили, что снаряды стали ложиться со стороны нашего резерва и штуцерныя пули засновали оттуда же... Вунша контузили въ животъ; затѣмъ у В. М. Веригина ранили лошадь.

Первой нашей мыслію было—не свои ли насъ потчуютъ? Взглянувъ вверхъ, мы увидѣли, что противу насъ, по горѣ, разсыпаны стрѣлки Бородинскаго полка; лѣвѣе ихъ, за оврагами и гораздо выше—батарея, оказавшаяся потомъ непріятельскою. Спустясь къ самой подошвѣ горы, около того мѣста, гдѣ стоялъ морской баталіонъ, князь пріостановился; я же, соскочивъ съ лошади, хотѣлъ разсмотрѣть, что̀ это была за батарея. Едва я раздвинулъ трубу, какъ свѣтлѣйшій тро-

нулся на встрѣчу направленнаго на насъ огня и я поспѣшилъ прекратить обсервацію, опасаясь потерять изъ виду начальника. Подъѣхавъ къ Бородинскому полку, его свѣтлость замѣтилъ командиру, что его стрѣлки палятъ по своимъ; но полковникъ Шалюта-Веревкинъ отвѣчалъ съ увѣренностію, что огонь его штуцерныхъ направленъ противъ непріятельской конницы, которая строилась, переправясь въ это время черезъ Алму. Этимъ объяснялось, что пули, летѣвшія въ насъ черезъ головы Бородинцевъ, были съ непріятельской батареи. „Неужели нашъ лѣвый флангъ отступилъ?“ произнесъ князь и возвратился на высоту, съ которой удобнѣе было опредѣлить моментъ сраженія.

Не успѣлъ свѣтлѣйшій подняться на гору, какъ къ нему подъѣхалъ князь П. Д. Горчаковъ—доложить, что Казанскій егерскій полкъ весь разсыпался, что онъ самъ, лично, нѣсколько разъ порывался вести его въ штыки, но люди рѣшительно не пошли: не подѣйствовали на нихъ ни угрозы, ни плеть, ни фухтеля.

— Плеть избилъ,—говорилъ князь Горчаковъ,—полусаблю сломалъ, двухъ лошадей потерялъ... всю шинель мнѣ пулями изрѣшетили—все напрасно! Полкъ разбрелся, потерявъ при отступленіи болѣе двухъ третей—пораженныхъ въ спины!!

Былъ четвертый часъ пополудни. Свѣтлѣйшій приказалъ князю Горчакову выводить Владимірцевъ, прибавивъ, что другіе уже ранѣе сами о себѣ позаботились. Мнѣ кажется, что послѣ этого остальная горсть Владимірскаго полка уже не поспѣла присоединиться къ своимъ, потому что всѣ наши войска уже спѣшили съ поля... Сзади всѣхъ медленно и грустно ѣхалъ свѣтлѣйшій; Владимірцевъ я болѣе не видалъ. Бородинцы тянулись въ гору, по удобопроходимой балкѣ, густой четырехъ-баталіонной колонной. Увидѣвъ это, князь, подскакавъ къ Шалютѣ-Веревкину, замѣтилъ, что не слѣдуетъ вести въ „ящикъ“ (какъ онъ назвалъ балку) такую массу людей открытою на жертву непріятельскому огню, и приказалъ ему скорѣе занять высоты. Какъ бы въ подтвержденіе словъ свѣтлѣйшаго, непріятельское ядро влѣпилось въ хвостъ колонны. Шалюта, догнавъ меня, спросилъ: что значитъ занять высоты? Я отвѣчалъ ему, что, въ данномъ случаѣ, полку слѣдуетъ двигаться по тому мѣсту, по которому онъ ѣдетъ самъ, т. е. по берегамъ балки.

— Но, помилуйте, — возразилъ онъ, — какъ же я теперь перестроюсь?

И это говорилъ старый полковникъ, отличнѣйшій фронтовикъ.

Я долженъ былъ растолковать Шалютѣ, что ежели онъ скомандуетъ, напримѣръ: „четные баталіоны направо, нечетные налѣво!“

то солдаты, легко поднявшись на отлогія возвышенности балки, укроются отъ глазъ непріятеля.

Совершенно поднявшись на гору, по лѣвую сторону Севастопольской дороги, на площади у подъемовъ отъ праваго фланга нашей позиціи, увидѣли мы большую толпу егерей, въ крайне затруднительномъ положеніи: люди метались изъ стороны въ сторону, всячески виляли отъ снарядовъ, черезъ нихъ перелетавшихъ. Подъѣхавъ къ нимъ, мы узнали Углицкій полкъ. Онъ не понесъ, кажется, потерь, но мы не могли толкомъ добиться, гдѣ начальники Угличанъ и кто ихъ ведетъ? Никто не отозвался, хотя по флангамъ и виднѣлись офицеры, но они были совершенно безгласны; бо́льшая часть изъ нихъ прилегли; свѣтлѣйшій скомандовалъ имъ: „на свои мѣста!..“ Никакого дѣйствія. „Стройся!..“ Они не понимаютъ команды. „Стой!“ Офицеры ни съ мѣста.

Потерявъ всякое терпѣніе, я заскакалъ въ ту сторону, куда тянулись егеря, и, крича во все горло, остановилъ ихъ, поставилъ четыре знамени въ резервный порядокъ, и погналъ людей нагайкой къ своимъ знаменамъ, а офицеровъ толкалъ, чуть не по шеямъ, чтобы скорѣе расчитывали ряды. Когда они нѣсколько поопомнились, свѣтлѣйшій поѣхалъ по рядамъ, ободряя солдатъ. При этомъ, одинъ ротный командиръ указалъ на рядоваго, который, будучи раненъ въ ухо, никакъ не хотѣлъ выйти изъ фронта. Князь съ большимъ чувствомъ благодарилъ его, замѣтивъ при этомъ, что ежели-бы сегодня у него было побольше такихъ молодцовъ въ строю, такъ дѣло не было бы проиграно. Отыскавъ залегшую въ овражкѣ музыку Углицкаго полка, я спросилъ у его свѣтлости разрѣшенія—играть музыкантамъ для ободренія егерей. Скомандовали: „маршъ“! музыка грянула и дѣло пошло на ладъ.

Наблюдавшій за нашимъ отступленіемъ непріятель, видя строй этого полка и услыша торжественную музыку, приписалъ это тому, что яко-бы мы отступали подъ прикрытіемъ нашего сѣвернаго укрѣпленія, а оно было отъ Алмы въ 30-ти верстахъ, за двумя рѣками и четырьмя горами.

Когда полкъ тронулся, мы, оглянувшись во всѣ стороны, замѣтили вдали, на мѣстѣ нашихъ резервовъ, линію развернутыхъ войскъ въ значительной массѣ. Трудно было допустить, что бы это были французы... Оказалось, что это они! Чтобы разсѣять всякія сомнѣнія, казакъ Илія Сякинъ, Попова полка, вызвался подскакать поближе. Вернулся минуты черезъ двѣ, въ продолженіе которыхъ успѣлъ уже съ убитаго француза стащить красные штаны и сѣдло со своей лошади... „Французы!“ крикнулъ онъ,—„убили лошадь“!

Тутъ мы убѣдились окончательно, что вся наша позиція была занята союзниками. Мы могли очень явственно разсмотрѣть, какъ по Севастопольской дорогѣ, съ Алмы, поднялась на гору англійская кавалерія и наблюдала за нашимъ отступленіемъ, которое французы провожали ядрами и гранатами. Отвернувшись отъ непріятеля, князь проговорилъ: „Первое далъ сраженіе—и проигралъ! Обидно!...“

V.

Тяжело было настроеніе князя: онъ сознавалъ безвыходное положеніе предводителя войскъ, столь мало знакомыхъ съ войною. Потерять сраженіе,—со смѣшанными, сборными частями войскъ,—было не трудно, но не легко было придумать средства, какъ выйти изъ этого непостижимо тяжкаго положенія. Гдѣ войска, и что, и какъ? намъ не было извѣстно.... они разбрелись. По счастію, въ эти минуты, въ умѣ князя уже слагался планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Видя, что на силу надѣяться нечего и лучше употребить хитрость, онъ ѣхалъ молча и крѣпко задумавшись. Разъ только спросилъ меня: „извѣстнали мнѣ дорога на Мекензіеву гору и что тамъ за лѣсъ?“

Проѣхавъ подъ музыку около версты, мы спустились въ лощину, въ которой нашли въ развернутомъ фронтѣ бригаду гусаръ; командиръ Лейхтенбергскаго полка Халецкій, завидѣвъ князя, скомандовалъ: „сабли вонъ“! Бригада дернула: „ура“! Халецкій съ азартомъ подскакалъ къ свѣтлѣйшему, отрапортовалъ ему и готовился поздравить съ побѣдой! Каковъ генералъ? Онъ участвовалъ въ Алминскомъ дѣлѣ: стоялъ-де на позиціи и заключилъ, что войска наши, истребивъ непріятеля, шли праздновать побѣду въ Севастополь. Неумѣстное „ура“! до того всѣхъ насъ озадачило, что мы и не знали, что̀ подумать; ждали объясненія отъ Халецкаго, лицо котораго сіяло торжествомъ и самодовольствіемъ. Свѣтлѣйшій предупредилъ его:

— „Генералъ, это похоже на насмѣшку!“

Князь произнесъ эти слова такимъ грустнымъ тономъ, что нашъ Халецкій что-то такое промычалъ, а лицо его приняло такое испуганное, вопрошающее выраженіе, что, глядя на него, намъ стало и смѣшно и жалко.

Призвавъ бригаднаго командира, генералъ-маіора Величко, свѣтлѣйшій сказалъ ему:

— „Войска отступаютъ въ безпорядкѣ; прикройте это отступленіе: изъ лощины подайтесь къ сторонѣ непріятеля на столько, чтобы онъ васъ видѣлъ. Я весь отрядъ переведу за Качу, а вы останетесь на этой сторонѣ прикрывать нашъ ночлегъ. Казаковъ присоедините къ

себѣ, дѣлайте разъѣзды, не выпускайте непріятеля изъ виду; доносите мнѣ что онъ будетъ дѣлать".

Потомъ, верстахъ въ пяти отъ гусаръ, нашли мы два полка пѣхоты и при ней Кирьякова. Онъ доложилъ князю, что эти полки остались свѣжими и готовы прикрывать отступленіе. Князь приказалъ ему соединиться съ гусарами, взять въ распоряженіе казачьи полки, обѣщая прислать еще батарею—и съ этимъ отрядомъ строго наблюдать за непріятелемъ; въ случаѣ движенія его на насъ—держаться до послѣдней крайности. При этомъ князь замѣтилъ, что Кирьякову извѣстно въ какомъ безпорядкѣ остальныя войска, которымъ еще надо, переправясь черезъ Качу, расположиться на высотахъ лѣваго берега. Переправа и ночлегъ нашего разстроеннаго войска должны, разумѣется, быть совершенно обезпечены присутствіемъ надежнаго отряда на пространствѣ между Алмой и Качей.

Кирьяковъ, казалось, хорошо понялъ свое назначеніе: тронулся съ бригадой впередъ къ сторонѣ непріятеля; мы-же, встрѣтивъ тутъ адмирала Корнилова и Тотлебена, направились съ ними къ переправѣ и въ сумерки достигли высотъ праваго берега Качи. Не мало удивило насъ совершенное отсутствіе и признаковъ существованія войскъ, и куда они подѣвались? Неизвѣстно... Подъѣхавъ къ спуску, въ долинѣ рѣки увидѣли безобразнѣйшую картину: здѣсь царили полнѣйшія безначаліе и безпечность; сюда удрали наши молодцы и—веселехоньки; изволятъ забавляться: стрѣляютъ, безъ стыда, испуганныхъ зайцевъ.

Легко вообразить наше недоумѣніе, когда, подходя къ Качѣ, мы, въ сумерки, заслышали перестрѣлку; она подала намъ поводъ предполагать не выбросили ли союзники къ устью рѣки какого нибудь отряда... Ничуть не бывало! Это наши солдатики, отъ скуки, на зайцевъ охотиться вздумали и удержать ихъ было некому. Между тѣмъ, артиллерія и обозы стояли на дорогѣ, сохраняя въ этомъ хаосѣ возможный порядокъ. Указавъ на всѣ переправы, свѣтлѣйшій приказалъ обозамъ, а за ними и артиллеріи — трогаться. Не такъ легко было отдать приказаніе пѣхотѣ; начальства не существовало: выбывшихъ изъ фронта офицеровъ не замѣнили еще другими, а оставшіеся притаились... Солдатики горланили, бродили и мародерничали по хуторамъ и жильямъ, покинутымъ ихъ хозяевами и татарами. Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ несчастнымъ днемъ, было до того возмутительно, что даже масса раненыхъ, стянувшаяся къ этому времени на Качу, не возбудила во мнѣ присущаго сердцу новичка чувства состраданія, хотя положеніе страдальцевъ, за недостаткомъ средствъ къ помощи, было ужасно... Напротивъ, въ сердцѣ моемъ я

чувствовалъ какое-то ожесточеніе. Стоны, вопли и кровь, раздражая меня, придавали особенно мрачное расположеніе духу. Не я одинъ былъ въ такомъ дурномъ настроеніи: Корниловъ, не участвовавшій въ дѣлѣ, видя только плачевныя его послѣдствія, очень сухо и холодно смотрѣлъ на страданія увѣчныхъ, а причитыванія ихъ (нашъ родной способъ выражать свое горе) были ему несносны; онъ стыдилъ голосившихъ, проѣзжая мимо ихъ... Тоже дѣлали и прочія лица, бывшія въ свитѣ князя. Только онъ одинъ, болѣе всѣхъ насъ снисходительный къ слабостямъ человѣка, ѣхалъ молча, грустно всматриваясь въ раненыхъ и одинъ только разъ сказалъ Корнилову:

— „И все-то—въ спины!!“

Къ слову о раненыхъ замѣчу: всего страннѣе было то, что ихъ товарищи, такъ охотно выносившіе и выводившіе раненыхъ изъ-подъ огня, бросали ихъ по большей части тамъ, гдѣ сами не могли поспѣвать за ретирадой. Вообще видимо было въ нижнихъ чинахъ непонятное для меня хладнокровіе къ утратамъ; ихъ не смущали—ни потеря сраженія, ни безпорядочное отступленіе въ виду непріятеля; къ самому занятію союзниками нашей крѣпкой позиціи солдаты относились съ совершеннымъ равнодушіемъ. Это происходило, какъ я полагаю, оттого, что они не сознавали ни важности проигрыша сраженія, ни еще того важнѣйшихъ его послѣдствій.

Спустившись на Качу, свѣтлѣйшій направился, правымъ берегомъ, вверхъ по рѣкѣ, для обозрѣнія; потомъ онъ переправился выше всѣхъ нашихъ войскъ и поѣхалъ лѣвымъ берегомъ внизъ; меня-же послалъ на высоту, занять мѣсто для расположенія штаба. Отыскивая обозъ, я немного промедлилъ и уже не встрѣтилъ князя, а, спустившись въ другомъ мѣстѣ, съѣхался съ нимъ на подъемѣ по большой чумацкой дорогѣ. На вершинѣ горы князь свернулъ направо, на первую площадку, чтобы, отдавъ приказанія Корнилову и Тотлебену, распроститься съ нимъ и скорѣе отправить адъютанта своего С. А. Грейга съ донесеніемъ къ Государю Императору. Онъ приказалъ Грейгу спѣшить въ Севастополь, оттуда, получивъ подорожную, скакать въ Петербургъ.

— Что прикажете сказать Его Величеству? спросилъ Грейгъ.

— „Скажи все, что ты видѣлъ и слышалъ,—отвѣчалъ свѣтлѣйшій,—все, по чистой справедливости. Писать-же ты видишь самъ, и средствъ никакихъ нѣтъ и это отняло-бы слишкомъ много времени“ [1]).

---

[1]) У свѣтлѣйшаго не было тогда подъ рукою никакихъ канцелярскихъ принадлежностей. Намъ, адъютантамъ, были розданы отъ него небольшія кожаныя записныя книжки, для занесенія замѣтокъ и его приказаній. Одна изъ такихъ книжекъ донынѣ сохраняется у меня. А. П.

Грейгъ Корниловъ и Тотлебенъ поѣхали въ Севастополь вмѣстѣ. Проводивъ Грейга, свѣтлѣйшій, въ ожиданіи обоза, опустился въ полу-лежачемъ положеніи на землю. Между тѣмъ, мы собрали около него сухой травы перекати-поле, и зажгли ее, чтобы хоть сколько нибудь освѣтить мѣсто. Смеркалось такъ, что въ двухъ шагахъ не было видно человѣка. Мѣсто остановки князя было не то, которое я занялъ для штаба и куда велѣлъ слѣдовать обозу. Свѣтлѣйшій, съ огаркомъ свѣчи въ рукѣ, занялся разсматриваніемъ карты и не ѣхалъ далѣе; почему я послалъ казака отыскивать обозъ, который, пріѣдя на указанное ему мѣсто и не найдя тамъ никого, машинально направлялся на разведенный нами огонь. Я, конечно, былъ всѣхъ болѣе радъ прибытію обоза, такъ какъ оно возложено было на мою отвѣтственность. Покуда я не заслышалъ голоса офицера, провожавшаго обозъ, я былъ какъ на иголкахъ. Свѣтлѣйшему необходимъ былъ отдыхъ, ему еще предстояло заняться соображеніемъ, для выясненія себѣ положенія арміи, и изысканіемъ исхода изъ онаго. Съ пяти часовъ утра у свѣтлѣйшаго не было во рту ни крохи: надобно же было ему подкрѣпиться. Что-бы могъ я дѣлать безъ обоза? Отворотясь отъ огня, я таращилъ глаза въ непроглядную темень, что было мочи—напрягалъ слухъ... Боялся, чтобы обозъ нашъ не прошелъ по подъему горы мимо, затянутый прочими обозами. Въ этомъ томительномъ ожиданіи провелъ я болѣе часу, удивляясь необыкновенному терпѣнію свѣтлѣйшаго: не слыхалъ я отъ него ни единой жалобы и въ голосѣ его звучало обычное, спокойствіе. Князь вмѣшивался въ разговоры окружавшихъ и, казалось, хоть на минуту хотѣлъ забыть свое положеніе и сколько нибудь отдохнуть нравственно...

Наконецъ, слава Богу, обозъ прибылъ: съ него сняли 8 человѣкъ раненыхъ солдатъ, поднятыхъ имъ кой-гдѣ, по дорогѣ. Мы на-скоро разбили крохотную подручную палатку, постлали въ ней кусокъ кожи, зажгли свѣчи, и князь, разложивъ карты, углубился въ свои стратегическія соображенія.

Этимъ временемъ камердинеръ (онъ же и фельдшеръ) его свѣтлости, Разуваевъ, успѣлъ на спиртѣ согрѣть воду на стаканъ чаю, для князя. Подавая его свѣтлѣйшему, онъ сказалъ:

— Хорошо, что я, на всякій случай, приберегъ бутылку воды; а то все, что имѣли въ запасныхъ боченкахъ, роздали по дорогѣ раненымъ... да еще и съ собой ихъ, восемь человѣкъ, привезли!

— „Какъ-же, братецъ, ты мнѣ не скажешь? быстро отвѣчалъ свѣтлѣйшій. Иди скорѣй, перевяжи и отправь ихъ въ Севастополь въ нашихъ экипажахъ“.

И князь остался въ палаткѣ совершенно одинъ, покуда камердинеръ не управился съ израненными. Остальная прислуга была пьяна.

Распорядившись привозомъ воды, бывшей отъ насъ версты за три, и добычею фуража,ославъ за нимъ за шесть верстъ, я размѣстилъ лошадей по коновязямъ, а самъ присѣлъ у палаточки князя, чтобы быть подъ рукой, ежели ему что̀ понадобится, такъ какъ тутъ никого не было, кромѣ часоваго—сапера. Замѣчу кстати, что на Алминской позиціи у князя были постоянно часовые отъ роты саперъ: стояли они въ однѣхъ портупеяхъ и фуражкахъ. Этотъ караулъ, изъ ефрейтора и трехъ рядовыхъ, сначала смѣнялся ежедневно, потомъ свѣтлѣйшій, узнавъ отъ нихъ, что они желаютъ оставаться безсмѣнно, такъ какъ ихъ прекрасно кормятъ и поятъ чаемъ, согласился не смѣнять саперъ и приказалъ прикомандировать этотъ маленькій ефрейторскій караулъ къ своей квартирѣ. Онъ пришелъ съ княземъ и въ Симферополь и оставался здѣсь до выѣзда его свѣтлости изъ Крыма.

Я стоялъ шагахъ въ двадцати отъ палатки князя и смотрѣлъ во мракъ степи... Вдругъ, подлѣ себя, слышу его голосъ:

— „Это ты, Аркадій Александровичъ?“

— Я, ваша свѣтлость.

Князь, постоявъ, осмотрѣлся, потомъ произнесъ:

— „Какъ ты думаешь поставить войска? Фронтомъ-ли къ морю, съ тѣмъ, чтобы быть во флангѣ у непріятеля, когда онъ тронется къ Севастополю, или лицомъ къ непріятелю, чтобы еще хоть немного выиграть время, задержавъ его въ движеніи? Сраженія я дать не могу... Войска наши въ ужасномъ перепугѣ и безпорядкѣ“.

Отъ словъ князя, произнесенныхъ ровнымъ голосомъ человѣка озабоченнаго, но чуждаго страха, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Стараясь разсѣять недовѣріе свѣтлѣйшаго къ войскамъ, я приписывалъ ихъ смятеніе непріятельскимъ штуцерамъ; обнадеживалъ князя тѣмъ, что если мы, на ровномъ мѣстѣ, собравъ всѣ наши наличныя силы, ударимъ сколь возможно стремительнѣе, не давъ непріятелю возможности воспользоваться превосходствомъ своего оружія, то, можетъ быть, мы съ нимъ еще и управимся. Я не терялъ вѣры въ наши войска и никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобы одинъ нашъ солдатъ не осилилъ по крайней мѣрѣ трехъ непріятельскихъ... Общій недостатокъ нашей тогдашней слѣпой самоувѣренности! Помолчавъ немного, князь сказалъ:

— „Я думаю, завтра они сами не въ силахъ будутъ тронуться съ мѣста. Мы этимъ воспользуемся“.

И онъ ушелъ въ палатку: сѣлъ на землю съ картою въ рукахъ.

и почтенная его фигура обрисовывалась тѣнью на парусинныхъ стѣнахъ палатки. Я остался на прежнемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ гулу движенія войскъ, тянувшихся отъ перевоза по дорогѣ мимо насъ. Раненые, стоны которыхъ надрывали душу, то и дѣло сворачивали къ нашему костру, около котораго нарочно для нихъ была поставлена вода: единственное пособіе, которое мы могли предложить имъ въ эти жестокія минуты! Иныхъ средствъ къ помощи у насъ рѣшительно уже никакихъ не было; все, на чемъ только было возможно перевезти или перенести раненыхъ—было занято... ихъ же было такъ много, что каждый раненый, державшійся на ногамъ, долженъ былъ идти одинъ, или плестись поддерживаемый товарищами.

Погруженный въ грустныя думы о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны, я только что хотѣлъ, для отдыха, прилечь на пригорокъ, какъ слышу голосъ Кирьякова:

— Гдѣ свѣтлѣйшій?

Я подошелъ къ нему и указалъ на палатку князя. Меня встревожило внезапное появленіе командующаго отрядомъ, назначеннымъ для прикрытія отступленія и переправы, въ такомъ отдаленіи отъ своей части и въ то самое время, когда переправа еще не была окончена.

Кирьяковъ, просунувъ голову въ отверстіе палатки, сказалъ:

— Ваша свѣтлость, я благополучно довелъ людей до Качи: теперь тамъ все переправляется!

Невѣжество генералъ-лейтенанта поразило свѣтлѣйшаго.

— „Помилуйте, ваше превосходительство,—воскликнулъ онъ,—что же вы дѣлаете!? Вы пріѣхали мнѣ доложить, какъ будто окончили возложенное на васъ порученіе, тогда какъ вы только дошли до самаго серьезнаго его момента и вообразили, что вами все исполнено. Вы покинули отрядъ въ самую неблагопріятную для него минуту... Поспѣшите возвратиться къ вашему мѣсту и будьте осмотрительны: незначительный непріятельскій разъѣздъ можетъ надѣлать вамъ страшной тревоги... Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе!“

Кирьяковъ поѣхалъ... только не туда, куда ему слѣдовало: онъ отправился ужинать въ севастопольскій клубъ (15 верстъ отъ Качи). Могъ-ли кто ожидать подобнаго поступка отъ генерала, уже пожилыхъ лѣтъ? Онъ явился въ клубъ въ то время, когда тамъ въ сильномъ безпокойствѣ собрались почти всѣ моряки и разсуждали о нашемъ положеніи. Кирьяковъ, зная обычай моряковъ, предвидѣлъ это сборище и спѣшилъ предупредить невыгодные о себѣ толки по поводу Алминскаго сраженія. Изъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ онъ явился въ Севастополь — первымъ и, понятно, рѣчь была за нимъ. Грейга никто не успѣлъ видѣть: онъ былъ въ Севастополѣ

на одну минуту. Кирьяковъ съ нахальствомъ и самоувѣренностью вошелъ въ клубъ, думая появленіемъ своимъ произвести эфектъ; на этотъ разъ, однако, ему не удалось; всѣ были только удивлены его появленіемъ. Общее мнѣніе было таково: какъ можетъ командующій бо́льшею половиною отряда быть такъ далеко отъ своего поста въ такую священную минуту для войска! Генералъ пустился разсказывать о своихъ подвигахъ, будто бы объ ошибкахъ князя, о Горчаковѣ... но всѣ эти росказни никого не расположили къ пользу хвастуна. Съ этой минуты онъ былъ понятъ и на все время обороны окончательно палъ во мнѣніи севастопольцевъ. Даже дамы, еще недавно видѣвшія въ Кирьяковѣ героя, ихъ будущаго спасителя, разочаровались въ генералѣ. Когда Кирьяковъ возвратился къ своимъ войскамъ? Этого съ достовѣрностію я сказать не могу.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1853 — 1854.

VI [1]).

Проводивъ Кирьякова отъ палатки свѣтлѣйшаго, я присѣлъ близь нея на вещахъ, выложенныхъ изъ тѣхъ повозокъ, на которыхъ повезли раненыхъ. Я душевно страдалъ за князя; онъ и не думалъ объ отдыхѣ, ему необходимомъ, и я боялся, чтобы онъ не свалился. Еще утромъ этого дня свѣтлѣйшій былъ такъ слабъ, что даже лежа смотрѣлъ въ трубу на движенія непріятеля....

Вдругъ онъ кликнулъ меня и спросилъ:

— „Знаешь-ли ты дорогу, которая идетъ отъ Севастополя мимо Кадыкьоя на Мекензіевъ хуторъ, въ Бакчисарай?"

— Нѣтъ, ваша свѣтлость; я знаю только ея малую часть, но могу представить вамъ свѣдущаго человѣка.

Я привелъ къ нему, въ ту-же минуту, изъ своей команды унтеръ-офицера Балаклавскаго греческаго баталіона, Георгія Панаго. Онъ объяснилъ князю всѣ особенности этой дороги и тогда-то было рѣшено свѣтлѣйшимъ наше достопамятное фланговое движеніе.

Князь до свѣту просидѣлъ, не прислонивъ головы, надъ картою; я же дремалъ на клади, выгруженной изъ подводъ. Едва забрезжилось утро 9-го сентября, какъ онъ спросилъ лошадь, сѣлъ и поскакалъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134.

къ войскамъ, не заботясь о томъ, слѣдуетъ-ли кто за нимъ, или нѣтъ. Обязанный приводить въ порядокъ нашъ обозъ и лошадей, я не могъ тотчасъ ему сопутствовать; надѣялся его догнать, но не тутъ-то было! Управясь съ дѣлами, я поскакалъ по слѣдамъ князя и пріѣхалъ на сѣверную сторону Севастополя, къ батареѣ № 4-й,—одинъ; свѣтлѣйшаго еще не было. Меня это страшно мучило: „какъ,—думаю,—онъ безъ меня, и гдѣ онъ"? Ѣхать отыскивать его боялся, чтобы не разъѣхаться. Этимъ временемъ князь пропускалъ мимо себя войска, тянувшіяся къ Инкерманскому мосту для перехода на южную сторону Севастополя. Самъ свѣтлѣйшій достигъ до Мекензіевой горы, осмотрѣлъ часть лѣса, ее покрывающаго, потомъ объѣхалъ войска, оставленныя на сѣверной сторонѣ, въ гарнизонѣ тамошняго укрѣпленія. Когда онъ слѣзъ съ лошади, видъ его былъ утомленный, измученный, но спокойный. Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что лѣсъ въ сторонѣ Мекензіева хутора очень неудобенъ для движенія, хотя дорога хороша. Потомъ приказалъ подать себѣ бриться и переодѣться, мнѣ-же велѣлъ скорѣе переправлять все на ту сторону; въ особенности наблюсти, что-бы артиллерію удобнѣе устанавливали на пароходы; для себя назначилъ приготовить катеръ. Не прошло и получаса, какъ онъ отправился на ту сторону, а я занялся установкою артиллеріи; обозъ отправилъ я кругомъ на Инкерманскій мостъ, по саперной дорогѣ, въ Севастополь. Къ четыремъ часамъ вся артиллерія переправилась; перевезли частные и офицерскіе обозы и раненыхъ, которые по маленьку подходили да подходили; за ними перебрался я и затѣмъ доложилъ свѣтлѣйшему объ успѣхѣ переправы.

Когда я устанавливалъ послѣднія орудія на пароходъ, артиллерійская лошадь съ оторванной челюстью притащилась къ переправѣ; она отъ самой Алмы шла за нами, помахивая головой и неся на себѣ казенную сбрую, какъ бы въ сдачу. Сбрую тутъ же съ нея сняли, погладили, пожалѣли; она отошла на бугорокъ, постояла, постояла, ткнулась головой въ землю, кувырнулась черезъ шею и—духъ вонъ; артиллеристы по ней вздохнули, какъ по товарищу.

Узнавъ, что лошадь эта была изъ батареи Хлапонина, я вспомнилъ, что 5-я легкая дѣйствовала на лѣвомъ флангѣ боя и значительно пострадала: войска отступили, и она осталась безъ прикрытія, но продолжала палить до послѣдняго снаряда, удерживая натискъ французовъ. Множество людей и лошадей потеряла она и ей трудно было сняться; однако для семи орудій, по двѣ лошади на каждое, и по одной для ящиковъ—таки набрали; но такъ какъ батарея была 9-ти орудійная, то два орудія остались только при трехъ артиллери-

стахъ и ихъ приходилось бросить, о чемъ начальникъ артиллеріи, генералъ Кишинской, уже и доложилъ князю.

Хлапонинъ, отправивъ батарею, остался самъ при этихъ двухъ орудіяхъ и пробовалъ вчетверомъ тащить ихъ на себѣ; но было не подъ силу: двинутъ то одно орудіе, то другое, а далеко уйти не могутъ. Кругомъ все пусто, а непріятель надвигается, помощи взять не откуда; показались въ сторонѣ Веймарскіе гусары — Хлапонинъ бѣжитъ туда, проситъ пособить увезти или прикрыть эти два орудія, но гусары затруднились впрягать верховыхъ лошадей, и пошли своей дорогой.

Дѣлать было нечего; одному изъ прислуги, канониру Егорову, удалось уговорить товарищей тащить всетаки орудія на себѣ, на сколько будутъ въ силахъ: „умремъ, молъ, братцы, если придется, а орудій не оставимъ“. Молодцы уже выбивались изъ силъ, когда, по счастью, удалой фельдфебель Кикавскій, раздобывшись тремя лошадьми, прискакалъ: и орудія спасли, и батарейный командиръ имѣлъ на чемъ догнать батарею. Егоровъ получилъ георгіевскій крестъ и въ послѣдствіи, въ гвардіи, былъ удостоенъ Высочайшаго вниманія.

Князь Меншиковъ, конечно, не сообщалъ мнѣ плана дѣйствій, имъ составленнаго; но я передаю его, на сколько могъ понять, сообразуясь съ распоряженіями свѣтлѣйшаго.

Относительно дѣйствующаго отряда и Севастополя, непріятель находился въ такомъ расположеніи, что легко могъ отрѣзать намъ сообщеніе съ остальною частію Крыма, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ Россіею; блокадой онъ могъ вынудить насъ къ сдачѣ. Чтобы предупредить нашу гибель, князь спѣшилъ отвлечь вниманіе союзниковъ отъ Симферополя и отъ путей сообщенія нашего съ Россіею, стараясь привлечь все вниманіе и всѣ силы непріятеля на Севастополь: онъ вѣрно расчитывалъ при этомъ, что союзники, ослѣпленные удачею на Алмѣ, ринутся къ Севастополю, чтобы войти въ городъ, такъ сказать, по пятамъ нашего отступленія. Для этого свѣтлѣйшій показалъ имъ видъ, что, не будучи въ силахъ принять другаго сраженія, онъ спѣшитъ укрыться за севастопольскими стѣнами. Непріятель, надвигаясь къ укрѣпленіямъ сѣверной стороны, стянетъ здѣсь всѣ свои силы; но такъ какъ здѣсь встрѣтитъ, кромѣ укрѣпленій—бухту, съ кораблями на позиціи, то, конечно, не сможетъ разомъ овладѣть городомъ. Тогда-то князь съ дѣйствующимъ отрядомъ (который союзники, весьма естественно, могутъ принять за вновь прибывшій) явится у непріятеля въ тылу и на пути сообщенія нашего съ Россіею. Очутившись между двухъ огней, враги увидятъ, что въ такомъ положеніи атаковать Севастополь невозможно: для этого имъ должно предварительно раз-

бить отрядъ, угрожающій имъ съ тыла. Онъ же, и не принимая боя, можетъ оттянуть ихъ отъ моря—единственнаго ихъ рессурса. Если-же отрядъ приметъ бой, то новыя утраты въ непріятельскихъ войскахъ могутъ еще значительно его ослабить. Недоумѣніе, въ которое будутъ поставлены союзники этимъ маневромъ, вынудитъ ихъ изыскивать иной исходъ... Тогда князь, оставивъ имъ свободный путь на южную сторону Севастополя, наведетъ ихъ на мысль перенести сюда свою атаку, чему они въ торопяхъ легко поддадутся: сунутся на открытый имъ путь, а князь, заступая оставленныя непріятелями мѣста, запретъ ихъ на южной сторонѣ; пользуясь самъ свободнымъ сообщеніемъ съ Россіею, оставитъ непріятелю самый тѣсный кругъ дѣйствій. Сверхъ того, на южной сторонѣ враги почти не найдутъ ни воды, для питья, ни лѣсу для топлива и осадныхъ работъ.

Для приведенія плана своего въ исполненіе, 9-го числа сентября, князь дѣйствительно втянулъ наши войска въ Севастополь, гдѣ приказалъ имъ запасаться зарядами и провіантомъ. Непріятель, которому легко было наблюдать за нашимъ движеніемъ (что онъ, вѣроятно, и дѣлалъ), долженъ былъ заключить о намѣреніи нашемъ ожидать его въ Севастополѣ, какъ и желательно было. При этомъ, онъ преувеличилъ въ мнѣніи своемъ значеніе нашихъ укрѣпленій, воображая, вѣроятно, что мы возлагаемъ большія надежды на наши стѣны, а потому засѣли за ними.

Не сообщая никому общаго плана своихъ дѣйствій изъ опасенія шпіонства, которое чрезъ татаръ союзники легко могли устроить въ нашей арміи, князь вводилъ въ заблужденіе всѣхъ тѣхъ, которымъ, собственно, и не было надобности знать истину. Всѣ наши войска расчитывали защищаться въ стѣнахъ.

Такимъ образомъ, въ городѣ кипѣла усиленная дѣятельность: дѣйствующій отрядъ занимался своими приготовленіями; гарнизонъ суетился самъ по себѣ—строилъ, копалъ, возилъ, таскалъ. Моряки, по своей части, давно были готовы, но бо́льшая ихъ часть была снята съ судовъ для усиленія гарнизона; нѣкоторые экипажи въ полномъ своемъ составѣ были на берегу и ворочали громадами; быстро воздвигали насыпи; безостановочно вооружали укрѣпленія и тащили съ флота въ Севастополь все, что только могло служить къ защитѣ города и къ нанесенію вреда непріятелю. Тѣмъ болѣе чести морякамъ, что подобная работа была имъ весьма не по нутру. На сходкѣ, вечеромъ 8-го сентября, моряки рѣшили было идти громить во много разъ сильнѣйшій непріятельскій флотъ, навредить ему на сколько это было бы возможно, и, затѣмъ—умереть самимъ, со славою погибнуть въ морѣ, но не видать торжества враговъ надъ Севастополемъ—род-

нымъ гнѣздомъ Черноморскаго флота! Горячимъ поборникомъ этого отважнаго рѣшенія былъ Корниловъ.—И такъ, весь флотъ—отъ адмирала до послѣдняго матроса—готовился умирать, и утромъ 9-го сентября офицеры-моряки написали письма къ императору, въ которыхъ каждый просилъ государя о томъ, что оставлялъ священнаго послѣ себя... Свѣтлѣйшій разсѣялъ это отчаянное настроеніе моряковъ, возбудивъ ихъ къ новой дѣятельности — на сухомъ пути. Корниловъ возставалъ противъ этого, но князь убѣдилъ адмирала, растолковавъ ему, что въ смерти нѣтъ никакой доблести, если она приноситъ государству болѣе вреда чѣмъ пользы.

— „Ежели же прійдется умирать,—заключилъ свѣтлѣйшій,—то не лучше ли тогда, когда будутъ истощены всѣ средства къ защитѣ, отъ чего мы еще далеки. Геройскую рѣшимость честныхъ моряковъ я постараюсь употребить съ большею пользою на защиту Севастополя“...

Корниловъ не сразу уступилъ увѣщаніямъ князя.

— Неужели же флотъ,—возразилъ онъ,—на который употреблено столько матеріальныхъ средствъ, употреблялось столько небезполезныхъ усилій—вы не допустите къ дѣйствію въ то самое мгновеніе, когда ему представляется случай явить свою мощь, покрыть безсмертною славою свой флагъ? Мы погибнемъ, правда; но страшно навредимъ непріятелю.

— „Погибнете—и погубите огромныя средства, которыя флотъ можетъ доставить оборонѣ Севастополя,—отвѣчалъ князь; непріятелю же навредите немного. Паровой флотъ вездѣ отъ васъ увернется и будетъ ставить нашъ парусный въ смѣшное положеніе, разрушая его безнаказанно. Опытъ состязанія нашихъ шести пароходовъ съ тремя непріятельскими достаточно доказалъ вамъ ихъ преимущества. Въ настоящее время штиль не дастъ возможности двигаться, а ожидать вѣтра невозможно. Надо дѣйствовать энергично: назначьте потребное число изъ старѣйшихъ судовъ для потопленія у входа въ рейдъ, для его загражденія, какъ мы уже говорили. Этимъ мы уничтожимъ всякое покушеніе непріятеля ворваться въ бухту. Не будучи озабочены съ этой стороны, мы снимемъ еще съ оставшихся судовъ бо́льшую часть экипажа, которую расчитаемъ по оборонительной линіи; возьмемъ много орудій и снарядовъ для вооруженія батарей. Будемъ смотрѣть на эти средства какъ на прибывшія къ намъ подкрѣпленія“.

Таковы главныя черты того разговора князя Меншикова съ Корниловымъ, который рѣшилъ судьбу флота и обезсмертилъ Севастополь. Затѣмъ, Корниловъ предлагалъ собрать военный совѣтъ для обсужденія вопроса; но князь, предоставивъ совѣту собираться, не раздѣлялъ надежды Корнилова на это совѣщаніе, почему и не принялъ въ немъ

никакого участія, а замыслилъ, рѣшилъ и сталъ приводить въ исполненіе свой планъ дѣйствій въ защиту Севастополя.

Вечеромъ 9-го сентября, забѣгали ко мнѣ многіе изъ сослуживцевъ—повыспросить, что̀ князь намѣренъ дѣлать, и подговаривали меня убѣдить князя, чтобы онъ собралъ военный совѣтъ. Свѣтлѣйшему, по истинѣ, не съ кѣмъ было совѣтоваться; его окружали новички. Я, подъ шумокъ, собиралъ свои вещи и готовился такъ, чтобы ужъ о нихъ болѣе не заботиться, имѣя подъ рукой лишь самое необходимое. Ночью пріѣзжали съ аванпостовъ и будили князя нѣсколько казаковъ съ донесеніемъ о томъ, что̀ ими усмотрѣно въ непріятельскомъ лагерѣ.

Рано утромъ, 10-го сентября, я поѣхалъ въ морской госпиталь навѣстить Сколкова и Жолобова. Сколковъ спалъ, а Жолобовъ говорилъ со мной очень спокойно; поручилъ мнѣ отыскать въ его квартирѣ карты и книги, принадлежащія князю, и просилъ ихъ ему передать. По возвращеніи изъ госпиталя, я засталъ его свѣтлость готовымъ выѣхать въ лагерь князя Горчакова. Передъ отъѣздомъ онъ о чемъ-то говорилъ съ Кирьяковымъ и его квартирмейстеромъ, генеральнаго штаба подполковникомъ Залѣскимъ. Выѣхавъ со мною со двора, князь тотчасъ же сказалъ мнѣ, что онъ предлагалъ Нахимову принять начальство надъ гарнизономъ, имѣя въ виду, что подобное назначеніе придастъ бодрости гарнизону, такъ какъ въ военныхъ доблестяхъ Нахимова никто не сомнѣвался. Однако же Нахимовъ отказался, говоря, что на сушѣ ничего не понимаетъ и потому не желаетъ ничего брать на свою отвѣтственность. Къ этому онъ прибавилъ, что будетъ всѣми зависящими отъ него средствами содѣйствовать общему дѣлу и готовъ служить своей особой, хотя бы пришлось на ряду съ матросами.

По возвращеніи изъ лагеря кн. Горчакова, мы обѣдали; потомъ свѣтлѣйшій переправился на сѣверную сторону, сѣлъ на лошадь объѣздчика и, вмѣстѣ со мною, поѣхалъ осматривать сѣверное укрѣпленіе и новыя батареи. На другой день, 11-го сентября, князь опять былъ на сѣверной сторонѣ съ Корниловымъ и, сдѣлавъ свои распоряженія, подъѣхалъ къ батареѣ, ближайшей къ морю, откуда ему удобнѣе было разсмотрѣть показавшихся на высотахъ непріятелей. Они приближались къ Качѣ и у праваго ихъ фланга замѣтны были земляныя работы; въ устьѣ рѣки, по морскому берегу, они устраивали пристани; противъ же ихъ проходили суда и становились на якорь. Судя по линіи видимаго бивуака, часть лѣваго фланга непріятельской арміи находилась на лѣвомъ берегу Качи. Въ сумерки князь возвратился въ Севастополь. На Графской пристани собирались вой-

ска для переправы. Какъ мнѣ помнится, все это были морскіе баталіоны, которые, какъ было слышно изъ ихъ разговоровъ, шли въ гарнизонъ сѣвернаго укрѣпленія на смѣну пѣхоты. Больше же они сами ничего не знали. Они переправлялись на сѣверную сторону до ночи. Между тѣмъ, князь сказалъ мнѣ, чтобы все было готово къ выступленію нашей квартиры: ночью онъ ждетъ извѣстія, велѣдствіе котораго предъ разсвѣтомъ выйдетъ изъ Севастополя. Сдѣлавъ всѣ приготовленія, я прилегъ отдохнуть...

Свѣтало, но о движеніи еще не было и слуху. Вотъ, вижу въ окно, скачетъ гонецъ, слѣзаетъ у воротъ, вижу: подполковникъ Залѣскій. Черезъ нѣсколько минутъ свѣтлѣйшій требуетъ меня къ себѣ.

— „Вообрази, что со мной сдѣлалъ Кирьяковъ,—такъ встрѣтилъ меня князь. Я далъ ему 12 баталіоновъ, двѣ батареи; аванпосты и разъѣзды содержатъ два полка гусарскихъ, два казачьихъ. Я послалъ его вчера вечеромъ, чтобы онъ, не замѣченный непріятелемъ, занялъ позицію по этой сторонѣ Бельбека, для прикрытія нашего движенія, которое я намѣренъ былъ сдѣлать сегодня на зарѣ, дабы, обойдя флангъ непріятеля, встать у него въ тылу, на сообщеніи съ Симферополемъ. Наше движеніе до того важно, что я сказалъ Кирьякову: „въ случаѣ натиска, держитесь до тѣхъ поръ, пока я не извѣщу васъ, что уже прошелъ Мекензіеву гору. Помните, что переправа на Бельбекѣ слишкомъ затруднительна; безъ ущерба себѣ, съ тѣмъ количествомъ войска, которое у васъ въ распоряженіи, вы можете очень долго вредить непріятелю и легко его удерживать“. Кирьяковъ же, пріѣдя вечеромъ занимать мѣста, услыхалъ на той сторонѣ Бельбека музыку, которая на своемъ бивуакѣ играла зорю. Не знаю почему, это его такъ сконфузило, что онъ, не останавливая войска, повернулъ на лѣво кругомъ и удралъ. Лупилъ цѣлую ночь и, перейдя Черную чрезъ Инкерманскій мостъ, остановился на Сапунъ-горѣ, такъ, что отъ нашего лагеря подъ Севастополемъ его отдѣляетъ только Сарандинакина балка. А при немъ еще—этотъ подполковникъ Залѣскій!..“ замѣтилъ князь. „Не понимаю, какъ это онъ его не удержалъ? Онъ-то на минуту и прискакалъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ... Что я буду дѣлать съ подобными генералами? что мнѣ только придумывать такое, что бы они были въ состояніи исполнять какъ слѣдуетъ?!“

VII.

Изъ послѣдняго моего разсказа читатель видѣлъ, что предпринятое княземъ Меншиковымъ, на зарѣ утра 12-го сентября, фланговое движеніе было остановлено по милости незнанія, неисполнительности, или паники, что-ли, Кирьякова. Самовольное передвиженіе его было главною причиною, по которой дѣйствующій отрядъ былъ приведенъ въ самое невыгодное расположеніе. Что, ежели союзники этимъ воспользуются? Мы до ночи не можемъ тронуться, потому что открываемъ себя наблюденію непріятеля; что, ежели, принявъ свои мѣры, онъ помѣшаетъ намъ обойти себя, или даже, захвативъ нашу колонну на походѣ, разобьетъ ее, такъ какъ флангъ нашъ ничѣмъ не обезпеченъ... А сколько замедленій: союзники двигаются—мы бездѣйствуемъ! Всѣ эти соображенія, нахлынувъ на мысли свѣтлѣйшаго, весьма его тревожили. Какъ выпутаться изъ подобнаго положенія? Что дѣлать?

Одно необыкновенное умѣнье князя владѣть собою удерживало его отъ выраженій отчаянія. „Скорѣй, скорѣй лошадь!“ сказалъ онъ только, и понесся на Куликово поле въ лагерь, одинъ, и такъ быстро, что казакъ едва могъ поспѣвать за нимъ. Я остался у крыльца и въ недоумѣніи лишь разводилъ руками.

Между тѣмъ, наканунѣ къ намъ прибылъ отъ Хомутова отрядъ подъ командою генерала Жабокрицкаго и успѣлъ уже въ авангардѣ главныхъ силъ занять позицію на Мекензіевой горѣ. Свѣтлѣйшій, прибывъ въ лагерь, поспѣшилъ дать знать оттуда Жабокрицкому, что Кирьяковъ не исполнилъ своего назначенія и поэтому онъ, Жабокрицкій, долженъ, расчитывая лишь на свою бдительность, сохранять свою позицію, не смотря на всѣ ея невыгоды, до прибытія къ нему на смѣну войскъ князя П. Д. Горчакова; затѣмъ, идти далѣе за Бельбекъ, къ деревнѣ Отаркой, гдѣ и расположиться, имѣя въ виду прикрывать собою позицію, предназначенную тамъ для занятія всего дѣйствующаго отряда, который въ эту-же ночь, съ 12-го на 13-е сентября, долженъ былъ совершить переходъ съ Куликова поля.

И такъ, въ самое критическое время, когда намъ была дорога каждая минута, мы, по милости Кирьякова, теряли цѣлыхъ двѣнадцать часовъ; самое-же главное: пользуясь весьма неблагопріятными условіями для союзниковъ, мы не успѣли показаться у нихъ въ флангѣ, потомъ и въ тылу.

Князь по возвращеніи изъ лагеря засталъ у себя письмо Жолобова, который просилъ свѣтлѣйшаго выслушать его послѣднюю, пред-

смертную просьбу. Князь немедленно поѣхалъ въ госпиталь, взявъ меня съ собою.

Свѣтлѣйшій очень сожалѣлъ о Жолобовѣ; онъ любилъ его за исполнительность, точность въ работѣ и скромность. Послѣднимъ трудомъ Жолобова была съемка Алминской позиціи; онъ сдѣлалъ ее очень практично, и свѣтлѣйшій, за нѣсколько дней до высадки союзниковъ, провѣривъ этотъ небольшой планъ съ мѣстностью, остался имъ очень доволенъ. Помню, какъ снимокъ Жолобова онъ показывалъ мнѣ въ назиданіе, сказавъ при этомъ, что Жолобовъ хорошо его понялъ и къ своему чертежу присоединилъ вѣрный очеркъ всей мѣстности, лежащей между Алмой и Севастопольской бухтой. Планчивъ, снятый Жолобовымъ, былъ карманный; князь на ходу легко его разсматривалъ и за это удобство былъ весьма благодаренъ Жолобову. Составитель плана представилъ его свѣтлѣйшему на перепутьи нашемъ къ Алмѣ, гдѣ онъ съ нами встрѣтился, возвращаясь верхомъ съ Алмы. Вообще все исполняемое просто, практично, съ удобствомъ примѣненія, не только всегда одобрялось княземъ, но доставляло ему истинное удовольствіе.

— „Излишнія прикрасы,—говаривалъ онъ,—часто затемняютъ настоящій смыслъ дѣла".

Прибывъ въ госпиталь, мы нашли Жолобова на открытомъ воздухѣ, на который онъ передъ смертью просилъ себя вынести. Князь провелъ у постели умирающаго около четверти часа; я не подходилъ къ нему, боясь разстроить страдальца моимъ прощаніемъ: еще наканунѣ видѣлъ я его на столько бодрымъ, что и теперь не терялъ надежды на его выздоровленіе.

Не успѣлъ князь отойти отъ Жолобова, какъ во дворъ госпиталя въѣхалъ флигель-адъютантъ Альбединскій, посланный Государемъ изъ С.-Петербурга за извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ. Свѣтлѣйшій съ Альбединскимъ обошелъ раненыхъ, при чемъ ротный командиръ Владимірскаго полка, съ постели своей указывая на двухъ рядовыхъ, сказалъ:

— Эти молодцы доказали, что ружейный прикладъ лучше пули и штыка: они втроемъ, на брустверѣ батарейной батареи, удерживали штурмъ англичанъ. Отъ одного взмаха ихъ ружей валились трое, четверо; если бы ихъ не подстрѣлили въ ноги, да третьяго ихъ товарища не убили, то не допустили бы они англичанъ на батарею, гдѣ оставались два нашихъ орудія".

Князь поздравилъ молодцовъ унтеръ-офицерами, сердечно благодарилъ ихъ и ротнаго командира.

По возвращеніи съ Альбединскимъ домой, князь приказалъ мнѣ

послѣ обѣда отправить обозъ главной квартиры въ лагерь; вскорѣ послѣ отправленія обоза и мы за нимъ послѣдовали верхомъ. На выѣздѣ изъ Севастополя, свѣтлѣйшій, подозвавъ состоявшаго при немъ лейтенанта Стеценко, приказалъ ему возвратиться къ Корнилову для сообщенія ему слѣдующаго:

1) что онъ кн. Меншиковъ, уже выѣхалъ въ лагерь совсѣмъ и оттуда намѣренъ—когда стемнѣетъ—тронуться для совершенія извѣстнаго Корнилову движенія;

2) надѣется успѣть исполнить таковое до приближенія непріятеля къ Севастополю;

3) не потеряетъ Севастополя изъ виду и будетъ слѣдить за всѣмъ, что въ немъ произойдетъ. Ежели непріятель покусится атаковать городъ, то князь нападетъ на него съ тылу и не допуститъ ни до чего рѣшительнаго;

4) такъ какъ дѣйствующій отрядъ будетъ находиться на сообщеніи съ Россіею, то Севастопольскій гарнизонъ не долженъ терять бодрости, потому что подвозы и подкрѣпленія достигнутъ своего назначенія;

5) князь изыщетъ случай увѣдомлять о себѣ Корнилова.

Передавъ возложенное на него порученіе Корнилову, Стеценко присоединился къ намъ; Корниловъ-же распустилъ по городу слухъ, главный смыслъ котораго заключался въ томъ, что свѣтлѣйшій будтобы бѣжалъ со своими войсками изъ Севастополя, оставляя его въ жертву непріятелю, и что теперь гарнизону предстоитъ изыскивать самому средства отстаивать родной городъ. Выразивъ такимъ образомъ свое отчаяніе, Корниловъ и всѣхъ севастопольцевъ погрузилъ въ глубокое уныніе, вмѣсто того, чтобы ободрить ихъ надеждою, что нашъ дѣйствующій отрядъ, находясь въ тылу непріятеля, будетъ отвлекать его вниманіе отъ Севастополя. Этого мало: носились слухи, что Корниловъ написалъ объ этомъ брату въ Петербургъ, женѣ — въ Николаевъ, изображая самыми мрачными красками поступокъ свѣтлѣйшаго. Этимъ онъ обрекъ искуснаго стратегика на жертву нелѣпыхъ толковъ и сплетень: по всей Россіи пронеслась молва, будто-бы Меншиковъ продалъ Севастополь! Петербургъ негодовалъ... но въ самый разгаръ нареканій, сыпавшихся на свѣтлѣйшаго, явился въ столицѣ Альбединскій съ извѣстіемъ о блистательномъ фланговомъ движеніи. Государь былъ въ восторгѣ; иностранныя газеты загремѣли, прославляя удивительную находчивость, искусство и присутствіе духа князя Меншикова. Совершивъ достопамятный въ военной исторіи подвигъ, свѣтлѣйшій не гордился плодами своихъ способностей: ему это было не въ диковину; увѣренный въ себѣ самомъ, онъ плохо вѣрилъ въ исполни-

телей зрѣло обдуманныхъ своихъ предначертаній. Злые языки призатихли, но они дѣло свое сдѣлали: ядъ, ими выпущенный, всосался въ организмъ общественнаго мнѣнія; подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія не доброй молвы оно плохо мирилось съ очевидностью; довѣріе къ полководцу въ основаніи было потрясено и безуспѣшны были усилія возстановить это довѣріе. Присутствіе яда клеветы давало о себѣ знать при малѣйшемъ удобномъ случаѣ: имъ искусно пользовались завистники и враги—соотечественники, и вредили, какъ только могли, имени свѣтлѣйшаго.

Возвращаюсь къ разсказу.

Покуда свѣтлѣйшій въ палаткѣ совѣщался съ княземъ П. Д. Горчаковымъ, я поѣхалъ выбирать мѣсто для расположенія обоза. Проѣзжая мимо Минскаго полка, я, незамѣченный, прислушался къ разсказу унтеръ-офицера объ Алминскомъ дѣлѣ:

— Кабы всѣ-то начальники, какъ князь Меншиковъ, — говорилъ онъ, — такъ имъ-бы ничего не взять; и какъ Господь его хранилъ?! самъ вездѣ, а другихъ, прочихъ командировъ,—и не видать... Кабы ему да не ѣхать туда къ мосту, такъ мы-бы ихъ съ горы проводили скоро....

Разговоръ былъ прерванъ командою: „аммуницію одѣвать!“ Я поспѣшилъ къ палаткѣ князя Петра Дмитріевича, гдѣ свѣтлѣйшій уже встрѣтилъ меня словами:

— „Выпроваживай нашъ обозъ къ Бракеру-хутору; мы поѣдемъ впередъ туда-же и тамъ пропустимъ мимо себя весь отрядъ“.

Мы тотчасъ тронулись по Балаклавской дорогѣ; обозъ нашъ слѣдовалъ за нами. У хутора Бракера, совершенно покинутаго обитателями, мы сдѣлали привалъ, навѣсили поскорѣй торбы на лошадей, согрѣли чаю. Между тѣмъ стали подходить войска и князь, поспѣшно сѣвъ на лошадь, выѣхалъ впередъ, чтобы пропустить ихъ всѣхъ мимо себя; потомъ, вмѣстѣ съ войсками обогнулъ Сапунъ-гору. Послѣ того свѣтлѣйшій сѣлъ въ экипажъ и слѣдовалъ шагомъ за хвостомъ колонны. Между тѣмъ быстро надвинулся ночной мракъ: южная ночь наступаетъ внезапно... Мы шли версты двѣ, соблюдая глубокую тишину. Я ѣхалъ возлѣ фронта, пробираясь осторожно поближе къ дорогѣ.

Вдругъ, слышимъ, что-то съ шумомъ посыпалось съ горы: колонна наша засуетилась въ недоумѣніи; произошла путаница, толкотня; со стороны на дорогу выѣхалъ какой-то обозъ. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать, но этотъ шумъ легко было принять за нападеніе непріятеля на нашъ флангъ... Оказалось не то: опять Киряковъ! Ему было дано знать, чтобы онъ присоединился къ нашей колоннѣ. Спу-

ствившись съ Сапунъ-горы по Воронцовскому шоссе, онъ даже и этого не могъ сдѣлать толкомъ: заторопился, сунулся съ горы безъ пути какимъ-то разсыпнымъ порядкомъ. Хорошо, что князь скоро смекнулъ въ чемъ дѣло: поспѣшилъ остановить отрядъ, велѣлъ ему сдвинуться съ дороги въ сторону и пропустить Кирьякова впередъ. Но, можно себѣ вообразить, какъ трудно было это сдѣлать. Наша колонна, прорванная въ нѣсколькихъ мѣстахъ отрядомъ Кирьякова, гдѣ—стояла, гдѣ—спѣшила за частями, не ей принадлежавшими. И въ этой тьмѣ кромѣшной какого добиться толку? Кричать, опрашивая части, было невозможно, такъ какъ мы дѣлали движеніе скрытное отъ непріятеля... Едва, едва наладили мы, съ большимъ промедленіемъ во времени. Свѣтлѣйшій послалъ на Мекензіеву гору сказать Жабокрицкому, чтобы онъ, не дожидаясь его, при появленіи тамъ Кирьякова сдалъ ему позицію, а самъ шелъ впередъ на мѣсто, указанное ему для занятія общаго бивуака.

Кн. П. Д. Горчаковъ, шедшій во главѣ нашей колонны, соблюдая въ движеніи величайшую тишину и осторожность, очень встревожился, заслышавъ позади себя непонятный ему шумъ; когда-же, наконецъ, причина объяснилась, то онъ Кирьякова чуть не разорвалъ съ досады, тѣмъ болѣе справедливой, что неумѣстныя движенія послѣдняго и неурядица, съ которой онъ присоединился къ намъ, безпрестанно задерживали ходъ нашей колонны. Остановки были частыя, довольно продолжительныя и причинъ ихъ нельзя было доискаться... Наконецъ мы и совсѣмъ остановились; какъ говорится— ни-тпру, ни-ну! Всѣ справки: отчего? почему? зачѣмъ?—были безуспѣшны; солдаты, уставъ стоять, полегли... Извольте тутъ пробираться между ними, въ темнотѣ, верхомъ, къ головѣ колонны за справкой. Мы всѣ, адъютанты, пустились впередъ, но пробраться впередъ было до того затруднительно, что руки опускались и бросало въ потъ отъ нетерпѣнія.

Въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ князь Горчаковъ поѣхалъ самъ впередъ; отрядъ Кирьякова все продолжалъ стоять. Поднявшись до половины извилистаго подъема Мекензіевой горы, князь Петръ Дмитріевичъ, наконецъ, увидѣлъ, что колонна головой уперлась въ повозку, которую лошади не брали и еще что-то у ней сломалось. Пораженный негодованіемъ, что такой вздоръ былъ причиною остановки, князь Горчаковъ крикнулъ на офицера:

— Что-же вы ее не сбросите? Задерживаете такую массу войска изъ-за дряни!

Офицеръ оправдывался тѣмъ, что это повозка генерала Кирьякова.

— Опять Кирьяковъ?! крикнулъ Петръ Дмитріевичъ, плюнулъ и велѣлъ ссунуть повозку въ оврагъ: только тогда колонна безпрепят-

ственно взошла на Мекензіеву гору. Здѣсь Жабокрицкій уже очистилъ мѣсто для Кирьякова; главный-же отрядъ расположился сзади его, возлѣ самаго подъема.

Такъ какъ медлить на этой позиціи было опасно — Кирьяковъ, посланный, какъ мы говорили, для прикрытія нашего фланговаго движенія, бѣжалъ отъ непріятельской музыки — то вся надежда наша была на одни разъѣзды казаковъ и аванпосты гусаръ, мало успокоивавшіе князя. Разъѣзды непріятеля и его авангардъ легко могли застать насъ на тѣсной площадкѣ этой горы. Принимая это въ соображеніе, свѣтлѣйшій, войдя въ находившійся тутъ караульный домъ, приказалъ князю Петру Дмитріевичу передать Кирьякову, чтобы онъ немедля подымался, шелъ слѣдомъ за Жабокрицкимъ и расположился возлѣ того мѣста, куда прійдетъ Жабокрицкій.

Между тѣмъ Кирьяковъ, какъ только поднялся на плато, развелъ огни—варить ужинъ. И это дѣлалось имъ въ то время, когда мы употребляли всѣ средства, чтобы скрываться отъ наблюденій непріятеля!! Покуда мы взбирались на гору, костры порядочно разгорѣлись и, конечно, не могли не быть замѣчены непріятелемъ... Къ счастію, князь Александръ Сергѣевичъ, подъѣзжая къ горѣ, вышелъ изъ экипажа и верхомъ обогналъ колонну, — такъ, что, первый поднявшись на гору, онъ поспѣшилъ приказать залить огни. Этимъ распоряженіемъ Кирьяковъ остался очень недоволенъ. Сокрушаясь по своей повозкѣ, оставшейся назади, онъ находился въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что когда князь Петръ Дмитріевичъ потребовалъ его къ себѣ, чтобы передать приказаніе о немедленномъ движеніи впередъ, то Кирьяковъ отозвался, что такъ какъ онъ еще не ужиналъ и повозка его сброшена съ дороги, то онъ идти не можетъ; да и куда ему въ такую ночь идти?! За тѣмъ посыпались громогласныя ругательства. Тогда князь Горчаковъ предложилъ ему остаться ужинать, а самъ послалъ за старшимъ полковникомъ, чтобы приказать ему вести отрядъ Кирьякова. Послѣдній смирился, поднялъ отрядъ и двинулся по назначенной дорогѣ; но и тутъ не могъ не напакостить: лупилъ, что называется, безъ оглядки, продралъ мимо Жабокрицкаго, не замѣтивъ его—почти вплоть къ Бахчисараю; бѣжалъ-бы и дальше, еслибы свѣтлѣйшій, получивъ донесеніе отъ Жабокрицкаго, что Кирьяковъ не присоединился къ нему, не послалъ догнать безтолковаго и воротить къ избранному мѣсту.

Въ слѣдующую ночь помянули Кирьякова и въ Севастополѣ. Уходя съ Сапунъ-горы, онъ оставилъ баталіонъ Тарутинскаго полка при четырехъ орудіяхъ на Инкерманскомъ спускѣ. — Онъ, надо полагать, позабылъ о немъ, такъ какъ баталіонъ оставался тамъ безъ всякой

нужды, въ жертву непріятелямъ, какъ въ пустынѣ, и спасеніемъ своимъ былъ обязанъ тому, что союзники, перебираясь на южную сторону, сами находились въ страшномъ перепугѣ. Они до того спѣшили, что, проходя даже мимо нашего Георгіевскаго пороховаго погреба, гдѣ находился большой складъ пороха, не обратили на него вниманія. Съ приближеніемъ союзниковъ баталіону угрожала опасность быть отрѣзану, но, благодаря темнотѣ ночи, ему посчастливилось уйти въ Севастополь. Здѣсь объ этомъ отрядѣ ничего не вѣдали и потому, когда онъ приблизился, то былъ принятъ за непріятельскій: раздались сигналы общей тревоги, переполошившіе весь гарнизонъ.

Отправивъ Кирьякова съ Мекензіевой горы, свѣтлѣйшій послалъ благонадежнаго урядника къ Корнилову—извѣстить его о мѣстѣ своего пребыванія и подтвердить приказаніе скорѣе выпроваживать изъ Севастополя паркъ, въ прикрытіе которому уже заблаговременно отряжены были двѣ роты пѣхоты при двухъ орудіяхъ; къ парку присоединить отсталый обозъ. Сверхъ того князь приказалъ Корнилову, чтобы онъ въ ту-же ночь послалъ на рѣку Черную—уничтожить Инкерманскій мостъ и испортить плотину.

Остальную часть ночи мы провели возлѣ своихъ лошадей и къ утру 13-го сентября, по возвращеніи казака, сѣли на коней и отрядъ тронулся. Живо очистилъ онъ Мекензіеву гору; мы спустились въ Черкезъ-Ирменскую долину и слѣдовали по дорогѣ къ Бахчисараю до Бельбека. Тамъ мы настигли наши передовыя войска, бродомъ перешли рѣку и на правомъ ея берегу на бугоркѣ князь приказалъ раскинуть себѣ палатку. Вдругъ слышимъ — орудійный выстрѣлъ, другой, третій... и гдѣ-же? на Мекензіевой горѣ! Мы съ трубами взмостились на возы и видимъ, что парковыя повозки, въ безпорядкѣ, несутся съ горы въ долину, во весь духъ... болѣе этого, за дымомъ и пылью, мы разглядѣть не могли. На мѣсто тревоги въ ту-же минуту былъ посланъ Лейхтенбергскій гусарскій полкъ: онъ понесся на большихъ рысяхъ. Замѣтивъ гусаръ, непріятель прекратилъ дальнѣйшее преслѣдованіе несчастнаго парка. Легко себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы вѣстей о случившемся; но еще никто не успѣлъ прискакать оттуда, какъ мы завидѣли два экипажа, катившіе во весь духъ; около нихъ верховые. Не убавляя аллюра, они перелетѣли черезъ рѣку; увидавъ своихъ, заслышавъ крики „стой! стой!!“ наконецъ остановили лошадей. Молоденькій офицеръ Веймарскаго гусарскаго полка, скакавшій впереди, прыгнулъ на бугорокъ, гдѣ была палатка князя: насилу мы его удержали! И жалко и смѣшно было смотрѣть, въ какомъ испугѣ прискакалъ этотъ ребенокъ: дико

озираясь кругомъ, какъ будто не вѣря глазамъ, что онъ между своими, гусарикъ произнесъ наконецъ:

— Ну, слава Богу, ускакалъ!. Ахъ, какая лихая тройка... ужъ я думалъ, генеральскія отстанутъ... А тамъ, остальныя всѣ пропали, людей порубили, повозки порубили, которыя—сами поломались, которыя съ горы полетѣли, а больше, должно быть, они позабрали!

— Что-же сталось съ паркомъ? спросили мы его.

— А, право, не знаю. Какъ взошли на гору, нашъ обозъ стоялъ сзади; со мной было 12 гусаръ: сдѣлали привалъ... Вдругъ, откуда ни возьмись, бросаются на насъ французы, или англичане, не знаю, только въ большихъ медвѣжьихъ шапкахъ. Мы, какъ схватились, скорѣй, скорѣй, наткнулись на паркъ; туда, сюда... насилу выбрались коекакъ. Ящикъ нашъ тоже тутъ сломался; мы къ спуску: и тамъ дорога узкая, объѣхать некуда; я, долго не думая, пошвырялъ парковыя повозки съ дороги. Едва-едва, спасъ только двѣ повозки.

— „Чьи онѣ?“ спросилъ его самъ князь.

— Одна—полковаго командира, другая—моя, продолжалъ офицерикъ,—да и славныя-же лошадки! Когда бы не паркъ, мы бы, пожалуй, всѣ ускакали... Ничего не сдѣлаешь—наскакали однѣ на другихъ: на горѣ опрокинулись поперегъ дороги, такъ я ихъ ужъ пошвырялъ.

— „Что же ваши гусары?“

— Всѣ со мной прискакали.

— „Много ли на васъ напало?“

— А, право, не знаю... Кажется, и не много.

— „Что же тамъ наше прикрытіе? Съ нимъ были два орудія.“

— Да, я и не догадался.

Ну, подумалъ я—хорошъ офицеръ! Что съ него взять? Правда, еще молодъ, почти совсѣмъ еще мальчикъ. „Ступайте себѣ въ полкъ“, говорю ему.

Только что онъ отъѣхалъ, какъ ему на смѣну прискакалъ, на коренной лошади, кучеръ изъ гусарскаго обоза. Лошадь была рослая, здоровая, но ноги всадника чуть не дохватывали до земли: это былъ истинный гигантъ: въ плечахъ косая сажень, грудь широчайшая, ручищи могли привести въ ужасъ цѣлый взводъ. Кучеръ былъ безъ шапки, въ одной рубахѣ, и геркулесовскія его формы обрисовывались во всей красѣ; борода и волосы на головѣ, отъ быстрой ѣзды закинувшіеся назадъ, придавали ему видъ свирѣпаго, мощнаго бойца-титана. Увидѣвъ себя между своими, онъ остановилъ лошадь, перекрестился, хлопнулъ своего буцефала по шеѣ ладонью, ширина которой могла бы прикрыть спину любаго француза.

— Ну, добрà лошадь! Слава Богу, ускакалъ,—промолвилъ онъ,— а ежели бы да на пристяжной, такъ нѣтъ, не унести бы ей; она тамъ и осталась, сердечная. Ну, ужъ страсти! Насмотрѣлся всего: вò шапки... (онъ поднялъ ладонь на аршинъ выше головы). Какъ сѣкнетъ — съ Терешки башка долой; сѣкнетъ: Степанъ покатился... никому нѣтъ пардону! Вижу, не ладно: ну-ка, я съ возу какъ спряну; хвать за запрягъ, оглоблю-то перешибъ, лошадь и выскочила... Я на нее какъ сiгну, да какъ припущу—только меня и видѣли! Они ужъ за мной пушкой: буцъ! буцъ!! да нѣтъ... видно, мимо!

— Что-жъ паркъ? Что же съ нимъ-то сдѣлалось? распрашивали мы нетерпѣливо.

— Да, я чай, весь тамъ, никто не выскочилъ, они пардону не дадутъ.

Мнѣ было страхъ досадно, что такой молодчина, какъ этотъ русскій мужикъ, могъ такъ испугаться! „Отчего“, думаю, онъ не сознаетъ своей богатырской силы? Однимъ взмахомъ оглобли этотъ силачъ могъ бы десятокъ тѣхъ страшныхъ шапокъ посшибать, и съ головами вмѣстѣ. Этому богатырю никогда, видно, и на умъ не приходило посмотрѣть на себя да подумать: на что-де я годенъ? Такъ онъ и вѣкъ отживетъ и дарованія своего не увидитъ... За нимъ и вся Россія дѣлаетъ ровно то же самое: она, родимая, сама не знаетъ своей силы, не вѣритъ ей, взглянуть на нее не соберется за недосугомъ: все за̀ море смотритъ, тамъ ей не укажутъ ли?

Подойдя къ богатырю-кучеру, я спросилъ его:

— Какъ же это, братецъ, ты оглоблю-то переломилъ? Стало быть, у тебя есть сила?

— Да, есть таки дарованіе! отвѣчалъ онъ мнѣ съ оттѣнкомъ самодовольствія. Сгоряча я схватилъ за запрягъ: „когда тутъ“, думаю „разсупонивать“; наперъ на оглоблю, а она, какъ соль... распутывалъ, рвалъ,—ничего опосля не помню. Только я вспрянулъ на лошадь, а она какъ подхватитъ, сердечная; видно и сама чуяла, что плохо!

— А что бы тебѣ, выломивъ оглоблю — отлущить француза?

Онъ содрогнулся и покачалъ головой:

— Нѣтъ,—говоритъ,—ужъ больно страшно: вò шапки! заключилъ онъ, опять высоко поднявъ руку надъ головою.

— Шапки его ты и спугался? возразилъ я,—да тебѣ, братъ, на одну ладонь мало трехъ такихъ шапокъ.

— Пожалуй, говоритъ, мало.

— Такъ что-же ты? одушевлялъ я его.

— Да что̀ дѣлать!

Мы выпустили кучера изъ кружка.

Между тѣмъ какъ гусары, на мѣстѣ приключенія, разыскивали толкъ, повозки уже вытягивались по дорогѣ. Командиръ парка, полковникъ Хамратъ, георгіевскій кавалеръ за 25 лѣтъ, опередивъ нѣсколько паркъ, подъѣхалъ къ намъ. Свѣтлѣйшій съ нетерпѣніемъ ожидалъ получить, наконецъ, вѣрныя извѣстія, и поспѣшилъ къ Хамрату на встрѣчу.

— „Ну что,—говоритъ,—у васъ тамъ случилось?“

И мы всѣ обступили полковника: ждемъ что̀ онъ скажетъ?

— Вотъ, какъ есть, остался! произнесъ онъ, съ отчаяніемъ разводя руками и наклоняясь немного впередъ.

— „Какъ? что?“ спросилъ князь, думая о паркѣ.

— Ни нитки не осталось; нечѣмъ перемѣниться... я въ одной рубашкѣ!

Тутъ уже я не вытерпѣлъ: подобное безучастное отношеніе къ такой важной статьѣ, каковъ паркъ въ военное время, со стороны его начальника, по собственному невѣжеству потерявшаго изъ парка нѣсколько повозокъ, меня взбѣсило! Позабывъ о присутствіи свѣтлѣйшаго, я рѣзко выразилъ полковнику, что князь интересуется не о его собственныхъ вещахъ, а о паркѣ.

— Да! спохватился Хамратъ, — въ паркѣ пропало 10 повозокъ... больше сами, въ путаницѣ, поломали; лошадей—которыхъ они позабрали, иныя разбѣжались; изломанные ящики остались на мѣстѣ,, взять было нельзя; нѣкоторые даже слетѣли въ пропасть!

Вотъ вамъ еще образчикъ военныхъ сподвижниковъ, какіе попадались тогда въ войскѣ князя Александра Сергѣевича!

Въ послѣдствіи обстоятельства дѣла разъяснились. Паркъ, имѣя, какъ я уже говорилъ, въ прикрытіи двѣ роты, при двухъ орудіяхъ, спѣшилъ соединиться съ нами; поднявшись не безъ труда на длинную и высокую гору, повозки становились какъ ни попало, дѣлали привалъ, кормили лошадей. Сзади парка поднялись два орудія и, не снявшись съ передковъ, какъ поднялись, такъ и стали. Прикрытіе, тоже, было въ совершенной безпечности; однимъ словомъ, сдѣлали привалъ именно на томъ самомъ мѣстѣ, которое надобно было со всѣми предосторожностями скорѣе миновать. Расположились на привалѣ по мирному положенію, какъ обыкновенно дѣлаются привалы за глазами начальника: все это лежало, или разбрелось искать воды. Въ это время Сентъ-Арно [1]), далеко впереди своего авангарда, съ

[1]) Такъ разсказывали тогда и я теперь не провѣряю этого слуха, такъ какъ съ достовѣрностью не знаю, какая именно часть союзной арміи наткнулась на нашъ паркъ. А. П.

незначительнымъ конвоемъ, однако при двухъ орудіяхъ, осматривая проходъ къ Мекензіеву хутору, случайно въѣхалъ на ту самую площадку, на которой такъ некстати расположились приваломъ нашъ паркъ и офицерскій обозъ Веймарскаго гусарскаго полка. Увидѣвъ русскихъ, непріятель въ нерѣшимости пріостановился; наши тотчасъ его замѣтили и въ паркѣ, въ обозѣ, въ прикрытіи—поднялась такая сумятица, что Сентъ-Арно, поспѣшивъ воспользоваться ею, послалъ часть своей артиллерійской прислуги припугнуть нашихъ. Нѣсколько человѣкъ непріятелей врѣзались въ эту кутерьму и нагнали паническій страхъ на несчастныхъ и безоружныхъ ѣздовыхъ, которые суетились, бросались, путались, падали... гусарскіе деньщики и кучера, отчаянно выпутываясь изъ-за-парка, расталкивали и сбрасывали повозки съ дороги. Нѣкоторыя офицерскія повозки уже добрались до спуска съ горы; но изъ нихъ только двѣ, съ нахальствомъ распорядившись на счетъ парка, пробрались и понеслись во всю прыть. За ними во весь карьеръ поскакали гусары и дули безъ оглядки вплоть до насъ. Прикрытіе парка, не долго думая, пустилось вразсыпную по кустамъ. Послѣ, Богъ знаетъ какъ и откуда, бѣглецы по одиночкѣ случайно приставали къ войскамъ, гдѣ попало. Горсть непріятеля занялась грабежомъ офицерскихъ повозокъ, парковыя-же, между тѣмъ выбравшись какъ могли, ушли своей дорогой. Упустивъ паркъ, Сентъ-Арно [1]) спохватился и приказалъ своимъ орудіямъ съ горы, въ догонку парка, пустить нѣсколько выстрѣловъ: пришлись эти выстрѣлы, конечно, на воздухъ, однако встревожили нѣсколько повозки и бывшія на спускѣ бросились внизъ; многія опрокинулись, двѣ слетѣли въ пропасть. Такимъ образомъ нами были потеряны 10 повозокъ и весь офицерскій обозъ Веймарскаго полка.

По незначительному результату нападенія на паркъ, мы заключили, что это набѣдокурилъ какой нибудь маленькій непріятельскій разъѣздъ, такъ какъ съ аванпостовъ о большомъ движеніи союзниковъ еще ничего не было слышно.

---

[1]) Говорили также, что Сентъ-Арно проѣзжалъ тутъ совершенно больной и что нападеніе на паркъ сдѣлано было его конвоемъ. А. П.

VIII.

Послѣ обѣда князь послалъ капитана Лебедева, исправлявшаго должность старшаго адъютанта при штабѣ, въ Севастополь, извѣстить о нашей позиціи, хлопотать о скорѣйшемъ доставленіи намъ сухарей и о пополненіи парка. Лебедевъ поѣхалъ въ объѣздъ Мекензіевой горы на Шулю; наткнулся на непріятельскій отрядъ, на-силу продрался; почему, прибывъ въ Севастополь, не рѣшился ѣхать въ обратный путь, а присоединился къ намъ уже тогда, когда мы были на Бельбекской позиціи. До возвращенія изъ Севастополя Стеценко, мы считали Лебедева погибшимъ. Когда Лебедевъ пріѣхалъ въ Севастополь, ему сказали, что все начальство собралось въ совѣтѣ, гдѣ Корниловымъ былъ предложенъ вопросъ:

— Что предпринять по случаю брошеннаго на произволъ судьбы княземъ Меншиковымъ Севастополя?

Лебедевъ былъ очень сухо принятъ, но Нахимовъ, не раздѣляя умышленной невнимательности Корнилова къ посланному, усадилъ его подлѣ себя, сталъ распрашивать про движеніе нашего дѣйствующаго отряда. Лебедевъ, по окончаніи вопросовъ, спросилъ Нахимова, въ свою очередь, что̀ же ему доложить свѣтлѣйшему о дѣйствіяхъ въ Севастополѣ?

— А вотъ, скажите, что мы собрали совѣтъ и что здѣсь присутствуетъ нашъ военный начальникъ, старѣйшій изъ насъ всѣхъ въ чинѣ, генералъ-лейтенантъ Моллеръ, котораго я охотно промѣнялъ бы, вотъ на этого мичмана,—Нахимовъ указалъ на входившаго Костырева.

Генералъ Моллеръ, услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, приподнявшись обратился къ Павлу Степановичу, но, узнавъ о предметѣ разговора по заключенію, опять сѣлъ.

Надо замѣтить, что Моллеръ, по назначеніи его главнымъ начальникомъ Севастополя, очень добросовѣстно и не будучи въ себѣ увѣренъ, предоставилъ Корнилову пользоваться его, Моллера, именемъ, когда онъ сочтетъ это нужнымъ, заранѣе изъявивъ на всѣ его распоряженія свое согласіе. И въ совѣтѣ Моллеръ не принималъ участія въ толкахъ, сказавъ заблаговременно, что онъ будетъ слушать и учиться; поэтому присутствовавшіе дѣйствовали по ихъ усмотрѣнію, не ожидая его мнѣнія.

Того же дня вечеромъ, свѣтлѣйшій, подозвавъ меня, сказалъ:

— „Отъ поѣздки Лебедева я результата не ожидаю; онъ легко можетъ не доѣхать, или доѣхавъ—не пробраться назадъ; ожидать под-

воза сухарей и снарядовъ еще того труднѣе: непріятель, какъ видно, уже шныритъ по дорогамъ. Такъ, поѣзжай ты въ Бахчисарай и узнай тамъ — какое количество хлѣбовъ можно напечь существующими средствами въ одинъ сутки и на сколько, въ крайности, можно увеличить средства хлѣбопеченія. Распорядись, чтобы съ утра было приступлено къ дѣлу. Надѣюсь, что этимъ средствомъ мы не останемся безъ продовольствія до подвозовъ. На обратномъ пути, такъ какъ ты поѣдешь ночью, прими мѣры, чтобы тебя не подстрѣлили наши аванпосты: вотъ тебѣ отзывъ; не забудь"!

Я поѣхалъ, разузналъ обо всемъ и уговорился съ Бахчисарайскимъ головой, который при этомъ просилъ меня прислать отъ войскъ караулы на мельницы, такъ какъ по хуторамъ наши солдатики пустились уже мароедрничать. Купивъ, кстати, верховую лошадь для Альбединскаго, озаботясь о подвозѣ, кромѣ хлѣба, и прочихъ жизненныхъ припасовъ нашему отряду, я пустился въ обратный путь. Дѣятельными и главными моими сотрудниками, при этихъ распоряженіяхъ, были: унтеръ-офицеръ Балаклавскаго греческаго баталіона Василій Михайловъ Подпати, проживавшій въ Бахчисараѣ, и братъ его Дмитрій, состоявшій послѣ при мнѣ для порученій.

Прибдижаясь къ нашему бивуаку, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что никакихъ аванпостовъ нѣтъ, а встрѣтила меня густая цѣпь пѣхоты, которая, домашнимъ распоряженіемъ, окружала спящіе баталіоны. Куда же дѣвались гусары и казаки?

Была глубокая ночь. Какъ ни тихо подъѣхалъ я къ бивуаку, но князь не спалъ и встрѣтилъ меня.

Доложивъ ему объ успѣшной моей поѣздкѣ, я сказалъ, что не видалъ аванпостовъ. Свѣтлѣйшій тотчасъ же послалъ офицера провѣрить наши посты; посланный, проѣздивъ до утра, не нашелъ ничего. Между тѣмъ, при смѣнѣ оказалось, что наши аванпосты стояли тыломъ къ непріятелю, примыкая правымъ своимъ флангомъ къ правому же флангу нашего лагеря, а лѣвымъ—къ сторонѣ Бахчисарая. Вотъ почему я проѣхалъ сзади ихъ резервовъ. Аванпосты занималъ Веймарскій гусарскій полкъ.

14-го сентября, около полудня, собрана была небольшая команда отъ Лейхтенбергскаго гусарскаго полка, при офицерѣ, для присмотра за печеніемъ хлѣба, т. е. пшеничныхъ булокъ, такъ какъ татары иного хлѣба печь не умѣютъ. Эту команду я проводилъ въ Бахчисарай, указалъ что̀ и какъ тамъ дѣлать, а самъ къ ночи возвратился уже на новую позицію; старую—князь, въ отсутствіе мое, перемѣнилъ, отодвинувъ войска къ сѣверу версты на три, на болѣе удобное мѣсто. Ночью были видны огни на Мекензіевой горѣ; объ общемъ

передвиженіи союзной арміи мы тогда ничего не знали. Когда я еще ѣхалъ въ Бахчисарай, то, наблюдая за окружной мѣстностью, увидѣлъ по большой Симферопольской дорогѣ движеніе походной колонны страннаго вида, ибо, приближаясь къ нашей сторонѣ, она имѣла впереди себя обозы. Какъ ни ломалъ я головы, чтобы догадаться, что̀ это могъ быть за отрядъ—все было напрасно. Послѣ я узналъ, что опять таки Кирьяковъ былъ виновникомъ этой безтолочи: посланный съ бригадою занять вышеуказанную позицію, онъ продралъ къ Бахчисараю, и ужъ не вѣдаю, гдѣ-бы наконецъ очутился, если бы посланный его повѣрить (кажется, лейтенантъ Стеценко) не догналъ и не воротилъ его.

Того же 15-го сентября, князь, перейдя Качу выше каменнаго моста, что̀ на большой дорогѣ, расположилъ дѣйствующій отрядъ на правомъ берегу, за двумя громадными курганами возлѣ большой дороги, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Кача за Бахчисарайскою долиною входитъ въ горы. У Отаркоя, на прежней позиціи въ авангардѣ остался Жабокрицкій; полковникъ Хрущовъ съ своимъ Волынскимъ полкомъ наблюдалъ за Шулей и Чоргуномъ. Подъ вечеръ князь послалъ Стеценко перебраться въ Севастополь, чтобы передать Корнилову о перемѣнѣ нашей позиціи, сдѣланной въ виду занятія большой Симферопольской дороги въ тылу союзниковъ. Кромѣ того, Стеценко поручено было: разузнать отъ Корнилова, какія приняты мѣры къ обезпеченію нашего дѣйствующаго отряда провіантомъ; объяснить Корнилову, что̀ фланговое движеніе наше поставило непріятеля въ весьма затруднительное положеніе касательно избранія пункта атаки на Севастополь: это даетъ намъ возможность выиграть драгоцѣнное время для усиленія средствъ; что князь надѣется, маневрированіемъ дѣйствующаго отряда, заставить союзниковъ отложить рѣшительную минуту до болѣе удобнаго для нихъ положенія. Такъ какъ наши укрѣпленія часъ отъ часу ростутъ, а отряды, на усиленіе арміи, спѣшатъ,— то и надо надѣяться, что враги, быть можетъ, вынуждены будутъ повести правильную осаду, что отдалитъ значительно часъ атаки, насъ же приведетъ въ бо̀льшую возможность ее отразить; почему князь предлагаетъ Корнилову озаботиться приданіемъ гарнизону бодрости и энергіи: блокады союзники устроить не могутъ, такъ какъ дѣйствующій отрядъ прикрываетъ прямое сообщеніе Севастополя съ Россіею.

По отъѣздѣ Стеценко, князь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— „Покуда мы находимся въ такомъ положеніи, союзники атаковать не рѣшатся“.

— Они перейдутъ на южную сторону, — отвѣчалъ я князю съ увѣренностью — они попадутъ въ ловушку: проходъ имъ оставленъ свободнымъ.

— „Быть не можетъ"! произнесъ свѣтлѣйшій съ выраженіемъ радостнаго сомнѣнія.

Ему какъ бы еще не вѣрилось въ блистательный успѣхъ фланговаго движенія.

Въ этотъ самый вечеръ, по разсказамъ мѣстныхъ татаръ, непріятельскій аріергардъ, заслышавъ насъ у себя въ тылу, подвергался нѣсколькимъ фальшивымъ тревогамъ; въ ночной суматохѣ солдаты бились другъ съ другомъ и въ перепугѣ совались куда ни попало. Надо полагать, что и наканунѣ, во время слѣдованія ихъ главныхъ силъ, тоже не обошлось безъ тревогъ, о чемъ можно было судить по тому, что́ мы встрѣчали послѣ, на пути ихъ слѣдованія. Такъ, на лѣвомъ берегу Бельбека, въ лощинкѣ, я видѣлъ слѣды побоища, и довольно порядочнаго: валялось нѣсколько убитыхъ непріятелей и множество лошадиныхъ труповъ. Не говорю о побросанныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, аммуниціи, оружіи, изготовленной пищѣ т. п.

Когда мы забирались во флангъ непріятеля, я питалъ надежду, что отрядъ нашъ, напавъ неожиданно съ тыла на союзниковъ, разобьетъ ихъ. Меня тревожила мысль, что они увернутся на южную сторону Севастополя и, послѣ того, какъ они и дѣйствительно отъ насъ ускользнули, я поручилъ бывшимъ при мнѣ Балаклавскимъ грекамъ развѣдать всѣ подробности этого обстоятельства. Чрезъ поставщика фургоновъ при нашей главной квартирѣ, татарина Темиръ-хая, я узналъ, что въ ночь съ 12-го на 13-е сентября, когда мы были на Мекензіевой горѣ, а союзники на Бельбекѣ, до нихъ дошла вѣсть о нашемъ движеніи, которая привела ихъ въ такой переполохъ, что у нихъ, на Бельбекѣ, произошло еще нѣсколько тревогъ, и въ самую эту ночь было то побоище, о мѣстѣ котораго я выше упоминалъ. Тогда татаринъ (не помню его имени), братъ Темиръ-хая, забулдыга и отчаянная башка, отъ котораго давно отступились всѣ родные, явился на выручку союзникамъ, предложивъ имъ пробраться къ сторонѣ Балаклавы и совершить переходъ — хотя и опасный, но всетаки возможный, при содѣйствіи его, проводника, хорошо знакомаго со всѣми тропинками, ведущими на южную сторону Се́вастополя и еще не занятыми тогда нашими войсками. Союзники, хотя и не видѣли иного, лучшаго исхода изъ ихъ положенія, долго однако же колебались въ нерѣшимости: имъ было страшно ввѣрить судьбу арміи — измѣннику татарину; наконецъ, въ отчаяніи, такъ сказать, зажмуривъ глаза, они ринулись на рискъ... Нѣсколько татаръ проводниковъ сослужили имъ вѣрную службу и щедро были вознаграждены. Этотъ правдоподобный разсказъ даетъ достаточное понятіе о томъ тревожномъ настроеніи духа, въ которомъ находились непріятельскіе военачальники.

Между тѣмъ о большомъ передвиженіи союзныхъ армій мы еще не знали ничего положительнаго. Изъ донесеній съ аванпостовъ можно было заключить только, что непріятель дѣлаетъ рекогносцировки.

Печеный хлѣбъ изъ Бахчисарая нашему отряду доставляли исправно, чѣмъ свѣтлѣйшій былъ весьма доволенъ. Это доказательство готовности Бахчисарайцевъ содѣйствовать нашимъ войскамъ побудило князя выразить имъ свою благодарность. Съ этой цѣлію его свѣтлость, послѣ обѣда, вмѣстѣ со мной, въ экипажѣ, поѣхалъ въ Бахчисарай. Въѣхавъ въ городъ, онъ по главной улицѣ прошелъ пѣшкомъ до дворца. Осмотрѣвъ его на-скоро, князь у входа встрѣтилъ полиціймейстера, котораго и благодарилъ за успѣшныя распоряженія о доставленіи въ лагерь хлѣба. На обратномъ пути свѣтлѣйшій заѣхалъ въ татарскую кофейную. Въ это время жители со своими старшинами и муллами толпились на улицѣ и, покуда князь былъ въ кофейной, ихъ собралось множество.

Въ кофейной засѣдало нѣсколько кружковъ татаръ. Свѣтлѣйшій занялъ тамъ также мѣсто и, приказавъ подать кофе, посовѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе на любопытный способъ его туземнаго приготовленія и быстроту, съ которой оно совершается.

Дѣйствительно, въ нашихъ глазахъ, сырой кофе изжарили, столкли, сварили и подали, какъ есть, съ гущей, въ крошечныхъ фарфоровыхъ чарочкахъ, вставленныхъ въ мѣдныя рюмочки, вмѣсто подноса. Кофе такъ былъ вкусенъ, что я, по истинѣ могу сказать, не пивалъ подобнаго.

На лицахъ татаръ, присутствовавшихъ въ кофейной, нельзя было не замѣтить удивленія и удовольствія видѣть въ своемъ кругу именитаго посѣтителя. Князь, поговоривъ съ ними очень ласково касательно промышленности, которою они занимались, положилъ золотую монету на буфетный прилавокъ и вышелъ въ сопровожденіи всѣхъ гостей кофейной.

Кофейная эта, совершенно въ азіятскомъ вкусѣ, была выстроена надъ оврагомъ, такъ что съ улицы ходъ въ нее былъ по длинному, узенькому, пѣшеходному мостику. У входа на мостъ съ улицы толпа татаръ ожидала свѣтлѣйшаго; съ выраженіемъ глубокаго почтенія народъ его привѣтствовалъ и благодарилъ за посѣщеніе.

Князь въ короткихъ и простыхъ словахъ поощрилъ ихъ за услугу, оказанную нашей арміи и татары, какъ умѣли, изъявили свою преданность и готовность служить напредки. Дѣйствительно Бахчисарайцы не измѣняли.

Но возвращеніи нашемъ изъ Бахчисарая, мы узнали отъ жителей, бѣжавшихъ изъ Балаклавы, что вчера англичане овладѣли ею, что этотъ городъ атаковала цѣлая армія. Обыватели отстаивали Бала-

клаву въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, не смотря на ея бомбардировку съ моря и съ суши. Что̀ за сказка? подумали мы: этого быть не можетъ! вѣроятно, какой нибудь отрядъ, рекогносцируя, занялъ Балаклаву — и только.

Чтобы провѣрить это предположеніе, князь послалъ лазутчиковъ поразвѣдать, какъ велики силы, занявшія Балаклаву? Отдѣленные отъ города горами, мы не могли слышать выстрѣловъ; при всемъ томъ князь, сомнѣваясь въ бдительности аванпостовъ и разъѣздовъ, придалъ вѣры этому показанію болѣе, нежели кто-либо изъ насъ. Онъ зналъ, что мѣстность, по которой непріятель могъ двигаться, до того пересѣчена и отъ нашихъ наблюденій закрыта, что неопытные разъѣзды, вѣроятно, опасались забираться далеко въ горы и лѣса. Такъ оно и вышло.

Утромъ 16-го сентября пріѣхалъ казацкій офицеръ съ донесеніемъ отъ наблюдательныхъ постовъ, что „все обстоитъ благополучно“ и новаго ничего нѣтъ. Сомнѣваясь въ справедливости этого донесенія, князь спросилъ офицера:

— „Да хорошо-ли вы видите непріятеля? Не ошибаетесь-ли вы?“

— Помилуйте, ваша свѣтлость! Да вотъ, съ этой самой высоты (офицеръ указалъ на гору) видно все, какъ на ладони.

— „Да что-же тутъ видно?“

— Да все—и даже флотъ.

Подозвавъ меня, князь велѣлъ мнѣ въѣхать на указанную, очень высокую гору и оттуда разсмотрѣть все, хорошенько. Высота эта лежала отъ насъ верстахъ въ трехъ.

Тотчасъ послѣ обѣда я отправился, взявъ съ собою Балаклавскаго грека и четырехъ казаковъ, затѣмъ, что свѣтлѣйшій предупредилъ меня быть осторожнымъ, такъ какъ, по увѣреніямъ казаковъ, станъ непріятелей близко [1]). Полагая себя вблизи непріятеля, я ѣхалъ со всѣми предосторожностями и когда взобрался на упомянутую гору, то увидѣлъ, что кругомъ, дѣйствительно, какъ на ладони—все пусто... лишь изъ-за высотъ, ближайшихъ къ устью Качи, замѣтно нѣсколько вымпеловъ.

Полагая, что его свѣтлость не можетъ удовлетвориться тѣмъ извѣстіемъ о союзной арміи, которое я могъ привезти ему съ этой высоты, я, оставивъ казаковъ наблюдать за окрестностями, поскакалъ по высотамъ праваго берега Качи къ ея устью. Мнѣ пришлось про-

[1]) Здѣсь, къ слову, замѣчу, что зоркость у казаковъ такъ отлично развита степною жизнію, что они разсматривали отдаленнѣйшіе предметы явственнѣе, нежели я могъ видѣть ихъ съ помощію моей карманной, зрительной трубки.

А. П.

ѣхать безъ малаго верстъ десять, покуда я не увидѣлъ флота надлежащимъ образомъ.

— Вотъ, думаю, и полагайся на наблюденія казаковъ: весь правый берегъ Качи чистъ отъ непріятеля, и на лѣвомъ рѣшительно ничего не видать на весьма значительное пространство, — а казаки увѣряютъ, что непріятель у нихъ на ладони!

Дѣлать было нечего; я рѣшился, перебравшись на другую сторону Качи, ночью послѣдить за огнями непріятельскихъ бивуаковъ. Чтобы князь не безпокоился о моемъ продолжительномъ отсутствіи, я послалъ казака извѣстить его свѣтлость о моемъ намѣреніи.

Покуда было свѣтло, я наблюдалъ за устьемъ Качи, въ глубину которой, мелкими командами, матросы непріятельскаго флота отправлялись за водой. Чтобы они не разбѣгались и не были потревожены нашими, ихъ окружала густая цѣпь... Стало смеркаться. Матросы очистили Качу, а я спустился до подошвы остроконечной горы, мною заранѣе выбранной на лѣвомъ берегу; потомъ, когда, взбираясь на гору, достигъ ея половины—то уже и совсѣмъ стемнѣло. Я слѣзъ съ лошади, отдалъ ее подержать греку и продолжалъ карабкаться ощупью. На вершинѣ я нашелъ разостланное одѣяло, вѣроятно, оставленное здѣсь татарками, приходившими сюда наблюдать за ходомъ дѣлъ. На горѣ, я около часу дожидался непріятельскихъ огней, но не примѣтилъ и малѣйшаго признака близости бивуака: мракъ кругомъ, мракъ кромѣшный и мертвая, невозмутимая тишина. Нѣтъ сомнѣнія, что казаки, боясь при разъѣздахъ податься впередъ, выдумывали свои донесенія!

Убѣдившись въ этомъ, я поспѣшилъ къ свѣтлѣйшему; онъ-же очень горевалъ, считая меня погибшимъ, ибо посланный мною казакъ пріѣхалъ лишь на другой день. Была глухая ночь, когда я прокрался въ свою палатку, чтобы не тревожить князя. Волнуемый неизвѣстностью, онъ не спалъ.

17-го сентября, чуть свѣтъ забрежжился, князь вышелъ изъ палатки и я доложилъ ему о результатѣ моихъ изслѣдованій. Свѣтлѣйшій удивился и потребовалъ къ себѣ командира казацкаго полка, полковника Тацина.

— „Вы мнѣ безпрестанно доносите,—началъ князь,—что слѣдите за непріятелемъ, и разсказываете гдѣ онъ расположенъ?“

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— „Такъ поѣзжайте-же сами и удостовѣрьтесь въ справедливости вашихъ донесеній. Чтобы привезти мнѣ точное свѣдѣніе, подъѣзжайте поближе, возьмите съ собою отборныхъ 60 казаковъ; кромѣ того, я, въ товарищи вамъ пошлю строеваго офицера. Отправляйтесь сейчасъ“.

Призвавъ поручика Лейхтенбергскаго гусарскаго полка Стааля 2-го, свѣтлѣйшій сказалъ ему:

— „Поѣзжайте съ Тацинымъ; развѣдайте хорошенько о непріятелѣ. Тацину я не вѣрю: онъ далеко не поѣдетъ и опять навретъ".

Поѣхали. По пути Тацинъ, то и дѣло, оставлялъ казаковъ для обезпеченія своего личнаго тыла и фланговъ, и все уговаривалъ Стааля не вдаваться черезъ чуръ впередъ. Повидимому, они напали на слѣдъ непріятеля, ибо на пути имъ попадались трупы лошадей, брошенная аммуниція и свѣжія могилки. Запахъ непріятеля ужасно тревожилъ Тацина. Такъ переѣхали они Бельбекъ и поднялись надъ ауломъ Камышлы. Стааль приглашалъ Тацина осмотрѣть аулъ для отысканія тамъ языка; но полковникъ рѣшительно отказался ѣхать дальше, сказавъ, что ему не съ кѣмъ сдѣлать этотъ осмотръ. И въ самомъ дѣлѣ, за нимъ, изъ 60 казаковъ,—осталось всего шесть.

— Куда-же дѣвалась ваша команда? спросилъ Стааль.

— Да оставлялъ по постамъ.

— Неужели-же вы для обезпеченія себя поставили 54 поста?

— Нѣтъ; многіе изъ нихъ сами разбрелись. Вы слишкомъ далеко заѣхали, такъ какъ же ихъ удержать?!

Вслѣдствіе этого разговора, Стааль, осмотрѣвъ аулъ одинъ, нашелъ его совершенно опустѣлымъ; бродила одна лишь нищая татарка. Таковы были свѣдѣнія, сообщенныя Стаалемъ.

Между тѣмъ свѣтлѣйшій, съѣздивъ въ отрядъ Жабокрицкаго, передвинулъ его на высоту праваго берега Бельбека надъ Дуванкой. Въ это время прибывшій изъ Севастополя Стеценко встрѣтилъ князя и окончательно разъяснилъ движеніе союзной арміи. Князь немедленно послалъ въ Петербургъ флигель-адъютанта Альбединскаго доложить Государю Императору объ успѣхѣ фланговаго движенія и о появленіи нашего дѣйствующаго отряда въ тылу у союзниковъ, которое вынудило ихъ перебѣжать на южную сторону Севастополя, гдѣ князь надѣется запереть ихъ, оберегая въ то же время наше сообщеніе съ Россіею.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1853 — 1854.

IX [1]).

Проводивъ Альбединскаго, свѣтлѣйшій поѣхалъ на новую позицію авангарда, потомъ, переѣхавъ Бельбекъ, осмотрѣлъ высоты лѣваго берега рѣки и приказалъ Жабокрицкому, чтобы онъ, снявшись отъ Дуванки, какъ можно ранѣе утромъ слѣдующаго дня, перешелъ Бельбекъ и занялъ Инкерманскія высоты. Самъ же князь со своимъ отрядомъ, утромъ 18-го сентября, перешелъ на то мѣсто, съ котораго снялся авангардъ, а послѣ обѣда тоже перешелъ Бельбекъ и занялъ позицію на высотахъ ближайшихъ къ Севастополю, правѣе дороги. Потомъ самъ поѣхалъ на сѣверную сторону бухты, къ батареѣ № 4. Здѣсь онъ видѣлся съ Корниловымъ и, излагая успѣхъ своего фланговаго движенія, предупреждалъ его, чтобы впредь онъ не безпокоился, если дѣйствующему отряду потребуется сдѣлать еще какую нибудь диверсію, затѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ Севастополя. Обрадованный приближеніемъ войскъ къ Севастополю, Корниловъ не сочувствовалъ никакимъ диверсіямъ, не оцѣнилъ по достоинству заслуги стратегическихъ соображеній свѣтлѣйшаго и смотрѣлъ на него, какъ на возвратившагося изъ бѣговъ. Князь понялъ Корнилова и, снисходя на односторонній взглядъ еще неопытнаго въ военномъ дѣлѣ адмирала, уважая лихорадочную его заботливость

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506.

о сосредоточеніи, себѣ подъ руку, всѣхъ средствъ къ оборонѣ Севастополя, главное же—сознавая, какъ важно ободрить столь незамѣнимаго своего сподвижника въ защитѣ города, поспѣшилъ отправить туда бо́льшую часть своего отряда.

Назначивъ, на будущее время, мѣстомъ своихъ свиданій съ начальствующими лицами Севастополя—домикъ инженернаго вѣдомства, возлѣ батареи № 4, свѣтлѣйшій отправился въ сѣверное укрѣпленіе и здѣсь написалъ донесеніе его величеству, изложивъ въ немъ подробности успѣха фланговаго своего движенія, выразивъ при этомъ, что французы, намѣревавшіеся блокировать Севастополь съ сѣверной стороны, принуждены были перебросится на южную сторону города и тамъ соединились съ англичанами. Поэтому, союзники оказались заключенными въ ограниченномъ пространствѣ, оставивъ сообщеніе Севастополя съ Россіею въ рукахъ нашихъ. Донесеніе это было помѣчено 18-мъ днемъ сентября (№ 440).

Слѣдовавшая за тѣмъ недѣля (съ 18-го по 25-е сентября), не ознаменованная особенно важными военными событіями, памятна мнѣ частію по многимъ предусмотрительнымъ распоряженіямъ свѣтлѣйшаго, частію же, по нѣкоторымъ эпизодамъ бивуачнаго быта, въ которыхъ проявлялись многія характеристическія черты князя Александра Сергѣевича.

Въ день отправки донесенія императору, князь распорядился назначеніемъ въ Севастополь трехъ полковъ пѣхоты съ ея артиллеріею и частію казаковъ. 19-го сентября они вступили въ городъ и Корниловъ успокоился. Свѣтлѣйшій, выбравъ бугоръ возлѣ расположенія дѣйствующаго отряда, приказалъ тутъ разбить свою палатку, сказавъ мнѣ при этомъ, что на этой позиціи мы останемся подольше, вслѣдствіе чего я могу на ней устроиться, такъ сказать, „хозяйственнымъ образомъ“.

До сихъ поръ, будучи непрерывно на походѣ, мы совершали наши трапезы кое-какъ, на-скоро: то стоя, то лежа, то сидя—подвернувъ ноги калачикомъ, съ тарелкою на колѣняхъ; чай пили походя—à la guerre, comme à la guerre... Здѣсь, на новой позиціи, я затѣялъ устроить „столовую“. Для этого, въ сторонкѣ, очертилъ на землѣ—столъ человѣкъ на двѣнадцать, окопалъ его кругомъ канавкою, чтобы обѣдающіе могли сидѣть за столомъ свѣсивъ ноги, съ комфортомъ. Столъ выровняли, выгладили—хоть скатерть постилай. Отъ непогоды устроили надъ нимъ шалашъ и вышла „столовая“ хоть куда. Въ глубинѣ ея я и самъ пріютился. Бывало, какъ стемнѣетъ, я, въ уголкѣ, и за самоварчикъ; глядишь—товарищи подберутся, засядемъ и бесѣдуемъ. Иногда захаживалъ къ намъ и князь Александръ Сергѣевичъ:

ему нравился этотъ обычай, здѣсь онъ всегда могъ найти кого ему было нужно. Пріѣзжалъ ли кто къ намъ, свѣтлѣйшій направлялъ его ко мнѣ въ шалашъ: гость дожидался въ этой импровизированной пріемной; здѣсь же гость, бывало, и соснетъ съ перегону. Такъ мы жили цѣлый мѣсяцъ. Палатка князя была возлѣ: чуть онъ выйдетъ изъ нея, днемъ ли, ночью ли, и я—тутъ какъ тутъ. Коновязь съ лошадьми была также подъ рукой. Насупротивъ шалаша были разбиты остальныя палатки штаба. Простая офицерская палатка князя Петра Дмитріевича Горчакова находилась въ кустахъ, возлѣ Волынскаго полка. Не совсѣмъ удобно было это помѣщеніе: пѣхота, дѣло извѣстное, шумитъ, бродитъ мимо, безпокоитъ старика... но князь Петръ Дмитріевичъ былъ человѣкъ необыкновенно покладливый, ни на что не жаловавшійся и миротворецъ по характеру.

Ввечеру мы узнали, что къ нашей арміи прибыла бригада резервной кавалеріи генералъ-лейтенанта Рыжева и остановилась на Качи.

Желая дать Корнилову первенствующую роль въ дѣйствіяхъ обороны Севастополя, свѣтлѣйшій предложилъ главному начальнику города, Моллеру, назначить себѣ Корнилова въ начальники штаба. При этомъ князь былъ вполнѣ увѣренъ, что добросовѣстный генералъ Моллеръ, сознавая превосходныя способности Корнилова, предоставитъ ему полную свободу распоряжаться оборонои, какъ онъ знаетъ самъ [1]).

Подъ вечеръ того же дня, привели къ намъ на бивуакъ взятую на аванпостахъ дѣвочку-гречанку, лѣтъ десяти. Бѣдняжка была до того изнурена, такъ голодна и продрогла, что не могла говорить. Князь отдалъ ее мнѣ на попеченіе. Я напоилъ ее чаемъ, укуталъ въ тулупчикъ и уложилъ въ палаткѣ: она заснула, какъ убитая. Къ ночи прибѣжалъ къ намъ еще старый грекъ, отставной офицеръ, до того растерянный, что на него жалко было смотрѣть. Онъ умолялъ насъ справиться, не видали ли наши войска гдѣ нибудь дѣвочки, живой или мертвой. Эта дѣвочка, дочь его, бѣжала изъ дому еще до занятія Балаклавы англичанами и съ той поры пропадаетъ; онъ же, отецъ, по цѣлымъ днямъ бродитъ по окрестностямъ и не можетъ напасть на слѣдъ. Этотъ же грекъ разсказалъ намъ, что англичане въ Балаклавскую бухту втащили трехдечный корабль, и что тамъ устраиваютъ портъ. Я дернулъ Вилебрандта за полу, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Вретъ! Старикъ съ горя съ ума сошелъ!..

Я повелъ Балаклавца въ палатку, гдѣ спала дѣвочка и открылъ головку ребенка. Съ неописаннымъ восторгомъ старикъ узналъ свою дочь, обнялъ спавшее дитя и, любуясь малюткою, заснулъ самъ подлѣ.

[1]) Этимъ объясняется назначеніе Моллера на такой трудный постъ. А. П.

20-го сентября утромъ, князь ѣздилъ въ Севастополь осматривать оборонительную линію. Къ вечеру привели къ намъ на позицію изъ Севастополя захваченнаго гусаромъ капитана французскихъ спаговъ—Дампьера. Плѣнный очень сокрушался объ участи своей арабской лошади. Она въ послѣдствіи попала на заводъ и нашла тамъ счастливую долю.

На другой день, 21-го сентября, направивъ двѣ рекогносцировки, одну къ Евпаторіи, другую въ Байдарскую долину, князь поѣхалъ на сѣверную сторону въ инженерный домикъ, для объясненій съ Корниловымъ и Тотлебеномъ.

Утромъ къ намъ на позицію являлся грекъ, молодой, громаднаго роста, очень красивый собою, въ живописномъ національномъ костюмѣ, на который мы невольно залюбовались. Этотъ удалецъ пришелъ просить у насъ брандера, имѣя намѣреніе сжечь непріятельскій флотъ, въ отмщеніе союзникамъ за захватъ его купеческаго судна, которымъ они—по словамъ взбѣшеннаго грека—овладѣли не по праву войны, но какъ морскіе разбойники. По недостатку довѣрія къ этому отчаянному намѣренію, или вслѣдствіе бывшаго тогда штиля, но просьба грека была оставлена безъ послѣдствій.

22-го сентября, взявъ меня съ собою, свѣтлѣйшій въ экипажѣ отправился къ Мекензіеву хутору. Съ Мекензіевой горы онъ обозрѣвалъ окрестныя высоты, обошелъ всю площадку и возвратился на позицію когда уже завечерѣло. Здѣсь не могу обойти молчаніемъ эпизода, въ сущности маловажнаго, но свидѣтельствующаго о невозмутимомъ терпѣніи князя, при такихъ обстоятельствахъ, когда человѣкъ и моложе, и здоровьемъ крѣпче, конечно, былъ бы раздраженъ и раздосадованъ. Когда мы проѣзжали лѣснымъ дефилеемъ, лошади наши, испугавшись лошадинаго трупа, вывалившагося изъ опушки лѣса, бросились въ сторону и опрокинули экипажъ. Князь вывалился, но, нисколько не укоряя кучера въ оплошности, поднялся на ноги и вмѣстѣ со мною помогъ ему поднять экипажъ. Не только голосъ, но и черты лица князя сохранили обычное спокойствіе. Кромѣ упомянутаго трупа, намъ попадалось на дорогѣ, по лѣсу, нѣсколько труповъ человѣческихъ, растерянныхъ французами.

23-го сентября свѣтлѣйшій прислалъ ко мнѣ въ столовую (или въ шалашъ) пріѣзжаго флигель-адъютанта Шиншина. Князь готовилъ ему порученіе и потому Шиншинъ, въ ожиданіи, успѣлъ побывать въ Севастополѣ и переночевалъ у меня въ шалашѣ.

Послѣ обѣда мы выходили на дорогу провожать Бутырскій полкъ въ Севастополь. За три дня передъ тѣмъ онъ прибылъ къ намъ отъ атамана Хомутова. Замѣчу здѣсь, что Хомутовъ былъ одинъ изъ

немногихъ генераловъ, вполнѣ сочувствовавшихъ князю въ его затруднительномъ положеніи. Онъ всѣми мѣрами спѣшилъ содѣйствовать ему, чѣмъ только могъ, и всѣ лучшія части своихъ войскъ отправлялъ къ Севастополю, по первому лишь намеку. За то свѣтлѣйшій искренно его уважалъ. Внимательность Хомутова простиралась до того, что онъ даже прислалъ князю, на случай награды нижнихъ чиновъ, 25 знаковъ военнаго ордена. Вполнѣ хорошій былъ человѣкъ покойный Михаилъ Григорьевичъ!

Головной уборъ солдатъ Бутырскаго — точно также какъ и Московскаго—полка былъ придуманъ Хомутовымъ для удобства нижнихъ чиновъ, замѣняя имъ каски, оказавшіяся неудобными тѣмъ, что въ жаркую пору онѣ ссыхались. Шапки у Бутырцевъ были въ родѣ высокихъ кепи; прикрытыя отъ солнца бѣлыми чехлами, онѣ придавали людямъ бодрый видъ.

Къ вечеру князь послалъ извѣстить Корнилова о намѣреніи своемъ произвести рекогносцировку отъ рѣки Черной къ сторонѣ Балаклавы, предложивъ ему, со своей стороны, въ видѣ демонстраціи, сдѣлать одновременно выдвиженіе части войскъ отъ Малахова Кургана. По мѣрѣ наполненія Севастополя войсками, мрачное расположеніе духа Корнилова разсѣивалось. Онъ немедленно назначилъ отрядъ согласно предложенію князя.

24-го сентября, передъ закатомъ солнца, князь былъ уже на площадкѣ Мекензіевой горы, недалеко отъ спуска, при отрядѣ генерала Рыжева, назначеннаго для исполненія помянутой рекогносцировки.

Въ ожиданіи начала движенія, свѣтлѣйшій прилегъ у небольшаго костра и ужиналъ, потчуя и насъ. Вынимая изъ жестянки вареный картофель, онъ подкладывалъ его къ угольямъ, подпекалъ, обмакивая въ соль кушалъ и похваливалъ. „Самая практичная закуска“, приговаривалъ онъ, „сытна, желудка не портитъ, да и хлопотъ съ ней никакихъ нѣтъ“. Эта жестяночка съ варенымъ картофелемъ была всегда съ нами въ подобныхъ случаяхъ.

Еще до-свѣта 25-го сентября кавалерія Рыжева начала спускаться съ Мекензіевой горы, свѣтлѣйшій же отправился на высоту, избранную имъ для наблюденій. Она находилась правѣе и на много впереди Мекензіевой горы, за лѣсистыми балками. Трудно было до нея добраться: шли мы по картѣ, которая, надобно замѣтить, далеко не удовлетворяла потребностямъ военнаго времени; масштабъ ея былъ 5 верстъ въ дюймѣ [1]). При всемъ томъ, свѣтлѣйшій привелъ насъ

[1]) Свѣтлѣйшій, правда, писалъ, и не одинъ разъ, въ Петербургъ о высылкѣ ему карты бо́льшаго масштаба, но получалъ въ отвѣтъ, что таковой не имѣется. Однако въ кармапахъ у убитыхъ французовъ находили карты Крыма, лучше

именно туда, куда мы направлялись, и на гору мы карабкались пѣшкомъ, цѣпляясь за кусты. Было еще очень рано, однако уже разсвѣло на столько, что намъ, на отдѣльной высотѣ, былъ видѣнъ еще спавшій непріятельскій конный пикетъ, въ количествѣ приблизительно полу-эскадрона; при немъ были два орудія. Ниже этого пикета мѣстность еще была покрыта утреннимъ туманомъ.

Все было тихо и мы съ усиленнымъ біеніемъ сердца и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали минуты когда встрепенется непріятельскій пикетъ; онъ былъ какъ разъ на дорогѣ Веймарскаго гусарскаго полка и мы думали, что онъ въ нашихъ глазахъ попадется какъ куръ-во̀-щи. Не тутъ то было! Видимъ, вдругъ, поднялась на пикетѣ суматоха: пробудившіеся кавалеристы и артиллеристы бросились къ лошадямъ и орудіямъ; полуодѣтые хватались за что̀ и какъ ни попало; вскакивая въ однѣхъ рубашкахъ на лошадей, надѣвали аммуницію, сидя на сѣдлахъ, и строились въ безпорядкѣ. „Не сдобровать этой горсточкѣ“, думали мы, „у насъ туча цѣлая: дивизія кавалеріи“. И вотъ—показалась эта туча. Веймарцы, на своихъ вороныхъ коняхъ, подошли—и остановились; у нихъ въ резервѣ была сводная бригада. „Чего-же медлятъ гусары“? спрашивали мы самихъ себя; „не улизнулъ-бы отъ нихъ какъ нибудь пикетъ“.... И вились мы въ трубы, а сердце такъ и стучитъ и на мѣстѣ-то намъ не стоится. Мгновенно съ пикета сверкнулъ выстрѣлъ, другой.... и Веймарцы, повернувъ коней, погнали назадъ, а имъ во слѣдъ выстрѣлъ. Ничего не видя, наши гусары понеслись на отступавшихъ Лейхтенбергцевъ, смяли задній эскадронъ, причемъ одинъ былъ убитъ, а трое изувѣчены. Сводная бригада пропустила отступавшихъ; постояла, постояла и тоже обратилась вспять. Такъ отрекогносцировали мы расположеніе непріятельскаго войска, а еще было сказано: атаковать непріятельскую кавалерію, если придется встрѣтить.... У англичанъ въ Крыму, всего-то на всего, насчитывали до 900 кавалеристовъ. Такъ дѣло ничѣмъ и не кончилось. Кого винить въ этой неудачѣ? Кому, если ни ближайшимъ начальникамъ Веймарцевъ было одушевить гусаръ, готовыхъ ринуться на непріятелей по первому возгласу командировъ. Прямо скажу: ихъ одуреніе не должно быть вмѣняемо въ вину солда́тамъ, которые, при другихъ условіяхъ, показали-бы себя истинными молодцами. По всей вѣроятности, начальники не разгля-

---

той, которою пользовался князь. Одною изъ таковыхъ онъ, въ послѣдствіи, руководствовался. Послѣ войны, со съемки, сдѣланной полковникомъ Бетевымъ въ 1836, 1837 и 1838 годахъ, была, наконецъ, отлитографирована карта Крыма, въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ, но только въ 1855 году.

А. П.

дѣли какъ ничтоженъ непріятельскій отрядъ, бывшій у нихъ, такъ сказать, въ горсти; заслышавъ выстрѣлы, они вообразили себѣ, что зашли черезъ чуръ далеко, и оробѣли.... А имъ-ли было робѣть, когда для обезпеченія ихъ отступленія на Мекензіевой горѣ были на-готовѣ два полка пѣхоты при двухъ батареяхъ, да съ гусарами была еще Донская батарея.

Когда наши скрылись, пикетъ успокоился, а свѣтлѣйшій, поспѣшивъ спуститься съ горы, напрямки поскакалъ къ гусарамъ. Здѣсь мнѣ привелось быть свидѣтелемъ гнѣва и негодованія князя, едва-ли не въ первый разъ за все время моего нахожденія при немъ.

Крымско-татарскій полу-эскадронъ, шедшій впереди гусаръ, наткнулся на англійскій разъѣздъ и успѣлъ захватить двухъ драгунъ; остальные спаслись, пользуясь туманомъ. Какъ-бы въ отмщеніе за неудачу, обоихъ плѣнныхъ вели связанными.

— „Стыдитесь! крикнулъ свѣтлѣйшій полковому командиру Бутовичу-Бутовскому,—не вымѣщайте на плѣнныхъ своей неудачи... Долой веревки!“

Между тѣмъ, князь, прибывъ къ гусарамъ, засталъ перепалку двухъ командировъ между собою. Халецкій упрекалъ Бутовича за его непозволительное отступленіе и, завидѣвъ свѣтлѣйшаго, подъѣхалъ къ нему съ жалобою. Я съѣхался съ адъютантомъ Харьковскаго губернатора Кокошкина, Гриневымъ, который наканунѣ, по порученію своего генерала, прибылъ къ намъ въ армію и попросился у князя участвовать въ рекогносцировкѣ. Такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ скандала съ Веймарцами, то и разсказывалъ всѣ его подробности, какъ безпристрастный зритель, сперва мнѣ, а потомъ свѣтлѣйшему.

По возвращеніи на бивуакъ, князь немедленно написалъ приказъ объ отобраніи полка у Бутовича и послалъ меня показать содержаніе приказа князю Петру Дмитріевичу Горчакову. Петръ Дмитріевичъ, прочитавъ приказъ, пошелъ къ свѣтлѣйшему просить объ отмѣнѣ этого распоряженія, на томъ основаніи, что—во 1-хъ) не имѣется въ виду подходящаго штабъ-офицера для замѣщенія Бутовича, а во 2-хъ) что князь еще не уполномоченъ, такъ какъ онъ не главнокомандующій, а ему только подчинены войска, какъ старшему по чину. Свѣтлѣйшій согласился и ограничился лишь выговоромъ Бутовичу въ приказѣ.

При нашихъ наблюденіяхъ съ упомянутой высоты, намъ были видны со стороны Балаклавы два непріятельскія укрѣпленія и лагерь на Сапунъ-горѣ.

Князь долго не могъ забыть злополучной рекогносцировки и, провожая Гринева, просилъ его—„не выносить сору изъ избы“.

26-го сентября гусаръ отправили къ Бахчисараю, гдѣ ихъ соединили съ сводной резервной бригадой, подъ командою генерала Рыжева. Въ этотъ день узнали мы, что непріятель шарилъ что-то около Ялты, выбросивъ тамъ какой-то отрядецъ. Вслѣдствіе этого, на другой день (27-го числа) князь послалъ Вилебрандта съ отрядомъ рекогносцировать мѣстность къ сторонѣ Ялты. Между тѣмъ, союзники въ теченіе предшествовавшихъ дней заготовляли все потребное для траншейныхъ работъ и подвозили предметы для вооруженія своихъ батарей. Такимъ образомъ, 28-го сентября, пользуясь бурной погодой, ночью, они открыли осадныя работы. Послѣ продолжительнаго штиля, тогда задулъ первый свѣжій вѣтеръ. Съ оборонительной линіи Севастополя неусыпно старались мѣшать работамъ союзниковъ.

День 29-го сентября свѣтлѣйшій посвятилъ осмотру непріятельскихъ работъ противу праваго фланга нашей оборонительной линіи. Замѣчу здѣсь, что, со времени прибытія нашего отряда на Бельбекъ, дѣлались охотниками изъ Севастополя частыя вылазки для разворенія хуторовъ, для осмотра мѣстности, или для захватыванія непріятельскихъ постовъ. Вылазки эти развивали удальство и онѣ поощрялись начальствомъ. Князь послалъ Корнилову четыре знака военнаго ордена: изъ нихъ три достались Бутырцамъ, одинъ—матросу.

30-го сентября уланская дивизія генералъ-лейтенанта Корфа, прибывшая въ Крымъ, обложила Евпаторію и съ этого дня блокировала ее.

1-го октября Владимірскій полкъ занялъ Чургунъ, куда былъ назначенъ дивизіонъ сводныхъ уланъ, съ цѣлію препятствовать подвозу непріятелямъ жизненныхъ припасовъ туземцами-татарами изъ Байдарской долины. Осматривая расположеніе этого отряда, свѣтлѣйшій снабдилъ командира его инструкціею и распорядился отобраніемъ у непріятеля водопоя на Черной рѣчкѣ. Въ этотъ-же день изъ Евпаторіи была сдѣлана вылазка, при чемъ съ нашей стороны былъ единственный раненый—генералъ-маіоръ Владиславлевичъ.

2-го октября свѣтлѣйшій получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи въ нашу армію ихъ высочествъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

Необыкновенно заботливый характеръ свѣтлѣйшаго, при обширномъ кругѣ разнообразной его дѣятельности, не давали ему покоя: онъ цѣлые дни проводилъ на ногахъ или на конѣ, мало пользуясь и палаткой, развѣ только когда приходилось писать. Во избѣжаніе суетни, онъ держалъ около себя, подъ рукою, все въ исправности и порядкѣ, дабы въ случаѣ тревоги не приходилось хвататься за что ни попало. Никогда не разбрасывалъ вещей: все, въ чемъ только была надобность

для дѣла или для поѣздки, было размѣщено по многочисленнымъ карманамъ его одежды. Въ карманахъ у князя находились всѣ письменныя принадлежности, справочныя и памятныя записки, вырѣзки изъ картъ извѣстныхъ позицій, циркуль, лупа, бинокль, сборъ хирургическихъ инструментовъ, вещи для перевязки, патроны, запасные часы, маленькій револьверъ, ржаные сухарики, мятныя лепешки, фляжка съ коньякомъ—и чего, чего только у него не было; и все-то въ систематическомъ порядкѣ, такъ, что, никогда не шаря по карманамъ, князь доставалъ прямо и сразу что́ ему было нужно. Одежду онъ постоянно носилъ одну и ту-же, флотской формы. На немъ былъ черный жилетъ съ карманами въ три ряда; за нимъ камзолъ—тоже съ шестью карманами; сверхъ камзола князь надѣвалъ коротенькую сѣрую шинельку въ рукава, солдатскаго сукна и покроя, переполненную карманами, и сверхъ ея накидывалъ еще широкую солдатскаго-же сѣраго сукна шинель, сшитую на манеръ плаща, длиною немного пониже колѣнъ. Для картъ у него была особая сумка, надѣвавшаяся на казака, равно какъ и большая зрительная трубка въ чехлѣ.

Головной уборъ князя состоялъ изъ черной флотской фуражки, на которую въ жаркіе дни надѣвался бѣлый чехолъ; на поясѣ князь носилъ полу-саблю. Лошадь его сѣдлалась англійскимъ сѣдломъ, которое накрывалось вальтрапомъ, сдѣланнымъ изъ бурки. Онъ управлялъ лошадью казацкой уздечкой, а въ правой рукѣ держалъ тоненькую двухвостую плетку, рукояткою которой упирался въ переднюю луку. Такъ ѣзжалъ онъ на шагу въ спокойныя минуты; когда же онъ спѣшилъ, то опускалъ плетку книзу и помахивалъ ею по боку лошади, поторапливая ее ногами. По ночамъ онъ вообще плохо спалъ; часто выходилъ изъ палатки, прислушивался, всходилъ на бугорокъ и оттуда смотрѣлъ въ сторону Севастополя. Въ особенности если тамъ подымалась пальба, то князь слѣдилъ за огнемъ, покуда она не умолкала.

Съ вечера, когда бивуакъ начиналъ затихать, свѣтлѣйшій скидывалъ шинельку и вмѣсто ея надѣвалъ коричневый шерстяной матеріи халатъ на ватѣ, съ поясомъ, а на голову старенькую темнозеленую шапочку изъ сафьяна, и такъ уходилъ почивать, укрывшись солдатскимъ плащомъ. Во все военное время мнѣ не случилось заставать его лежащимъ въ постели, хотя я и находился при немъ почти безотлучно. Ночью я всегда слышалъ, какъ онъ выходилъ изъ своей палатки: бывало, всегда кашляетъ выходя на воздухъ. Мнѣ было какъ-то совѣстно спать, когда свѣтлѣйшій бодрствовалъ, и я тоже выходилъ изъ шалаша. Завидѣвъ меня, онъ тихо окликалъ, чтобы никого не потревожить, и я подходилъ къ нему. Не слыша оклика—я не позволялъ себя нарушать уединенія князя. Замышляя какое либо

дѣло и обдумывая его ночью, князь выходилъ изъ палатки и направлялся къ той сторонѣ, гдѣ оно предполагалось, и, отойдя на просторъ, долго и долго вглядывался въ темноту. Потомъ тихо возвращался въ палатку. Въ это время я всегда бывалъ на-готовѣ, такъ какъ свѣтлѣйшему часто встрѣчалась надобность въ справкахъ касательно мѣстности или дороги. Послѣ безконечныхъ тревожныхъ заботъ въ продолженіе цѣлыхъ дней, мнѣ бывало отрадно перевести духъ въ тихую ночную пору. Однажды я отыскивалъ на небѣ мою любимую вечернюю звѣздочку и поворачивалъ голову во всѣ стороны, уносясь взорами въ безконечное пространство, усыпанное яркими свѣтилами ночи. Неслышно подошелъ ко мнѣ князь Александръ Сергѣевичъ и обычнымъ, кроткимъ своимъ голосомъ спросилъ:

— „Ты вѣрно отыскиваешь сѣверъ, гдѣ твои родные? Вотъ, я научу тебя какъ по звѣздамъ можно стать безошибочно лицомъ къ Петербургу".

И онъ объяснилъ мнѣ какъ надобно отыскивать полярную звѣзду, и, постановивъ меня лицомъ къ ней, сказалъ: „ну вотъ, теперь ты смотришь на сѣверъ".

Въ другіе раза онъ знакомилъ меня съ созвѣздіями; объяснялъ какъ ихъ узнавать и гдѣ находить въ тѣ или другіе часы сутокъ; разсказывалъ о многихъ примѣтахъ моряковъ, по которымъ они предузнаютъ приближеніе бури. Съ удовольствіемъ слушалъ я его весьма понятныя объясненія и мнѣ казалось, что въ эти минуты поучительной для меня бесѣды свѣтлѣйшій душою отдыхалъ отъ непрерывныхъ заботъ дня.

Къ утру онъ засыпалъ хорошо; вставалъ рано, пилъ на-скоро кофе и тотчасъ-же принимался за дѣло, или куда нибудь уѣзжалъ. Обѣдалъ въ 4 часа, одинъ въ палаткѣ, иногда-же садился и съ нами въ шалашѣ, что случалось большею частію когда у насъ бывалъ какой либо пріѣзжій. Князь не завтракалъ, не ужиналъ, по вечерамъ пилъ чай съ кусочкомъ хлѣба. Вообще въ пищѣ былъ удивительно умѣренъ, довольствуясь малымъ: супъ, мягкій кусокъ говядины, разварной рисъ и что нибудь сладкое—таковъ былъ его вседневный обѣдъ; жаркого онъ никогда не кушалъ, говоря, что къ этому блюду онъ всегда бываетъ уже сытъ.

Распоряженія по войскамъ свѣтлѣйшій дѣлалъ чрезъ полковника Вунша, бывшаго при немъ за начальника штаба; письменною частью онъ занимался съ камергеромъ А. Д. Камовскимъ.

Камовскій, какъ и всѣ мы, очень любилъ князя и всегда сокрушался о томъ, что свѣтлѣйшій, можно сказать, ни за что и ни про что, наживаетъ себѣ враговъ въ Петербургѣ, которые его заѣдятъ.

„До сихъ поръ“, говорилъ мнѣ Камовскій въ началѣ октября, „князь не соглашается подписать реляціи объ Алминскомъ дѣлѣ: всѣ проекты ему не нравятся; этого, говоритъ, не было, зачѣмъ писать? а о томъ, что̀ было—писать неутѣшительно. Такъ и откладываетъ со дня на день, а въ Петербургѣ реляцію ждутъ...“.

Такъ, ждали реляцію, да и не дождались. Въ военномъ министерствѣ была составлена своя реляція, при сочиненіи которой не былъ даже принятъ во вниманіе рапортъ князя отъ 9-го сентября о битвѣ подъ Алмою. Камовскій, однако, настоялъ на отсылкѣ настоящей реляціи, которая пришла послѣ обнародованія составленной въ Петербургѣ.

Печально было настроеніе духа свѣтлѣйшаго, и не могло быть иначе: со времени высадки союзниковъ прошелъ мѣсяцъ, а къ намъ прибыло лишь два баталіона, да 10 эскадроновъ молодежи; за ними еще нѣсколько баталіоновъ, которые, изъ жалости къ намъ, Хомутовъ рискнулъ урвать у своего отряда.

Организованной арміи въ Крыму не было; да и главное начальство надъ всѣми наличными силами края не было сосредоточено въ рукахъ князя. Между тѣмъ, война уже кипѣла; нѣсколько тысячъ полегло, а намъ приходилось довольствоваться обрывками, выпрошенными княземъ у Хомутова.

Домашними средствами ограждали Севастополь; домашними же средствами обороняли и его, и весь Крымъ. Наконецъ, сжалился князь Горчаковъ и изъ южной арміи прислалъ къ намъ двѣ дивизіи: пѣхотную и кавалерійскую; но что значила эта малость, когда надобно было спѣшить задавить врага, покуда онъ еще не осмотрѣлся и не получилъ подкрѣпленія.

Пѣхотная дивизія была 12-я; князь ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ и ей уже готово было назначеніе.

Въ Севастополѣ ожидали бомбардированія и штурма. Необходимо было имѣть свободный отрядъ, который-бы могъ дѣйствовать въ тылу союзниковъ и отвлекать ихъ отъ штурма. Кавалерійская дивизія была драгунская, сорока-эскадронная; она тоже могла быть какъ нельзя болѣе кстати. Едва головныя части 12-й дивизіи вступили въ Бахчисарай, какъ князь, не теряя времени, уже вытребовалъ оттуда за приказаніемъ командира 1-й бригады, генерала Константина Романовича Семякина, и поручилъ ему сдѣлать рекогносцировку въ тылу непріятеля и, занявъ высоты впереди Чургуна, угрожать союзникамъ.

4-го октября свѣтлѣйшій самъ поѣхалъ на сказанную позицію встрѣтить войска Семякина и на самомъ мѣстѣ объяснить ему наз-

наченіе отряда. 6-го октября была удачно сдѣлана диверсія, а черезъ два дня Семякинъ опять потревожилъ непріятеля.

Между тѣмъ, безпрестанно пріѣзжали къ намъ гонецъ за гонцомъ справиться: что Севастополь? какъ Севастополь?—можно-бы отвѣчать имъ: дайте прежде войскъ, а ужъ потомъ справляйтесь. Не любилъ свѣтлѣйшій справокъ и не слишкомъ-то ласково принималъ посланцевъ. Страдая за него, Камовскій ворчалъ: „съѣдятъ князя, живьемъ съѣдятъ! Вѣдь они разнесутъ его по косточкамъ.... Ихъ нужно чествовать: какъ бы ни былъ малъ человѣкъ, а все-же у него языкъ есть! Богъ вѣсть, что они тамъ про насъ поразскажутъ. Не могу уговорить князя не терять изъ виду своей славы, вѣдь это—исторія!“

Но свѣтлѣйшій не отступалъ отъ своего правила ни на шагъ, до послѣдней минуты военной своей дѣятельности въ Крыму. Соглядатаевъ-посланцевъ, или пріѣзжавшихъ по какому нибудь пустому дѣлу, пуще же всего подъ предлогомъ что нибудь схватить, уловить, подмѣтить, пронюхать—онъ спѣшилъ выпроваживать ни съ чѣмъ. За то, пріѣзжавшихъ съ извѣстіями о подкрѣпленіи, или съ увѣдомленіемъ о подвозѣ припасовъ—свѣтлѣйшій всегда ласкалъ, давалъ порученія, придерживалъ при себѣ и впредь не забывалъ. Таковъ былъ его характеръ—неизмѣненъ и непреклоненъ.

Нежданнымъ, въ самыя тяжелыя для князя минуты, прикатилъ изъ Петербурга полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, присланный съ предвзятою мыслію состоять при князѣ въ качествѣ совѣтника. Самъ Поповъ зналъ про свѣтлѣйшаго только то, что онъ адмиралъ—стало, по мнѣнію Попова, на сушѣ ничего не смыслитъ, поэтому радъ будетъ въ его лицѣ, имѣть руководителя.

Свѣтлѣйшій, любя мундиръ генеральнаго штаба и нуждаясь въ хорошемъ офицерѣ, ласково встрѣтилъ Попова. Нежданный гость брякнулъ съ маху: „присланъ“, молъ, „къ вамъ въ качествѣ начальника штаба“... И это куда бы ни шло; но Поповъ, видя простое обращеніе князя, ободренный его привѣтливымъ пріемомъ, началъ шагъ за шагомъ критически разбирать распоряженія свѣтлѣйшаго съ минуты выступленія на Алму, указывая при этомъ, какъ онъ долженъ былъ поступать. Рецензіи свои знатокъ военной науки приправлялъ, впрочемъ, снисходительными намеками на незнаніе адмираломъ сухопутнаго дѣла. Князь былъ пораженъ, но, терпѣливо выслушавъ рецензента до конца, сказалъ ему:

— „Ну, теперь идите къ Панаеву“.

Поповъ, взволнованный своими объясненіями, но еще не понимая своей ошибки, и со мною продолжалъ разговоръ на ту же тему и съ

большимъ одушевленіемъ порицалъ дѣло, въ курсѣ котораго вовсе не былъ, не зная ни обстоятельствъ, ни мѣстности, ни средствъ нашихъ. Словомъ, выражаясь по просту,—такъ опростоволосился, что князь, подойдя къ Камовскому, сказалъ: „намъ учителя прислали; его надо отправить назадъ“...

Но А. Д. Камовскій уговорилъ князя дать Попову какое нибудь назначеніе въ арміи, и свѣтлѣйшій приказалъ написать Корнилову, чтобы онъ, принявъ Попова въ гарнизонъ, назначилъ его къ Моллеру—начальникомъ штаба сухопутныхъ войскъ. Поповъ, переконфуженный, ворчалъ; а свѣтлѣйшій, въ этотъ день обѣдая съ нами, объяснилъ гостю, на что преимущественно, въ новой своей должности, онъ обязанъ обратить вниманіе. Переночевавъ у насъ, Поповъ отправился въ Севастополь.

Между тѣмъ, въ Севастополѣ, именно 4-го октября, оборонительная линія была изготовлена къ бомбардированію. Корниловъ, послѣ лихорадочной дѣятельности въ теченіе цѣлаго мѣсяца, осмотрѣвъ въ этотъ день укрѣпленія, наконецъ перевелъ духъ, и прислалъ сказать князю:

— „Мы готовы, да и непріятель, кажется,—тоже. Завтра надо ожидать бомбардированія“.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1854.

X [1]).

Рано утромъ, 5-го октября, поднялась канонада. Мы побѣжали на бугоръ, но огонь такъ быстро охватилъ Севастополь, что отличить выстрѣловъ своихъ отъ непріятельскихъ не было уже никакой возможности. Густой, черный дымъ застилалъ все; отдѣльныхъ раскатовъ не было слышно, но вся масса выстрѣловъ слилась въ сплошной, оглушительный гулъ, какого, до той поры, еще, я думаю, никто изъ насъ не слыхивалъ. Князь поскакалъ въ Севастополь; мы—за нимъ.

Переправясь на Корабельную сторону, мы увидѣли, что на подъемѣ уже валялись трупы, хотя это мѣсто и было прикрыто горой. Объѣзжая первые три бастіона, мы держали путь по грядѣ откатывавшихся ядеръ: они ложились плотно одно къ другому, какъ булыжникъ на прибоѣ моря. Новыя ядра, подлетая, суетились, крутились, толкались, прочищая себѣ мѣсто.

Колонны, предназначенныя для отбитія штурма, стояли, прикрываясь какъ могли. Такимъ образомъ около госпитальной стѣнки прижался Бутырскій полкъ. Командиръ его, полковникъ Ѳедоровъ, увидѣвъ князя, подбѣжалъ къ нему, предостерегая отъ невыгоднаго направленія, которое тотъ избралъ для своего пути. Князь придержалъ лошадь, ука-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506; 699—711.

зывая Ѳедорову, въ свою очередь, безопасныя мѣста для полка. Въ этотъ самый мигъ, ядро громаднаго размѣра, пробороздивъ предъ лошадью свѣтлѣйшаго, осыпало насъ хрящемъ твердой земли... Если-бы Ѳедоровъ не пріостановилъ князя, тутъ бы онъ и погибъ; но только лошадь его шарахнулась, и мы поѣхали далѣе, пробираясь на правый флангъ. Узнавъ на дорогѣ, что Корниловъ его уже объѣхалъ и возвратился на квартиру, свѣтлѣйшій направился къ нему.

У дома Корнилова дожидалась лошадь; Владиміръ Алексѣевичъ вскорѣ вышелъ и, сообщивъ князю, что французскія батареи притихли,—проѣхалъ съ нимъ до Екатерининской пристани.

Мы еще не успѣли возвратиться на бивуакъ, какъ началось бомбардированіе съ моря. Князь поспѣшилъ на бугоръ, съ котораго мы обыкновенно дѣлали наши наблюденія, и приказалъ перемѣнить ему лошадь.

Громъ отъ безпрерывной пальбы былъ невообразимый. Тучи чернаго дыма заволакивали все видимое небо и только изрѣдка можно было уловить глазомъ темнокрасные огни, вырывавшіеся изъ жерлъ громадныхъ орудій. Всего удобнѣе намъ было разсмотрѣть громадный трехдечный корабль, который, ставъ какъ разъ въ тылу Константиновской батареи, возлѣ берега, безнаказанно громилъ ее въ хвостъ. Сначала мы были рады, что корабль, не видя скрытой за мыскомъ мортирной батареи, занялъ эту позицію, не ожидая гостинцевъ которые поднесутъ ему наши пятипудовыя мортиры и двѣ коронады. Батарея эта, устроенная на берегу бухты, была обращена жерлами орудій къ морю, именно съ тѣмъ, чтобы чрезъ мысокъ озадачить смѣльчака на слу̀чай покушенія... Но батарея молчитъ. Что же она не кончаетъ съ этимъ кораблемъ? Ждемъ съ нетерпѣніемъ его гибели, но онъ цѣлъ и невредимъ... Или командиръ батареи не видитъ врага, или на ней всѣ перебиты?

Князь послалъ меня узнать, что́ тамъ случилось, но въ нетерпѣніи. слѣдомъ за мною поѣхалъ и самъ. Что же оказалось? Въ суматохѣ, когда французы, послѣ Алминскаго дѣла, приближались къ Севастополю, Корниловъ, изъ опасенія, чтобы враги не овладѣли такими страшными орудіями, велѣлъ опрокинуть ихъ въ море!! Вотъ почему Константиновская батарея такъ много пострадала въ первый день бомбардированія.

Отъ Константиновской батареи я доѣхалъ берегомъ до батареи № 4. Здѣсь, вижу, спѣшитъ шлюбка: гребцы сильно навалились, кормчій, почтенныхъ лѣтъ отставной морской чиновникъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за падающими въ воду снарядами и лавируетъ между всплесками отъ бомбъ... Наконецъ, сталъ держать прямо куда ни попало, лишь бы поскорѣе достигнуть берега. Въ шлюбкѣ

все его семейство; двѣ дочери, подсобляя гребцамъ, напираютъ на весла. Слышу—глухой, дряхлый голосъ кормчаго:

— Спѣшите, спѣшите, дѣти! Ужъ близко... близко!.. Навались, молодцы!...

Шлюбка коснулась берега; два багра мигомъ вцѣпились въ него.

— Всѣ вонъ! торопливо крикнулъ старикъ, удерживая шлюбку багромъ.

Сѣдой, какъ лунь, онъ привлекъ на себя мое вниманіе. Его старческая, напряженная фигура, судорожно стиснутыя губы, раздутыя щеки, выражали какое-то сосредоточенное, тоскливое ожиданіе. Глаза его никуда не смотрѣли, но были налиты кровью.

На берегъ выпрыгнули всѣ, онъ—послѣдній, и шлюбка сама отошла отъ берега. „Дальше! дальше!!“ кричалъ старикъ своему семейству; самъ же, оборотясь къ своей отплывавшей спасительницѣ, пристально смотрѣлъ на нее, будто чего-то ожидая.... Въ этотъ самый мигъ, ударъ снаряда и шлюбка—въ щепы. Старикъ отвернулся, точно ему только этого и нужно было, погрозилъ кулакомъ въ сторону англичанъ и сказалъ, переводя духъ:

— Опоздала, Викторія! [1]) перекрестился и пошелъ догонять свое семейство.

Некогда было мнѣ предаваться сочувствію этой простой, но глубоко трогательной сценѣ: я спѣшилъ исполнять порученія свѣтлѣйшаго, но она врѣзалась въ мою память.

Объѣхавъ береговыя батареи сѣверной стороны, свѣтлѣйшій возвратился на бивуакъ. Канонада стала притихать, дымъ началъ рѣдѣть, поврежденные корабли союзниковъ потянулись отъ берега и мы имѣли возможность присѣсть закусить. Свѣтлѣйшій былъ съ нами.. Въ эту минуту изъ Севастополя пришло извѣстіе: Корниловъ тяжело раненъ!

Всѣ мы всполошились, князь собрался опять ѣхать въ Севастополь,ославъ напередъ узнать, гдѣ онъ можетъ найти раненаго; но въ это самое время другой гонецъ доложилъ, что Корниловъ уже скончался. Глубоко пораженный, свѣтлѣйшій не вымолвилъ ни слова: но въ этомъ безмолвіи было неизмѣримо болѣе краснорѣчія, нежели могло быть въ самомъ блестящемъ панегирикѣ.

Корниловъ, до послѣдняго вздоха, принадлежалъ своему великому и святому дѣлу, и въ предсмертныхъ страданіяхъ, теряя память, не

---

[1]) Эта простодушная насмѣшка, можетъ быть, относилась къ главной англійской батареѣ, носившей имя королевы; но мнѣ думается, что старикъ подъ общимъ именемъ «Викторіи» разумѣлъ англичанъ вообще.

А. П.

потерялъ присутствія духа: послѣднее ему донесеніе было о томъ, что англійскія батареи также умолкли, сбитыя подобно французскимъ; при этомъ извѣстіи онъ и скончался. Вѣчная ему память!

Сколько въ день кончины Корнилова было еще въ Севастополѣ геройскихъ смертей и кончинъ праведниковъ; сколько погибло людей и непричастныхъ бою и сколько, наконецъ, отлетѣло въ вѣчность невинныхъ, младенческихъ душъ—перечесть трудно. Вотъ, между прочимъ, случай, кровавыми чертами врѣзавшійся въ мою память. Офицеръ ластоваго экипажа, спасая свою маленькую дочку, пряталъ ее повсюду: то, укладывая въ яму, не велитъ ей шевелиться; то, забѣжавъ за строенія, припрячетъ ее тамъ; то засадитъ ее въ погребъ... и повсюду казалось ему опасно. Вдругъ пришла ему счастливая мысль: на берегу бухты, въ скалистыхъ обрывахъ есть пещеры; туда бомбы не достигаютъ и дочь его будетъ въ совершенной безопасности. Схвативъ ребенка за руку, бѣдный отецъ бѣжитъ по Екатерининской площади,—а снаряды снуютъ, раздираютъ воздухъ и бороздятъ площадь. Прикрывая собою малютку, онъ достигъ берега; вдругъ, бомба—и нѣтъ малютки! Крохотные члены ея разлетѣлись по воздуху, кровь брызнула на отца... Съ волосами, поднявшимися дыбомъ, остолбенѣлый, оглушенный, онъ уставилъ глаза на ручку убитой, уцѣлѣвшую въ его плотно сжатой горсти...

— Куда дѣвалась дѣвочка? Отдайте ее мнѣ, я ее спрячу въ пещеру! кричалъ несчастный, какъ безумный бѣгая по площади.

Много разъ пробѣжалъ онъ взадъ и впередъ, махая въ воздухѣ окровавленною ручкою дочери; долго искалъ ребенка, спрашивая встрѣчныхъ... Машинально спустился къ пещерѣ, обошелъ ее кругомъ; воротился на площадь и остановился въ недоумѣніи; поднялъ еще тепленькую ручку къ небу, будто показывая, что она тамъ!... Затѣмъ, несчастный побрелъ собирать далеко разметанныя клочья тѣла своей малютки. Снаряды уже не летали, ничто не мѣшало ему... Пришла ночь; офицеръ сѣлъ на обрывъ берега, положилъ себѣ на колѣни кровавыя останки дочери: обнималъ, цѣловалъ, обливалъ ихъ слезами; такъ застало его утро. Дальнѣйшая его участь неизвѣстна.

Все утихло и мы улеглись, но въ Севастополѣ не спали: за ночь производили исправленія и твердыни его сдѣлались какъ бы несокрушимыми. Съ нашимъ пробужденіемъ пробудилась и канонада и заревѣла по вчерашнему. Французскія батареи въ этотъ день еще не могли открыть огонь, такъ какъ онѣ сильно пострадали; за то. 7-го октября бомбардированіе сопровождалось тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ и въ первый день. Лишь съ моря союзники не отваживались атаковывать. Съ 8-го по 13-е октября бомбардированіе продолжалось почти

съ одинаковою неослабною силою, каковою оно отличалось въ первые три дня: начинаясь съ утра, прекращалось къ вечеру. Пороху тратилось, какъ говорили, отъ 1,500 до 2,000 пудовъ въ сутки; выпускалось до 10,000 снарядовъ. Легко выговаривать цифры, но трудно выразить всю степень ужаса, охватывавшаго сердце при мысли, что громадное это количество пороха и чугуна предназначалось для посѣва смерти.

Потери въ людяхъ уменьшались день-ото-дня: они пріучились укрываться отъ снарядовъ; при всемъ томъ насчитывали выбывшими изъ строя съ 5-го по 13-е октября около 3,500 человѣкъ. Въ первый день мы потеряли около 1,000; во второй и третій уже 500, а затѣмъ по 250 человѣкъ.

Жительницы Севастополя, въ недоумѣніи и въ тяжкомъ ожиданіи, чѣмъ окончится страшная катастрофа, разразившаяся надъ городомъ, не оставались праздными ея зрительницами и спѣшили, съ своей стороны, кто чѣмъ могъ поусердствовать общему дѣлу. Однѣ поили раненыхъ; другія обмывали раны, приносили имъ бинты, ветошки или сами какъ умѣли перевязывали легкія раны. Между тѣмъ сдѣлано было распоряженіе объ отправкѣ раненыхъ на сѣверную сторону бухты: нѣкоторыя дамы послѣдовали за ними, и тамъ, въ отведенныхъ для госпиталя помѣщеніяхъ, онѣ съ неутомимымъ усердіемъ заботились о несчастныхъ. Въ числѣ извѣстныхъ мнѣ дамъ, кромѣ упомянутой прежде Елисаветы Михайловны Хлапониной, была Екатерина Висаріоновна Хомякова, тоже очень милая дама, жена артиллерійскаго офицера одной батареи съ Хлапонинымъ. Прилагая всѣ попеченія къ поданію помощи раненымъ, онѣ порядкомъ утомлялись и, лишь на четвертый день бомбардированія, Хлапонина, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться, вышла изъ госпиталя на чистый воздухъ. Спустясь съ крыльца, она встрѣтила носилки, на которыхъ несли раненаго, въ безсознательномъ положеніи. Съ участіемъ взглянувъ въ лицо вновь принесеннаго, она узнала въ немъ—своего мужа! Не скоро могла несчастная опомниться; силы душевныя ее оставили; машинально послѣдовала она въ госпиталь за носилками, остановилась подлѣ койки, на которую уложили раненаго Хлапонина, и какъ будто не сознавала, что тутъ дѣлается. Посторонніе подавали помощь ея мужу, а она, удрученная горемъ, была въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Послѣ того она еще дней десять провела въ госпиталѣ, а потомъ рѣшилась увезти мужа въ Симферополь, откуда онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, почувствовавъ себя въ силахъ, всетаки поспѣшилъ возвратиться въ Севастополь, къ своей батареѣ.

Касательно подвоза пороху были приняты княземъ Меншиковымъ

самыя дѣятельныя мѣры. Онъ посылалъ за порохомъповсюду, гдѣ только зналъ, что есть склады; его везли, везли, но все еще было недостаточно и случалось такъ, что изъ Петербурга свѣтлѣйшему пишутъ, напримѣръ, что онъ, въ случаѣ надобности, можетъ получить порохъ изъ такихъ-то и такихъ-то складовъ,—а порохъ уже давно и взятъ свѣтлѣйшимъ и израсходованъ въ Севастополѣ. Ревностнымъ пособникомъ князя по этой части былъ полковникъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ: куда, бывало, свѣтлѣйшій его ни пошлетъ, онъ живо слетаетъ и пороху добудетъ. Помнится, по возвращеніи своемъ изъ Кіева, графъ Шуваловъ разсказывалъ намъ, что, забирая тамъ снаряды, онъ, до укладки ихъ въ приспособленныя къ тому парковыя полуфурки, приказалъ ихъ запречь для испытанія и пропустить по улицѣ; полуфурки этой пробы не выдержали: отъ продолжительной стоянки онѣ разсохлись и снаряды пришлось везти на обывательскихъ подводахъ.

XI.

8-го октября свѣтлѣйшій получилъ назначеніе быть главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами, расположенными въ Крыму. Такимъ образомъ опредѣлилось, наконецъ, его положеніе и выяснились его отношенія къ флоту и къ арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ прислалъ князю груду орденовъ и знаковъ отличій для раздачи достойнѣйшимъ, изъявляя при этомъ милостивое желаніе, чтобы свѣтлѣйшій выдачи наградъ не откладывалъ.

Князь опечалился: ему казалось, что награды теперь несвоевременны. Государь, конечно, не знаетъ о томъ, что̀ происходитъ въ Севастополѣ, а то, быть можетъ, и онъ дозволилъ-бы переждать, дать пройти „страстнымъ“ днямъ неумолкающаго боя на смерть. Въ эти дни награды могли бы,—такъ думалъ Меншиковъ,—нарушить святость тѣхъ безкорыстныхъ жертвъ, которыя каждый изъ защитниковъ Севастополя спѣшилъ принесть на алтарь его спасенія.

Но дѣлать было нечего и милостивая воля императора должна быть исполнена: онъ прислалъ награды, прятать ихъ нельзя, слѣдуетъ раздать, а не то—въ Петербургѣ разумную отсрочку князя могутъ перетолковать въ превратную сторону. Да и дѣйствительно, могъ-ли кто изъ постороннихъ лицъ допустить мысль, чтобы царская награда могла когда нибудь быть несвоевременна? Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, оно такъ и было. Въ страшные дни бомбардированія нельзя было указать на особенно отличившихся: всѣ безъ различія прилагали свои усилія, на сколько ихъ хватало, чтобы постоять за Севастополь, и кого-же тутъ было отличать, когда отличались—всѣ? Не слѣдовало по-

давать и мысли защитникамъ Севастополя, чтобы одинъ изъ нихъ могъ быть лучше прочихъ, такъ какъ всѣхъ одушевляла одна и та же мысль—умирать за родной городъ. Уцѣлѣть никто не думалъ, да и мудрено было гадать на сохраненіе жизни, такъ какъ достаточно было взглянуть на эту кровавую свалку, чтобы отложить о жизни всякое попеченіе. Не ожидая награды отъ царя земнаго, каждый защитникъ ежеминутно готовъ быть предстать предъ царя небеснаго!

Такъ думалъ князь и эти мысли раздѣляли съ нимъ всѣ защитники Севастополя: Меншиковъ боялся, что ратники божіи оскорбятся предложеніемъ имъ какъ-бы платы за кровавый трудъ. Если бы каждому Севастопольцу въ эти минуты надѣть на шею чугунный крестъ и сказать: „неси его къ праотцамъ“, то они всѣ съ восторгомъ приняли бы этотъ символъ страданія и спасенія. При отсылкѣ наградъ свѣтлѣйшій со вздохомъ сказалъ:

— „Простите, священныя минуты Севастополя: сегодня послѣдній день безкорыстной его защиты!“

Всѣмъ намъ тоже сдѣлалось грустно; даже Камовскій замѣтилъ: „напрасно, я бы придержалъ!“ Награды были розданы; нѣкоторые ознаменовали полученіе ихъ—вспрысками.

На слѣдующій день пріѣхали къ намъ моряки и жаловались на то, что князь прислалъ награды. Одни заспорили, другіе не хотѣли брать, и ночь вообще прошла въ безпорядкахъ, спорахъ и пререканіяхъ.

Облеченный въ званіе главнокомандующаго, свѣтлѣйшій назначилъ адмирала Станюковича на мѣсто Корнилова, себя же замѣстилъ княземъ П. Д. Горчаковымъ, который во все время былъ добрымъ ему помощникомъ.

Наканунѣ перваго бомбардированія, именно 4-го октября, подошла къ Севастополю въ полномъ своемъ составѣ 12-я пѣхотная дивизія генерала Липранди. Князь расположилъ ее на позиціи впереди Чургуна и, съ цѣлію отвлечь вниманіе союзниковъ отъ Севастополя, поручилъ Липранди угрожать непріятелю съ этой стороны, присоединивъ къ нему еще бригаду гусаръ, подъ командою генерала Велички, и 4 эскадрона уланъ резервной кавалеріи.

Между тѣмъ союзники, для охраненія своего тыла и Балаклавы, послѣ рекогносцировки нашей, бывшей 25-го сентября, устроили противу насъ, на высотахъ, четыре редута. Сзади были видны еще и другія укрѣпленія, но еще не оконченныя. Редуты были расположены приблизительно въ шахматномъ порядкѣ.

12-го октября свѣтлѣйшій рѣшилъ быть дѣлу. Наканунѣ онъ послалъ въ Чургунъ Вилебрандта, поручивъ ему содѣйствовать вновь прибывшимъ войскамъ своимъ знаніемъ мѣстности. Когда мы заслышали

канонаду со стороны Чургуна, князь поѣхалъ, по обыкновенію верхомъ, на мѣсто боя. Приближаясь къ мѣсту сраженія, мы встрѣтились съ Вилебрандтомъ. Онъ донесъ свѣтлѣйшему, что дѣло уже кончено и чрезвычайно успѣшно, при чемъ взяты четыре редута и истреблена англійская кавалерія. Изъ разсказовъ его о подробностяхъ этого дѣла припоминаю слѣдующее.

Къ 8-ми часамъ утра главный редутъ былъ взятъ съ бою, а остальные редуты были оставлены самими турками. Затѣмъ, гусарская бригада была послана для истребленія парка, расположеннаго близъ Кадыкъоя: она сдѣлала наступленіе и встрѣтилась съ непріятельской кавалеріей, почти неожиданно, да еще и на тихомъ аллюрѣ. Эскадроны, развернувъ фронтъ другъ противъ друга въ весьма близкомъ между собою разстояніи, остановились въ нерѣшимости, что весьма понятно, если принять въ соображеніе, что ударъ атаки производится обыкновенно на карьерѣ, при которомъ увлеченіе скачки придаетъ отваги и запальчивости бойцамъ; тутъ-же враги съѣхались шагомъ и взаимно выжидали, кто первый начнетъ... Наконецъ, драгуны англійской кавалеріи бросились на нашихъ гусаръ, которые приняли ихъ жестоко: кому изъ веймарцевъ попадался драгунъ, тотъ, ухвативъ его одной рукой за что ни попало, немилосердно тесалъ саблею! Замѣчательно, что наши златоустовскіе клинки разрубали латы; при этомъ наши молодцы, поймавъ жертву, не ограничивались нанесеніемъ раны, но рубили непріятеля до тѣхъ поръ, покуда онъ не валился съ лошади. Когда, наконецъ, непріятельскіе кавалеристы высвободились изъ нашихъ когтей и разсыпались, то преслѣдовать ихъ было невозможно, такъ какъ подоспѣвшая непріятельская артиллерія открыла удачный огонь.

Кавалерія наша отступила и, пройдя широкой долиной, въ виду непріятеля, за наши резервы, къ самому перевязочному пункту, у лѣваго берега р. Черной, спѣшилась и стала оправляться. Вся эта бригада перестроилась въ резервный порядокъ, въ густую эскадронную колонну: впереди стоялъ Лейхтенбергскій, а сзади Веймарскій гусарскій полкъ. Эскадроны же резервной кавалеріи стояли гораздо впереди и лѣвѣе гусаръ, въ боевой линіи за высотами, но съ лошадей еще не слѣзали.

Казачья батарея, подъ командою князя Оболенскаго, была съ гусарами и заняла высоту впереди и правѣе долины, и тоже оправлялась. Пѣхота стояла за высотами, подъ ружьемъ. Между тѣмъ непріятель, со своей позиціи, разсмотрѣвъ, вѣроятно, что густую колонну нашей кавалеріи, а также и батарею, можно захватить врасплохъ, рѣшился воспользоваться быстротою своихъ лошадей и пустилъ въ атаку на нашихъ гусаръ англійскую кавалерію, а на батарею—фран-

цузскихъ конныхъ егерей; другихъ нашихъ войскъ непріятель не могъ видѣть. Такимъ образомъ англійская кавалерія, подъ командою Кардигана, понеслась по широкой долинѣ, эскадронъ за эскадрономъ, и такъ стремительно, что успѣла безпрепятственно проскакать нашу боевую линію. Поздно замѣтили гусары эту атаку: бросились къ лошадямъ—и только что головной эскадронъ нашъ успѣлъ выскочить впередъ, какъ уже встрѣтился съ англичанами. Бой закипѣлъ и лишь тогда подоспѣлъ второй эскадронъ. Опрокинутый непріятель ринулся назадъ, но уже до своихъ не доскакалъ, потому что уланы резервной кавалеріи ударили во флангъ заднимъ эскадронамъ, а пѣхота и артиллерія съ обѣихъ сторонъ долины приняли уносившихся такимъ убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ, что они всѣ тутъ же въ долинѣ и полегли.

Командиръ уланскаго полка полковникъ Еропкинъ, сильный, рослый мужчина, отличился въ этомъ дѣлѣ: стоя на позиціи, въ сторонѣ отъ своей части, онъ отъѣхалъ поодаль и разсматривалъ долину; вдругъ на него наскакалъ англійскій офицеръ, который, видя, что у Еропкина сабля въ ножнахъ, требовалъ, чтобы тотъ сдался, угрожая, въ случаѣ отказа, выстрѣломъ. Еропкинъ такъ свистнулъ англичанина кулакомъ по головѣ, что тотъ кувырнулся съ лошади. Тутъ только Еропкинъ увидѣлъ атаку, бросился къ своимъ и, ударивъ во флангъ заднихъ эскадроновъ, смялъ ихъ и тѣмъ помогъ гусарамъ отбиться. Французскіе же конные егеря, наскакавъ на казачью и еще на пѣшую батарею, стоявшую на Ѳедюхиныхъ высотахъ, порубили прислугу.

Слушая разсказы Вилебрандта, мы переѣхали р. Черную на самомъ мѣстѣ перевязочнаго пункта и тутъ глазамъ нашимъ представился богатырскихъ формъ трупъ гусара, того самаго ординарца генерала Халецкаго, который на Алмѣ взялъ въ плѣнъ французскаго полковника Ла-Гонди; трупъ унтеръ-офицера Зарубина лежалъ на бугоркѣ, раскинувшись навзничь. Свѣтлѣйшій пожалѣлъ объ этой потерѣ: Зарубинъ былъ молодецъ.

Принявъ донесеніе, главнокомандующій, въ сопровожденіи Липранди и бригаднаго командира генерала Семякина, объѣхалъ редуты и всходилъ на тотъ, который Семякинъ съ Азовскимъ полкомъ взялъ штурмомъ. Редутъ этотъ былъ устроенъ на высокой, крутой и гладкой горѣ, на подобіе кургана, такъ что достигнуть до него было трудно. Свѣтлѣйшій достойно оцѣнилъ подвигъ и благодарилъ молодцовъ.

Возвращались мы той долиной, гдѣ полегла англійская кавалерія. Грустно было смотрѣть на распростертыхъ англичанъ, рослыхъ и красивыхъ какъ на подборъ, въ новыхъ, нарядныхъ мундирахъ. Они только что прибыли въ Крымъ, какъ бы нарочно на убой. Множество

раненыхъ лошадей бродили въ жестокихъ мукахъ: онѣ сходились въ кучки, словно дѣля между собою горе... Лошади, подобно бывшимъ ихъ всадникамъ, отличались большимъ ростомъ и красивыми формами. Свѣтлѣйшій не безъ состраданія спѣшилъ проѣхать эту плачевную картину, предлагая Липранди распорядиться погребеніемъ убитыхъ.

Липранди представилъ Семякина главнокомандующему, какъ отличнаго боеваго генерала и распорядительнаго начальника. Семякинъ возбудилъ къ себѣ расположеніе свѣтлѣйшаго, который обратилъ на него особенное вниманіе, разспрашивалъ о прежней служебной дѣятельности, и въ послѣдствіи взялъ къ себѣ въ должность начальника штаба, уважалъ, любилъ и всегда сохранялъ о немъ доброе воспоминаніе.

Ободренный успѣхомъ Балаклавскаго дѣла, свѣтлѣйшій, желая дать непріятелю понятіе о приращеніи силъ севастопольскаго гарнизона, приказалъ сдѣлать изъ Севастополя большую вылазку на Сапунъ-гору. 14-го октября, въ часъ пополудни, командиръ Бутырскаго полка, полковникъ Ѳедоровъ, съ 6-ю баталіонами при 4-хъ орудіяхъ, исполнилъ эту вылазку, но она не удалась. При встрѣчѣ съ англичанами, Ѳедоровъ былъ скоро раненъ и мы, съ большою потерею, въ особенности офицеровъ, принуждены были отступить, преслѣдуемые непріятелемъ.

Между тѣмъ главнокомандующій, расчитывая поддержать Ѳедорова, въ случаѣ еслибы ему удалось оттѣснить англичанъ, самъ отправился на позицію къ Липранди и предупредилъ его. Въ Чургунѣ мы застали тогда цѣлые табуны лошадей, доставшихся намъ наканунѣ отъ англичанъ. Уральскіе казаки водили ихъ по улицѣ, отыскивая покупщиковъ. При этомъ, разсмотрѣвъ ближе, я успѣлъ замѣтить, что лошади большею частію были или очень стары, или безобразно велики, или, наконецъ, съ такими пороками, съ которыми лошади въ нашей кавалеріи всегда бракуются.

Въ деревнѣ князь навѣстилъ раненыхъ и въ домикѣ, въ которомъ мы остановились, нашелъ раненаго картечью сардинскаго офицера Ландріани, очень красиваго кавалериста. Разспрашивая его, свѣтлѣйшій узналъ, что онъ женихъ и сокрушается лишиться ноги, которой угрожала ампутація. Главнокомандующій принялъ въ немъ участіе и, благодаря тому, ногу сардинцу отстояли.

Тутъ же, въ другой комнатѣ, мы были свидѣтелями операціи. Гвардейскій офицеръ, окончившій курсъ въ военной академіи, былъ раненъ пониже плеча штуцерною пулею; она прошла на вылетъ, но въ ранѣ остались обрывки аксельбанта и ихъ-то и вынимали изъ раны. Какъ теперь вижу прекрасныя, полныя жизни и отваги формы красиваго юноши; онъ сидѣлъ бодро на стулѣ и улыбался. На бѣлой

груди его алѣлъ кровавый зигзагъ. Въ послѣдствіи онъ умеръ отъ этой раны.

Ко времени движенія Ѳедорова на Сапунъ-гору, главнокомандующій вышелъ изъ деревни и возлѣ Чургунскаго отряда наблюдалъ за ея высотами. Хотя отрядъ у Липранди на случай былъ готовъ, но мы, заслышавъ выстрѣлы, вскорѣ увидали какъ наши по отлогостямъ уже отступали.

Въ теченіе трехъ дней, 15-го, 16-го и 17-го октября, въ дѣйствующихъ войскахъ ничего особеннаго не предпринималось. Мы ожидали прибытія двухъ дивизій 4-го корпуса и дивизіи драгунъ.

18-го октября главнокомандующій перенесъ свою квартиру въ Чургунъ и тамъ ему, впервые съ 3-го сентября, довелось ночевать подъ крышей: ровно шесть недѣль были имъ проведены на бивуакѣ.

Редутовъ, взятыхъ въ Балаклавскомъ дѣлѣ, войска наши не занимали, а ограничивались наблюденіями за ними: дѣлались разъѣзды и выставлялись посты. Для повѣрки этихъ постовъ и чтобы высмотрѣть какія и гдѣ производятся работы у непріятеля, свѣтлѣйшій послалъ однажды меня подъѣхать поближе. Забравшись довольно далеко, я увидѣлъ на полянкѣ порядочную кучку сидящихъ турокъ или татаръ, въ костюмахъ изъ верблюжьяго сукна, съ башлыками на головахъ. Оставивъ лошадь съ казакомъ за высотой, я отправился ползкомъ... Замѣтивъ въ толпѣ безпокойство, я притаился и уже растягивалъ свою подзорную трубку, чтобы хорошенько разсмотрѣть, что̀ тутъ дѣлалъ непріятель, какъ вдругъ эти мнимые турки, широко распластавъ крылья, поднялись на воздухъ и улетѣли! Оказалось, что это была стая огромныхъ, рыжеватыхъ орловъ, собравшихся на лошадиную падаль. Какъ только они успѣвали провѣдывать о добычѣ, которую война доставляла имъ въ обиліи! до того времени ихъ нигдѣ не было видно. Удивительное чутье! „Гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы“, гласитъ евангеліе. Еще на бивуакѣ, въ долинѣ рѣки Качи, появились громадные во̀роны, алкавшіе крови. Потомъ, ближе сѣверной стороны бухты, на военномъ кладбищѣ, появились стада собакъ, вслѣдствіе чего сдѣлано было распоряженіе объ охраненіи могилъ.

19-го, 20-го и 21-го октября, на нашу позицію непрерывно подходили войска 10-й и 11-й дивизій; подошла и драгунская дивизія генерала Врангеля. Такимъ образомъ у Чургуна собрался весь 4-й пѣхотный корпусъ, семь полковъ кавалеріи, нѣсколько сотенъ казаковъ; да еще въ авангардѣ былъ отрядъ Жабокрицкаго.

Стягивая войска въ виду непріятеля, главнокомандующій огромными силами грозилъ союзникамъ нападеніемъ съ тыла и тѣмъ вынудилъ ихъ отдѣлять значительную часть войска отъ Севастополя къ

Балаклавѣ. Этимъ князь, избравшій другой пунктъ атаки, достигалъ своей цѣли. Для главнокомандующаго было весьма важно, чтобы непріятель не проникъ замысловъ нашей арміи; поэтому свѣтлѣйшій, опасаясь лазутчиковъ, самъ поддерживалъ въ нашихъ войскахъ убѣжденіе, что готовится нападеніе отъ Чургуна.

Вообще свѣтлѣйшій былъ очень остороженъ и всегда готовилъ военныя предпріятія въ глубочайшей тайнѣ. Своими предначертаніями онъ дѣлился только съ главными участниками дѣла. Поэтому, даже самымъ близкимъ къ нему людямъ, зачастую, случалось узнавать о какомъ нибудь дѣлѣ лишь наканунѣ боя. Видя, какъ свѣтлѣйшій серьезно относится къ боевымъ распоряженіямъ, никому изъ нихъ, конечно, и въ голову не приходило видѣть въ подобной его скрытности знакъ недовѣрія; мудрено-ли, что и теперь они были въ томъ же заблужденіи, какъ войска?

Главнокомандующій поручилъ мнѣ набрать провожатыхъ изъ туземныхъ жителей и раздать ихъ въ полки, что и было мною исполнено въ совершенномъ убѣжденіи, что они поведутъ части къ сторонѣ Балаклавы.

Прибывавшія войска располагались и князь спѣшилъ взглянуть на солдатиковъ окомъ наблюдателя. Пользуясь тѣмъ, что въ новыхъ войскахъ его еще никто не знаетъ, онъ ѣздилъ между кучками солдатъ, которые копошились на бивуакѣ. Видъ его, всегда скромный, казался тутъ еще скромнѣе. Чтобы удобнѣе карабкаться на высоты и оттуда наблюдать за лагеремъ непріятеля, князь ѣздилъ по окрестностямъ Чургуна на лошакѣ. Войска его не узнавали, слѣдовательно, и не стѣснялись его появленіемъ, а это князь очень любилъ. Прислушиваясь къ толкамъ въ войскахъ, можно было легко убѣдиться, что никому и въ голову не приходитъ настоящій скрытный планъ главнокомандующаго.

22-го октября, главнокомандующій, послѣ обѣда, уѣхалъ въ экипажѣ къ Севастополю, а мнѣ приказалъ передвинуть главную квартиру изъ Чургуна на Сѣверную, къ батареѣ № 4.

Между тѣмъ 10-я и 11-я дивизія къ ночи тихонько снялись съ позицій и скрытно перебрались—10-я въ Севастополь, а 11-я на Инкерманскія высоты.

— Что же это такое? подумалъ я,—вѣроятно, отмѣна?

Въ недоумѣніи бродилъ я около инженернаго домика; тамъ главнокомандующій совѣщался съ генералами. Поговариваютъ, завтра быть дѣлу, препоручается оно Данненбергу; спѣшатъ, чтобы союзники не открыли перемѣщенія нашихъ войскъ и не догадались о перемѣнѣ нашего намѣренія.

Я стою и жду у крыльца: совѣщанія кончились и свѣтлѣйшій, провожая генераловъ, сказалъ вполголоса:

— „Такъ завтра вечеромъ опять соберемся".

Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ. На столѣ, который, по тѣснотѣ комнаты, стоялъ наискось съ угла на уголъ, была разложена карта. Князь прикоснулся къ ней и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ:

— „Ничего, братецъ, они не понимаютъ! Данненбергъ говоритъ только о своихъ какихъ-то „крестовыхъ порядкахъ"; Павловъ не понимаетъ ситуаціи и Соймонову не могу втолковать... Долженъ отложить дѣло на сутки; а тутъ, того гляди, подъѣдутъ великіе князья... я ихъ жду съ часу на часъ".

Затѣмъ свѣтлѣйшій вкратцѣ объяснилъ планъ предстоящаго боя и я вышелъ отъ него, перебирая въ памяти всѣ предшествовавшія распоряженія главнокомандующаго, клонившіяся къ замаскированію настоящаго пункта атаки; при этомъ я вспомнилъ и о провожатыхъ. Опасаясь, чтобы не вышло какой нибудь путаницы, такъ какъ провожатые настроены къ наступленію отъ Чургуна, я рѣшился завтра напомнить генераламъ, чтобы они проводниковъ предупредили...

XII.

Окончивъ распоряженія о предстоявшемъ дѣлѣ, свѣтлѣйшій получилъ извѣстіе, что завтра, 23-го октября, прибудутъ въ Севастополь великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, т. е. пріѣздъ ихъ какъ разъ совпадалъ съ кануномъ дня, назначеннаго для сраженія; не было сомнѣнія, что ихъ высочества непремѣнно пожелаютъ въ немъ участвовать. Удержать или отклонить великихъ князей отъ ихъ намѣренія будетъ невозможно, но чѣмъ это можетъ кончиться? Не успѣвъ осмотрѣться, по юношеской неопытности, ихъ высочества скорѣе другихъ могутъ подвергнуться опасности... Эти соображенія много озабочивали главнокомандующаго.

23-го октября, передъ закатомъ солнца, великіе князья прибыли въ мѣсторасположеніе нашей главной квартиры. Такъ какъ мы ожидали прибытія ихъ высочествъ, то и встрѣтили дорогихъ гостей нашихъ при выходѣ изъ экипажа. Свѣтлѣйшій проводилъ ихъ въ инженерный домикъ, который уступилъ ихъ высочествамъ, перебравшись самъ въ караулку угольщика, до того времени занимаемую мною.

Когда совершенно смерклось, я усѣлся за самоваръ, поставленный

на обломкѣ ящика. На мой огонекъ подошли товарищи и присосѣдились къ моему чайнику. Рѣчь шла о томъ, какъ-бы отклонить участіе великихъ князей въ предстоящемъ дѣлѣ . . . . . .

. . . . . .

. . . . я пошелъ доложить главнокомандующему, что ихъ высочества непремѣнно желаютъ участвовать въ дѣлѣ.

Свѣтлѣйшій обратился къ содѣйствію генерала Философова, который, хотя и не ручался за успѣхъ своего посредничества, однакоже обѣщалъ переговорить съ великими князьями. Окончивъ свои объясненія съ генералами, командирами отдѣльныхъ частей, собиравшихся въ дѣло—свѣтлѣйшій вышелъ ко мнѣ и сказалъ шепотомъ:

— Не буди рано великихъ князей! Философовъ, можетъ быть, пособитъ... Дѣло будетъ кровопролитное и я очень безпокоюсь. Императрица, въ письмѣ, убѣдительно проситъ, чтобы я „берегъ ея дѣтей“... но скажи: какъ тутъ уберечь? Ну что, ежели, не дай Богъ, что̀ случится?!..

Раздѣляя опасенія свѣтлѣйшаго, я рѣшился всю отвѣтственность предъ ихъ высочествами принять на себя. Когда все стихло, я распорядился осѣдланіемъ лошадей и, въ ожиданіи разсвѣта, присѣлъ, совершенно готовый, въ конюшнѣ, принявъ твердое рѣшеніе не будить ихъ высочествъ...

Не довѣряя мнѣ, великіе князья, вѣроятно, не спали всю ночь, потому что, раннею зарею, были уже совершенно готовы. Когда Меншиковъ вышелъ, сѣлъ на лошадь и тронулся въ путь, то увидѣлъ, что ихъ высочества, со свитою, уже ѣхали впереди его. Это встревожило свѣтлѣйшаго; однако-же онъ поспѣшилъ догнать великихъ князей, привѣтствовалъ ихъ и благодарилъ за исправность.

Заслышавъ канонаду, мы стали подгонять нашихъ лошадей. Дорогою главнокомандующій сказалъ мнѣ:

— „А диспозицію-то Соймоновъ и Павловъ такъ мнѣ и не прислали!“

Подъѣхавъ къ Инкерманской плотинѣ, мы были задержаны переходомъ черезъ нее артиллеріи — аріергарда отряда Павлова. Это — насъ, знавшихъ распоряженіе по войскамъ, весьма удивило, такъ какъ мы, по времени, полагали, что всѣ части войскъ должны были находиться на мѣстѣ боя. Кромѣ того, на плотинѣ, намъ встрѣчались уже массы раненыхъ. Они тянулись къ Инкерману и многіе изъ нихъ сопровождали свое шествіе воплями и причитаніями.

Мы совершенно недоумѣвали, какимъ образомъ на плотину уже могли поспѣть раненые, коль скоро дѣло должно было происходить верстахъ въ четырехъ, а можетъ, и пяти отъ этого мѣста? Изъ

отвѣтовъ раненыхъ мы не могли себѣ составить никакого понятія о ходѣ дѣла. Наконецъ, встрѣтили адъютанта генерала Павлова, Алабина: онъ сообщилъ намъ, что взята англійская батарея, но что и самъ онъ не могъ добиться никакого толку, такъ какъ войска Соймонова спутались съ войсками Павлова. Извѣстіе, что Соймоновъ тяжело раненъ, встревожило свѣтлѣйшаго: онъ поскакалъ на подъемъ Сапунъ-горы. Въ это время мимо насъ пронесли на носилкахъ раненаго артиллерійскаго офицера Унковскаго. Картечь прошла ему между обѣими челюстями сбоку и лишила возможности закрыть ротъ, изъ котораго торчалъ обезображенный языкъ съ запекшейся кровью. Рану эту Унковской получилъ въ ту минуту, когда открылъ ротъ для командованія. Въ послѣдствіи я видѣлъ его въ Симферопольскомъ госпиталѣ, уже поправляющимся.

На площадкѣ Сапунъ-горы, повидимому въ довольно значительномъ разстояніи отъ мѣста битвы, насъ одолѣвали штуцерныя пули: изъ нашей свиты уже контузило снарядомъ адъютанта Грейга и флигель-адъютанта Альбединскаго, обоихъ въ голову.

Каждый очевидецъ Инкерманской битвы подтвердитъ, что присутствіе великихъ князей подъ боевымъ огнемъ служило важною нравственною поддержкою бодрости въ нашихъ войскахъ: одушевляя ихъ, великіе князья торопили аріергардъ, подгоняли отсталыхъ, не обращая вниманія на пули, пронизывавшія воздухъ.

Не понимая, въ какомъ положеніи дѣло, свѣтлѣйшій послалъ меня отыскать Данненберга и поразспросить его. Я поскакалъ по направленію къ верховьямъ Киленъ-балки и скоро нашелъ его. Данненбергъ стоялъ на правомъ флангѣ горячо дѣйствовавшей батареи... Лишь только я его завидѣлъ, какъ на ней взлетѣлъ зарядный ящикъ.

На мой вопросъ Данненбергъ сухо отвѣчалъ:

— Скажите главнокомандующему, чтобы онъ прислалъ мнѣ войска: у меня ничего нѣтъ; нѣтъ даже прикрытія артиллеріи и она почти вся подбита.

Въ это время, взглянувъ влѣво, я увидѣлъ пѣхоту, толпившуюся въ сторонѣ, поотдалъ отъ батареи. По пути, какъ туда, такъ и обратно, я встрѣчалъ непрерывныя кучки солдатъ, спѣшившія поперегъ моего направленія, лощинами, къ сторонѣ Инкермана и преслѣдуемыя штуцернымъ градомъ.

Когда я доложилъ свѣтлѣйшему отвѣтъ Данненберга, князь, подгоняя хвосты войскъ Павлова, послалъ меня вторично призвать генерала. Не доѣзжая того мѣста, на которомъ я оставилъ Данненберга, мы встрѣтились, и я передалъ ему желаніе свѣтлѣйшаго видѣть

его. Генералъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ самъ ѣдетъ къ князю, и просилъ указать ему направленіе, въ которомъ онъ можетъ найти главнокомандующаго. За генераломъ тянулась значительно пострадавшая, подлѣ него дѣйствовавшая батарея.

Когда и гдѣ главнокомандующій встрѣтился съ Данненбергомъ, этого не знаю; но посылая меня за нимъ въ третій разъ, свѣтлѣйшій сказалъ, что онъ, кажется, направился къ Севастополю. Изъ разговора съ Данненбергомъ, свѣтлѣйшій убѣдился, что дѣло проиграно, и немедленно предложилъ ихъ высочествамъ удалиться въ Севастополь: они повиновались главнокомандующему. Посылая меня за Данненбергомъ, свѣтлѣйшій увидѣлъ, что великіе князья уже въ Севастополѣ, ѣдутъ по оборонительной линіи и что по свитѣ ихъ открытъ огонь съ непріятельскихъ батарей. Онъ немедленно послалъ предупредить ихъ высочества о перемѣнѣ избраннаго ими пути.

Въѣхавъ, въ свою очередь, въ Севастополь, я никакъ не могъ сообразить, по какому направленію искать Данненберга; однако же я нашелъ его около тюремъ и сообщилъ ему желаніе главнокомандующаго, прося дождаться на мѣстѣ прибытія свѣтлѣйшаго. Данненбергъ слѣзъ съ коня и сѣлъ на камень; я же отправился въ обратный путь, къ князю, и вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ нимъ... Я отъѣхалъ въ сторону, чтобы не быть свидѣтелемъ ихъ разговора, вѣроятно крупнаго, по окончаніи котораго генералъ продолжалъ свой путь во внутрь Севастополя, а князь возвратился на Сапунъ-гору.

На Саперной дорогѣ мы встрѣтили артиллерію, а на площадкѣ горы, въ безпорядкѣ, обрывки пѣхоты. Главнокомандующій самъ принялся устраивать части; тутъ мнѣ очень пригодилось знаніе пѣшаго строя и я помогалъ князю. Единственный, какъ мнѣ кажется, бывшій при одной толпѣ офицеръ подошелъ къ свѣтлѣйшему и, растерявшись, извинялся за безпорядокъ, сказывая, что командиры всѣ выбыли изъ строя и, потому, не позволитъ ли главнокомандующій, вмѣсто выбывшихъ, поставить унтеръ-офицеровъ.

— „Поставьте“, отвѣчалъ главнокомандующій.

По счастью, въ это время онъ увидѣлъ Тотлебена, который тоже хлопоталъ собирая пѣхоту. Обрадованный князь поручилъ ему распорядиться, по усмотрѣнію, прикрытіемъ отступавшихъ частей, въ особенности пострадавшей артиллеріи. Зуавы уже были въ виду и положеніе было критическое, но Тотлебенъ молодецки отстоялъ постъ.

Имѣя при себѣ саперъ, Тотлебенъ все еще надѣялся какъ нибудь укрѣпиться на Сапунъ-горѣ, чего, однако, ему не удалось; положеніе его перемѣнилось: вмѣсто того, чтобы пѣхота прикрывала его работу, ему пришлось самому прикрывать ея отступленіе.

Успокоенный присутствіемъ Тотлебена на Сапунъ-горѣ, князь возвратился въ расположеніе главной квартиры, а меня послалъ въ Севастополь къ генералу Тимоѳѣеву—узнать что̀ происходило у него, такъ какъ, одновременно съ нападеніемъ нашимъ на англійскую позицію, онъ долженъ былъ совершить наступленіе отъ 6-го бастіона на французовъ.

Подъѣхавъ къ 6-му бастіону, я замѣтилъ, что солдатики наши несли на ружьяхъ и на носилкахъ большею частію все раненыхъ французовъ и на вопросъ мой: неужели наши раненые всѣ уже подобраны? получилъ въ отвѣтъ, что своихъ-то всякій подыметъ, а французика-то тоже жалко. Замѣчательно, что французы рисовались, позировались на носилкахъ, выражая или совершенную безпечность, или принимая картинное положеніе... Чудаки, до позировки-ли тутъ!

На обратномъ пути, подъ обрывами Сапунъ-горы, въ мертвомъ пространствѣ, я видѣлъ какъ начальство силилось разобрать по одиночкѣ спутавшіяся между собою части нашихъ войскъ, но мало успѣвало: тутъ и Кирьяковъ хлопоталъ. По плотинѣ непріятель еще палилъ съ Сапунъ-горы. За мостомъ, недалеко отъ фонтана и влѣво отъ дороги, собралось множество раненыхъ; ихъ спѣшили убирать и для этого ловили полуфурки, нагруженныя турами: онѣ все продирали мимо! Признаюсь, не мало труда стоило заставить фурштатовъ сбросить туры и уступить полуфурки раненымъ. Нагаекъ они не слушались, пришлось и мнѣ обнажить саблю для внушенія имъ чувствъ гуманности посредствомъ чувствительныхъ фухтелей! Туры назначались для саперныхъ работъ къ Тотлебену, такъ какъ главнокомандующій имѣлъ въ виду, въ случаѣ занятія нами Сапунъ-горы, укрѣпиться на ней. Теперь въ турахъ этихъ надобности не было и полуфурки ѣхали съ ними обратно.

По возвращеніи изъ дѣла, свѣтлѣйшій нашелъ у себя на столѣ копіи съ донесеній Соймонова и Павлова; прочитавъ, онъ приказалъ мнѣ отнести ихъ къ великимъ князьямъ.

Послѣ обѣда главнокомандующій послалъ меня навѣстить раненыхъ. Я началъ съ сарая, который былъ при батареѣ № 4; тамъ до пятидесяти коекъ, въ совершенномъ порядкѣ и чистотѣ, были заняты ранеными французами. Вмѣсто ожидаемыхъ мною стоновъ и оханья, я былъ пораженъ раскатами добродушнѣйшаго хохота. Прислушиваюсь къ разговору: товарищей забавляетъ одинъ французикъ съ отнятыми выше колѣнъ ногами. Онъ весело балагурилъ, представляя бѣшенство своего сапожника въ Парижѣ, когда тотъ узнаетъ, что ему сапоговъ уже болѣе не нужно.

Грустно мнѣ было слушать эту веселую болтовню несчастнаго.

Опрашивая страдальцевъ, я получилъ отъ всѣхъ выраженіе искренней признательности за участіе, оказываемое имъ русскими. Раненые, между прочимъ, любопытствовали знать: кто я такой? Узнавъ же, что я адъютантъ князя Меншикова и присланъ освѣдомиться о ихъ положеніи,—стали подниматься на койкахъ и выражали знаки своего почтенія, съ особымъ чувствомъ благодарности къ главнокомандующему. Замѣчательно уваженіе французовъ къ дисциплинѣ: они почитаютъ начальника и въ непріятелѣ, тогда какъ для нашего солдата будь непріятель генералъ, или рядовой—онъ разницы между ними не полагаетъ. Французъ—другое дѣло: ему непремѣнно нужно знать — какой чинъ на непріятельскомъ начальникѣ, есть ли у него ордена, чѣмъ командуетъ и т. п. и, по мѣрѣ полученныхъ имъ свѣдѣній, онъ оказываетъ непріятельскому начальнику знаки своего почтенія.

Такимъ образомъ, когда свѣтлѣйшему случалось встрѣчать плѣнныхъ французовъ, даже подъ карауломъ, они всегда отдавали ему честь. Не понимаю только, какъ они успѣвали узнавать отъ конвойныхъ, кто попадался имъ на встрѣчу, и самъ князь недоумѣвалъ, какъ французы его узнаютъ... Часто издали онъ предупреждалъ проводниковъ, чтобы они проходили мимо какъ бы не узнавая его, однако ему рѣдко удавалось попрепятствовать догадливости французовъ.

Изъ сарая, гдѣ помѣщались раненые, я направился къ Инкерману; тамъ на изволокѣ укладывали рядкомъ безконечное число раненыхъ; имъ едва успѣвали подавать пить; для перевязокъ же, просто, не хватало никакихъ средствъ. Они сами кое-какъ возились со своими ранами и терпѣливо покорялись необходимости. Дорогой я обогналъ три казенныя фуры съ тѣлами убитыхъ: трупы въ безпорядкѣ, какъ накиданныя дрова, наполняли телѣги; руки, ноги, головы мотались черезъ грядки, просовывались въ щели и стукались о колеса. Зрѣлище ужасное! Я невольно отвернулся; но солдаты, провожавшіе фуры, шутили и острили надъ неловкимъ положеніемъ труповъ, брошенныхъ въ телѣги на-скоро. Такова сила привычки видѣть убитыхъ непрерывно и ежедневно; такова безчувственность могильщиковъ. Я, напримѣръ, слышалъ такія рѣчи: „эхъ, сердечный, голова-то какъ болтается, пожалуй оторвется! А ты меня, Грузковъ, какъ повезешь хоронить, то положи сверху, чтобы попросторнѣе было!..“.

Кончился день, упитанный кровью, а сколько еще ужасовъ предстояло впереди!..

Размышляя о бѣдствіяхъ войны, я пробирался въ темнотѣ на сѣверную сторону, грустно опустивъ голову, и, не торопя лошадь, ѣхалъ ша-

гомъ. Было уже поздно; въ главной квартирѣ все утихло, когда моя лошадка остановилась у сарая. Въ конюшнѣ заржали лошади, привѣтствуя усталаго товарища; дежурный казакъ поднялся и я побрелъ къ своему уголку. Какъ кто спалъ въ эту ночь—не знаю, только всѣ притаились, никого не было слышно.

Когда я пробирался мимо бухты, то замѣтилъ въ темнотѣ чью-то высокую фигуру, стоявшую неподвижно. Я подошелъ и узналъ главнокомандующаго: поднявъ голову, онъ смотрѣлъ въ непроницаемый мракъ на Сапунъ-гору.

— „Что̀ раненые,—спросилъ онъ меня тихо,—успѣли-ли подобрать?“

— Подобрать-то, кажется, подобрали, только имъ плохо, ваша свѣтлость!—доложилъ я.

— „Да, нехорошо. Соймоновъ напуталъ, Богъ ему судья!“—заключилъ князь и опять повернулся туда, гдѣ еще не остыла свѣжая кровь.

Въ послѣдствіи, при обсужденіи причинъ потери сраженія, выяснилось, что солдаты и офицеры дрались отчаянно; каждый изъ частныхъ начальниковъ исполнилъ свой долгъ по силѣ возможности. Много было явлено одиночныхъ подвиговъ удальства; но могло ли все это утѣшить главнокомандующаго, потерявшаго столько войска, но не подавшагося ни на шагъ впередъ... Подъ гнетомъ отчаянія онъ томился грустью.

Свѣтлѣйшій, однако, не всю вину приписывалъ Соймонову, такъ какъ Данненбергъ выказалъ вполнѣ свою непрактичность въ боевыхъ распоряженіяхъ: онъ ничего не предусмотрѣлъ, ничего не предупредилъ; въ трудномъ случаѣ не нашелся, не умѣлъ выйти изъ дѣла и остался хладнокровнымъ—даже и не зрителемъ того хаоса, котораго самъ былъ причиною. Генералъ покинулъ разстроенныя войска въ страшномъ безпорядкѣ; уѣхалъ спокойно въ Севастополь, не заботясь ни о прикрытіи отступленія, ни объ устройствѣ полковъ, ни объ участи раненыхъ. Выѣхавъ изъ дѣла въ самую критическую минуту, Данненбергъ находился далеко-далеко отъ своего корпуса, когда Тотлебенъ, вовсе не причастный дѣлу, но какъ охотникъ, по одному слову главнокомандующаго, отстоялъ путь нашего отступленія.

Какъ было не сокрушаться о потерѣ такого сраженія какъ Инкерманское! При удачѣ—Чургунскій отрядъ могъ напасть на союзниковъ съ тыла... Вѣдь 60 нашихъ свѣжихъ, чудныхъ, какъ на подборъ, эскадроновъ кавалеріи, въ числѣ которыхъ 40 отличнѣйшихъ эскадроновъ драгунъ, могли ворваться въ непріятельскій станъ и сорвать осаду.

XIII.

Раннимъ утромъ, 25-го октября, главнокомандующій объѣхалъ раненыхъ, распорядился ихъ размѣщеніемъ и проѣхалъ къ Чургунскому отряду.

Здѣсь, изъ донесеній князя П. Д. Горчакова усматривалось, что онъ, за неудавшейся атакой Данненберга, не рѣшился самъ предпринять ничего серьезнаго, опасаясь тѣмъ прибавить урону этому кровавому дню.

Парламентеръ, вызванный непріятелемъ для переговоровъ о погребеніи тѣлъ убитыхъ, возвратился при насъ и разсказывалъ, что союзники въ отчаяніи, что вылазка изъ Севастополя причинила имъ много вреда.

На слѣдующій день свѣтлѣйшій объѣзжалъ бивуаки пострадавшихъ полковъ, и солдаты знакомыхъ ему частей, съ остатками офицеровъ, толпой окружали князя, наперерывъ разсказывали, что̀ каждому удалось сдѣлать въ сраженіи, и вообще всѣ были веселы вслѣдствіе сознанія, что каждый, на чью долю выпало бороться съ непріятелемъ, сдѣлалъ все, что могъ. Это можно было заключить по ихъ живымъ и чистосердечнымъ разсказамъ. Въ Тарутинскомъ полку свѣтлѣйшему передали, что когда англичане опять заняли отнятую у нихъ батарею, то наши войска столпились передъ ней и стрѣляли изъ колонны черезъ головы товарищей, такъ какъ батарея была на высотѣ. Сзади подошелъ Селенгинскій полкъ и его взялъ задоръ и онъ давай палить тоже вверхъ; но пули его, не долетая, падали на тарутинцевъ и отъ этого у нихъ бо̀льшая часть была ранена своими. Бородинцы и всѣ офицеры подтвердили это. Поэтому главнокомандующій Селенгинскаго полка не благодарилъ, а сухо упрекнулъ солдатъ. Селенгинцы и не подозрѣвали вреда, который нечаянно надѣлали тарутинцамъ.

Изъ всѣхъ слышанныхъ разсказовъ невозможно было вывести заключенія, что̀ и какъ происходило. Ясно было только одно: что отрядъ Соймонова наступалъ не по той сторонѣ балки, по которой слѣдовало. Въ тѣсномъ мѣстѣ встрѣчаясь съ непріятелемъ послѣдовательными частями, онъ по частямъ былъ и разбитъ до прибытія отряда Павлова, съ которымъ, въ его очередь, повторилось тоже самое. Разстроенныя части разсыпались по балкамъ и скатамъ Сапунъ-горы, кто куда попалъ. Поэтому возстановить дѣло не было никакой возможности.

На другой день, я, какъ знакомый съ мѣстомъ расположенія нашихъ войскъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ сопровождать великихъ князей по бивуакамъ всѣхъ отрядовъ. Мнѣ привелось быть счастливымъ свидѣтелемъ того восторга, съ которымъ ихъ высочества были встрѣчены солдатами. Мы посѣтили Бельбекъ, Инкерманъ, Чургунъ, и возвратились не рано.

Какъ ни огорченъ былъ главнокомандующій потерею Инкерманскаго сраженія, но его утѣшала бодрость духа, встрѣченная имъ въ пострадавшихъ войскахъ: свѣтлѣйшій поспѣшилъ засвидѣтельствовать объ этомъ государю императору всеподданнѣйшимъ донесеніемъ отъ 27-го октября (за № 465) и приказалъ представить себѣ списки отличившихся, для выдачи наградъ. Но неудача Инкерманскаго сраженія повліяла на упадокъ духа севастопольскаго гарнизона, а по оборонительной линіи поднялась суматоха, такъ какъ тамъ полагали, что союзники, ободренные успѣшнымъ отбитіемъ нашего нападенія, рѣшатся приступить къ штурму. Подобное настроеніе опять породило въ защитникахъ города лихорадочную дѣятельность и томительное, безпрестанное ожиданіе штурма. Вслѣдствіе этого неоднократно были фальшивыя тревоги, поднимались съ обѣихъ сторонъ канонады, губительно дѣйствовавшія на гарнизонъ; у насъ было даже нѣсколько взрывовъ пороховыхъ погребовъ. Много тратилось пороху, снарядовъ, и потеря въ людяхъ была значительная... Такъ протекли послѣдніе дни октября.

Главнокомандующій, не раздѣляя опасеній гарнизона, расчитывалъ, напротивъ, что потери союзниковъ въ Инкерманскомъ бою были на столько ощутительны, что они еще не скоро рѣшатся на какое нибудь предпріятіе. Съ этой стороны онъ былъ покоенъ, но сокрушался объ утратахъ въ гарнизонѣ, совершенно непроизводительныхъ; удерживать-же встревоженныхъ моряковъ онъ не могъ.

Подозрѣвая упадокъ духа въ союзной арміи и унынie, поддерживаемое безнадежностью и ненастнымъ временемъ года, свѣтлѣйшій еще думалъ самъ воспользоваться этимъ: съ этой цѣлію онъ просилъ прислать ему изъ Николаева еще пѣхотныхъ войскъ: надобно было пополнить убыль въ полкахъ. Въ особенности ощущался у насъ недостатокъ въ лицахъ начальствующихъ и въ правильной организаціи штаба главнокомандующаго. Объ этомъ князю просто некогда было хорошенько и подумать; время было горячее, спѣшное. Ему приходилось поспѣвать повсюду; цѣлые дни и ночи онъ проводилъ въ движеніи; при его преклонныхъ лѣтахъ, надобно было удивляться, какъ еще его всюду доставало. Въ себѣ одномъ онъ, можно сказать, совмѣщалъ цѣлый штабъ главнокомандующаго.

Наконецъ, 1-го ноября, свѣтлѣйшій вызвалъ къ себѣ генерала Семякина и назначилъ его начальникомъ штаба, на мѣсто временно исполнявшаго эту должность полковника Герсеванова, назначеннаго, въ свою очередь, исправлять должность генералъ-квартирмейстера. Вуншъ исправлялъ должность директора канцеляріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, завѣдывалъ продовольственною частью войскъ. Свѣтлѣйшій привыкъ съ нимъ работать и потому возлагалъ на него другія порученія, которыя Вуншъ, по мѣрѣ возможности, умѣлъ исполнять въ точности. Въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ, а директоромъ канцеляріи—Александръ Дмитріевичъ Крыловъ.

Замедленіе въ этихъ распоряженіяхъ можно себѣ объяснить, какъ неимѣніемъ подъ рукою способныхъ или свободныхъ лицъ, такъ и тѣмъ, что до сихъ поръ мы были какъ на горячихъ угольяхъ, въ безпрестанномъ ожиданіи катастрофы, долженствующей рѣшить участь войны. Никто не думалъ, что война затянется; каждый день и каждую ночь мы ожидали рѣшительнаго боя; главнокомандующій не снималъ сюртука съ плечъ; сна почти не зналъ.

Пребываніе великихъ князей въ арміи требовало однако необходимой обстановки — и вотъ, за батареей № 4, на площадкѣ, устроился изрядный лагерь для чиновъ, состоявшихъ при великихъ князьяхъ, и для конвоя. Весело забѣлѣли палатки и оживилась мрачная наша жизнь. Раздались звонкіе, молодые голоса; послышались пѣсни, хохотъ; говоръ не умолкалъ; поднялась бѣготня, веселая суета; по вечерамъ появились огоньки въ палаткахъ, устраивались кружки у самоваровъ. Главная квартира какъ будто сбросила съ себя покровъ угрюмости, самый ея составъ освѣжился, помолодѣлъ. Повеселѣлъ и главнокомандующій и на его лицѣ появилась улыбка: онъ всегда любилъ молодежь съ ея свѣтлыми надеждами, любилъ ободрять молодыхъ людей, помогать имъ развиваться и радовался ихъ успѣхамъ.

Достойно удивленія было его всегдашнее умѣнье подмѣчать добрыя наклонности юноши, ухватиться за его способности и руководить имъ, непримѣтно для него самого, до тѣхъ поръ, покуда тотъ не оперится. Пріемы князя, которыми онъ развивалъ человѣка, полны были такой деликатности, такого такта, что питомецъ скоро свыкался съ мыслію, что онъ дѣлалъ все самъ, не замѣчая, что къ тому его за руку привелъ свѣтлѣйшій. Многіе даже забывали, чѣмъ были въ данномъ случаѣ обязаны исключительно ему, и случалось, что они, усвоивъ что либо отъ свѣтлѣйшаго, потомъ ему-же сообщали за свое. Князь не только не разубѣждалъ ихъ, но всегда старался поддерживать въ нихъ увѣренность въ ихъ собственныхъ способностяхъ и тѣмъ придавалъ своимъ ученикамъ чувство самоуваженія.

Когда мнѣ случалось бывать свидѣтелемъ подобной самолюбивой забывчивости, то, признаюсь, хвастливый ученикъ былъ мнѣ противенъ и я порывался уличить его, но воздерживался, понимая намѣреніе князя побудить человѣка этимъ путемъ къ самодѣятельности.

Сохраняю воспоминаніе объ одномъ человѣкѣ, который чрезвычайно благородно принималъ подобныя поощренія и всегда улавливалъ князя на словѣ, возражая ему на похвалы:

— Помилуйте, ваша свѣтлость, за что вы меня хвалите? Вѣдь вы сами указали мнѣ какъ сдѣлать!

А князь ему отвѣчаетъ, разводя руками:

— „Не помню, не помню"!

Но честный Тотлебенъ (то былъ онъ) не успокоится, бывало, а, при выходѣ, возьметъ меня за руку и говоритъ съ добродушнѣйшей улыбкой:

— Панаевъ, вѣдь вы помните? Князь при васъ же мнѣ толковалъ и, когда мнѣ удалось исполнить его планъ, онъ же благодаритъ за выдумку... Князь, просто, меня конфузитъ!

Когда же мнѣ не случалось бывать свидѣтелемъ доклада Тотлебена, а князь опять такимъ-же образомъ его „конфузилъ", то онъ послѣ отыскивалъ меня и непремѣнно жаловался на свѣтлѣйшаго.

Отличный человѣкъ былъ Тотлебенъ, пріятный, обходительный и всегда веселый. Мы всѣ его очень любили и какъ только онъ, бывало, пріѣдетъ къ намъ на Сѣверную, такъ мы и спѣшимъ его окружить. Онъ не тяготился разспросами и, со свойственной ему доброй, простой и привлекательной манерой говорить, охотно отвѣчалъ каждому.

Свѣтлѣйшій не только высоко цѣнилъ Тотлебена, но душевно любилъ его больше всѣхъ въ Севастополѣ: ни прежде, ни послѣ не зналъ я человѣка, котораго бы онъ такъ любилъ, какъ Тотлебена.

И то можно сказать, что Тотлебенъ былъ счастливъ расположеніемъ и довѣренностью къ себѣ князя Меншикова. Онъ не забывалъ того, что князь подготовилъ его на славный инженерный постъ и еще продолжалъ руководить при оборонѣ Севастополя. За эту-то скромность, за безкорыстную преданность дѣлу, за заслуги при севастопольской оборонѣ, князь Меншиковъ поставилъ Тотлебена на пьедесталъ, сооруженный всѣмъ русскимъ и европейскимъ міромъ защитнику Севастополя. Самъ князь отклонился отъ почестей, предоставивъ Тотлебену пожинать лавры. На долю свѣтлѣйшаго достались клеветы, нелѣпицы, на него взведенныя,—на нихъ онъ и не возражалъ.

Тотлебенъ былъ послѣднимъ и славнѣйшимъ питомцемъ въ военной дѣятельности князя Меншикова. Наставникъ и ученикъ имѣли право гордиться другъ другомъ.

Въ лагерѣ главной квартиры пріютился и я, разбивъ себѣ палатку, а подлѣ меня помѣстился мой почтенный другъ Николай Саввичъ Мартыновъ, только что прибывшій въ распоряженіе главнокомандующаго.

Мартыновъ, человѣкъ пожилой, изъ отставки вновь поступилъ на службу артиллеріи штабсъ-капитаномъ. Добылъ себѣ турецкую, остроконечную палатку, взятую въ Балаклавскомъ дѣлѣ на редутахъ. Казацкій офицеръ, отъ котораго Мартыновъ ее пріобрѣлъ, аккуратно поставилъ палатку и, по случаю вѣтра къ ночи 1-го ноября, обложилъ полы ея каменьями и, впустивъ въ нее пріѣзжаго, наложилъ камень и на дверцу.

Уютно, на прекрасной складной кровати, улегся Мартыновъ, выражая сосѣдямъ свое благополучіе и неизреченную благодарность казаку-благодѣтелю. Кромѣ того, какъ изнѣженный сибаритъ, онъ пріѣхалъ къ намъ въ прекрасномъ тарантасѣ съ фордекомъ и привезъ съ собой камердинера-итальянца, стараго и преуморительнаго. Онъ помѣстилъ его въ тарантасѣ, возлѣ палатки.

Когда всѣ улеглись, вѣтеръ сталъ свѣжѣть, а послѣ полуночи пошелъ дождикъ, все сильнѣй да сильнѣй, наконецъ пріударилъ ливнемъ и разыгралась буря.

Палатка моя промокла насквозь; спасенія въ ней уже не было: ее качало, рамка трещала, коробилась и полы наваливались на меня. Вдругъ, слышу отчаянный крикъ Мартынова. Турецкая палатка влажными своими объятіями одолѣвала его и тащила къ среднему колу; высвободиться изъ ужасныхъ объятій онъ не могъ; полы, обложенныя камнями, бурею подтащило къ серединѣ... Мартыновъ звалъ на помощь своего итальянца, но тотъ отвѣчалъ изъ засады, что ему такъ хорошо въ тарантасѣ, что онъ не рѣшается вылѣзть изъ него въ такую дурную погоду и совѣтуетъ лучше своему господину идти къ нему. Но какъ же идти? Въ палаткѣ уже на четверть воды, Мартыновъ въ одномъ бѣльѣ и выкарабкаться не можетъ, двери закрутило, и парусинныхъ полъ, обремененныхъ камнями, онъ приподнять не въ силахъ. Когда разсвѣло, моя палатка не устояла: порывомъ бури сорвало и ее и всѣ до одной палатки въ лагерѣ, разомъ. По обыкновенію, и ночью одѣтый какъ днемъ, въ большихъ сапогахъ, я спрыгнулъ съ койки въ воду и бросился спасать свой тулупчикъ. Не успѣлъ сдѣлать и двухъ прыжковъ, какъ порывомъ вѣтра меня опрокинуло въ лужу и насилу-насилу я достигъ угла своего сарайчика: сунулъ туда мой неразлучный тулупчикъ... Оглядываюсь—и лагеря какъ будто и не бывало, его снесло и торчала одна только турецкая палатка Мартынова, но въ какомъ видѣ! Ее закрутило улиткообразно и совершенно

прижало къ среднему колу. Некогда было мнѣ заботиться о томъ, что́ въ палаткѣ дѣлалъ мой пріятель, я бросился на берегъ бухты: свѣтлѣйшій ночевалъ на „Громоносцѣ“.

Почти на четверенькахъ я добрался къ берегу. Вѣтеръ рвалъ такъ, что, кажется, могъ унести меня на воздухъ и единственнымъ спасеньемъ было—лечь на землю. „Громоносецъ“ былъ выкинутъ на берегъ: князь, при помощи матросовъ, спускался въ шлюбку, которую никакъ не могли удержать у борта, она металась какъ бѣшеная... Но вотъ, князь уже въ шлюбкѣ; за нимъ стали на рукахъ спускать Камовскаго, съ портфелемъ, но онъ какъ-то сорвался и упалъ въ море! Ловкіе матросы мигомъ выхватили и его и портфель. Камовскаго. почти безъ чувствъ, вынесли на берегъ; онъ совершенно окоченѣлъ: его въ сторожкѣ раздѣли, завернули въ спасенный мною тулупчикъ и едва отогрѣли пуншемъ. Онъ заговорилъ лишь черезъ часъ.

Какъ ужасны условія войны! Мы радовались этой бурѣ, потому что она крушила непріятельскія суда. Люди гибли простирая руки къ небу, а мы?.. Мы чуть не пронизывали ядрами погибавшихъ. Любопытно было посмотрѣть на печальное зрѣлище, но добраться до берега было такъ трудно, что не стоило и предпринимать поѣздки. Мы были увѣрены, что море возьметъ свое.

Князь Ухтомскій, храбрый и добрый молодой человѣкъ, рѣшился попытаться спасать погибавшихъ. Онъ отпросился у главнокомандующаго и пустился на борьбу съ бурею. Не буду говорить о томъ, какого труда стоило ему добраться до устья Качи; на выброшенной шлюбкѣ, съ казаками вмѣсто матросовъ, князь Ухтомскій, съ неимовѣрными усиліями, нѣсколько разъ достигалъ борта судна, нагруженнаго французской кавалеріей: упрашивалъ непріятелей сойти на берегъ, обѣщая имъ спасеніе... Но они не рѣшались. Между тѣмъ, шлюбка не въ состояніи была держаться, ее выбросило на сушу; князь съ казаками опять стащилъ ее въ воду, опять достигъ до судна, опять сталъ предлагать помощь—и опять напрасно! Всѣ его попытки были безуспѣшны и кавалеристы погибли въ морѣ... По странному предубѣжденію, французы полагали, вѣроятно, что въ рукахъ у русскихъ имъ будетъ хуже, нежели на днѣ морскомъ. Измученный Ухтомскій возвратился на другой день и все тужилъ о томъ, что ему не удалось спасти французскихъ кавалеристовъ.

Союзный флотъ много пострадалъ въ бурю 2-го ноября: насчитывали до тридцати судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ виду береговъ Крыма; изъ нихъ половина была судовъ военныхъ и большаго размѣра, да кромѣ того многія суда потеряли рангоутъ. На погибшихъ транспортахъ находились части войскъ, теплая одежда, снаряды, по-

рохъ. Наши суда на рейдѣ тоже порядкомъ потерпѣли: буря тащила ихъ съ якорей, наваливала другъ на друга, прижимала къ скаламъ и сажала на камни. Дѣятельность во флотѣ кипѣла; несчастные случаи были предупреждены. Безъ поврежденій не обошлось, но они были незначительны.

На другой день рано, когда утренній туманъ только что разсѣивался, мнѣ случилось быть на пароходѣ „Громоносецъ", откуда въ это время было усмотрѣно, что блокшифъ корабля „Силистрія", который былъ затопленъ на лѣвомъ флангѣ линіи загражденія рейда, вдругъ показался изъ-подъ воды. Какъ мертвецъ изъ гроба, одинъ изъ дѣдовъ черноморскаго флота поднялся со дна морскаго,—послѣ страшной бури, взглянуть на внучатъ.

„Силистріею" долгое время командовалъ Нахимовъ и когда, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, корабль состарѣлся и пришлось сдавать его въ портъ, то Павелъ Степановичъ очень сокрушался, не признавая еще дряхлости корабля „Силистрія". Теперь корабль этотъ, точно въ подтвержденіе защиты бывшаго своего командира, одолѣлъ море и всплылъ на поверхность, какъ бы доказывая этимъ свою силу.

Это зрѣлище несказанно поразило моряковъ и они вскрикнули въ удивленіи:

— „Силистрія" встаетъ изъ мертвыхъ!

Дѣйствительно, было что-то таинственно-грозное въ этомъ появленіи со дна морскаго стараго корабля и многіе дѣлали по этому поводу разныя суевѣрныя предположенія. По изслѣдованію оказалось, что корпусъ блокшифа оставался на днѣ, а всплыла лишь оторванная палуба съ бортами. Въ послѣдствіи, черезъ семь мѣсяцевъ (въ іюнѣ 1855 года), когда Нахимовъ былъ смертельно раненъ, говорили, что „Силистрія" напророчила ему смерть.

Буря 2-го ноября нанесла намъ суровую непогоду: наступило ненастье, пошли дожди, подули вѣтры, холодъ, снѣгъ, даже морозы. Союзники бѣдствовали, да и намъ было не хорошо, хотя обтерпѣлый нашъ народъ былъ привыченъ къ своему климату и умѣлъ управляться съ нимъ. Все же войска изнурялись лишеніями по недостатку подвозовъ: дороги были адскія. Люди на бивуакахъ еще кое-какъ укрывались отъ непогоды въ шалашахъ и норкахъ; но лошади въ коновязяхъ быстро изводились и кавалерія вскорѣ была не въ состояніи нести аванпостную службу. Около половины ноября главнокомандующій приказалъ отправлять кавалерію частями по деревнямъ къ сторонѣ Евпаторіи на поправку. Когда эти войска размѣстились по квартирамъ, то за Алмой, въ покинутыхъ деревняхъ, находили въ домахъ много сгнившихъ труповъ англичанъ, кучами, въ повалку. Это были раненые въ

Алминской битвѣ, не подобранные своими. По разсказамъ плѣнныхъ, захваченныхъ тогда казаками, можно было заключить, что бо́льшая часть раненыхъ притащилась къ берегу, когда флотъ уже снимался съ якоря. На призывъ ихъ никто не отозвался и они такъ и погибли: кто тутъ-же на берегу, а кто посильнѣе — тотъ забрелъ въ деревни и погибалъ здѣсь отъ ранъ и голоду, въ невыразимыхъ мученіяхъ. Когда трупы несчастныхъ были убраны, то смрадъ, внѣдрившійся въ жилищахъ, былъ такъ силенъ, что его невозможно было выносить: дома такъ и остались незанятыми войсками.

Такъ нашей многочисленной кавалеріи и не удалось получить примѣненія къ дѣлу; она составила для арміи болѣе бремя, нежели принесла пользы. Лошади обезсилѣли до того, что не въ состояніи были нести всадника; главнѣйшей тому причиною былъ, разумѣется, недостатокъ фуража.

Въ послѣдствіи думали воспользоваться лошадьми для транспортированія провіанта на вьюкахъ, но и это не удалось.

Неблагопріятное для военныхъ дѣйствій время года вынудило враговъ къ взаимному затишью. Никакихъ движеній предпринять было невозможно; грунтъ совершенно растворился, распалзывался подъ ногами, налипалъ на нихъ.

Пользуясь временемъ, союзники ограждали свою позицію съ тылу и съ праваго фланга непрерывнымъ рядомъ укрѣпленій и вскорѣ сдѣлали ее неприступною. Между тѣмъ, траншеями они значительно приблизились къ Севастополю и одолѣвали насъ штуцернымъ огнемъ. Для нашихъ амбразуръ потребовались заслонки, но онѣ оказались какъ-то непрактичны: представленные главнокомандующему образцы были неудовлетворительны и общаго примѣненія не получили.

Въ это время участились вылазки и легкія стычки съ непріятелемъ; какъ союзники, такъ и наши, желая воспользоваться непогодой, пускались въ маленькія предпріятія и наталкивались другъ на друга. Къ намъ, на Сѣверную, часто приводили плѣнныхъ, перебѣжчиковъ, и представляли ихъ главнокомандующему вмѣстѣ съ удальцами, ихъ захватывавшими. Офицеры, начальники вылазокъ, часто присылались къ свѣтлѣйшему для личнаго изъясненія дѣла.

Такъ тянулось время нашего тяжкаго, безотраднаго положенія. Ненастье, недостатокъ пріюта утомляли свѣтлѣйшаго; послѣ тяжкихъ трудовъ онъ не находилъ себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью, ни на пароходѣ, ни въ караулкѣ.—Тоска и бѣдственное положеніе войскъ, вынужденное бездѣйствіе, наконецъ, преклонныя лѣта при мучительномъ хроническомъ недугѣ, до того разстроили тѣлесныя и нравственныя силы князя, что онъ опасался окончательно слечь и пере-

могался потому только, что въ арміи не имѣлъ въ виду лица, которому могъ-бы передать свой трудный постъ.

Стараясь управляться съ тѣми лицами, которыя онъ уже приспособилъ къ дѣлу, свѣтлѣйшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорожилъ ихъ силами и рабочимъ временемъ. Поэтому, избѣгая безъ особой нужды отрывать ихъ отъ дѣла, онъ часто самъ отправлялся работать къ нимъ на квартиру.

Не смотря на разбросанное помѣщеніе и отдаленность квартиръ за горами и балками, князь, послѣ вечерняго доклада, бывало, что нибудь вспомнитъ, сядетъ на лошака и отправляется: ночь, темнота, грязь, вѣтеръ, дождикъ, снѣгъ—его не останавливаютъ. Казакъ идетъ впереди съ фонаремъ; князь за нимъ пробирается, рискуя сорваться съ кручи въ оврагъ, но подобныя опасенія ему не приходили и въ голову; онъ думалъ свою думу и ѣхалъ на Сухую-балку къ Вуншу, а оттуда, совсѣмъ въ противуположную сторону—къ Семякину.

Утомляясь не по силамъ, князь самъ всегда заботился о покоѣ другихъ и дорожилъ силами каждаго. Такъ, напримѣръ, въ подобныя тревожныя ночи, онъ, бывало, даже не приказывалъ дожидаться себя шлюбкѣ, отвозившей его на пароходъ, гдѣ ему ночевать было спокойнѣе. Князь не желалъ безпокоить капитана и утомлять матросовъ и ложился на берегу въ караулкѣ, въ душномъ, маленькомъ чуланѣ.

Вскорѣ въ нашу армію на мѣсто Данненберга прибылъ баронъ (нынѣ графъ) Д. Е. Остенъ-Сакенъ.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1854.

XIV [1]).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1854 г. князь Меншиковъ очень безпокоился, опасаясь за недостатокъ провіанта. Онъ писалъ князю М. Д. Горчакову, прося его пособить горю. Вслѣдствіе этого изъ южной арміи высланы были сухари, которыхъ мы ждали съ большимъ нетерпѣніемъ. Около этого времени, когда подвозы были почти невозможны и въ арміи ощущался до извѣстной степени голодъ, сухари, послѣ частыхъ задержекъ въ пути, наконецъ прибыли. Прибыли, но какъ? ихъ подтаскивали частицами, и многіе подводчики, истинные мученики, похоронивъ въ грязи воловъ или лошадей, подлѣ погрязнувшихъ возовъ, приходили въ штабъ, спрашивая, что имъ дѣлать?

— Что дѣлать? отвѣчали имъ, да ничего: такъ и идите домой пѣшими, какъ есть. Вотъ вамъ и все. Война, братцы, одно слово — война, ничего не сдѣлаешь. Идите съ Богомъ и спасибо, что хоть сами уцѣлѣли.

— Такъ, батюшки, такъ! отвѣчали горемыки и уходили, а потомъ возвращались съ грузомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Иной бѣднякъ вторично загубитъ скотинку и опять придетъ.

— Ты, говорятъ ему, другой разъ здѣсь—и грязи не побоялся?

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506; 699—711. Томъ XIX, стр. 53—80.

— Да чего, батюшки, бояться? Мы видали какой есть Севастополь, такъ вдругорядь смѣлѣй.

— Вѣдь ты ужъ разъ поморилъ лошадей, зналъ какова дорога...

— Какъ не знать, родимые, знали; только мы теперь съ „бонь-бами“. Значитъ—надо везти...

Невольно подивишься, что это за славный народъ! онъ своимъ не дорожитъ, лишь бы сдать въ исправности кладь, и очень доволенъ тѣмъ, что ему не вмѣнили въ преступленіе его бѣдствія. Ни разу не случилось мнѣ услышать жалобу или требованіе за убытки. Этотъ народъ какъ будто былъ радъ, что и на его долю выпадало принесеніе жертвъ на защиту Севастополя; но самъ онъ своего подвига не сознавалъ, да и гдѣ ему было отрыть въ себѣ эти похвальныя чувства. Они проявлялись въ немъ проблесками, именно въ томъ спокойствіи, съ которымъ мужичекъ принимался за вторичный подвозъ боевыхъ снарядовъ или продовольствія.

Расчитывали подводчиковъ щедро; но они брали деньги, не зная имъ счета, только благодарили за неожиданную плату и потомъ, когда опять собирались со средствами, жертвовали ими на новую перевозку.

При всѣхъ затрудненіяхъ, сухарей навезли въ большомъ количествѣ, чему главнокомандующій былъ очень радъ. Команды, нарочно для того наряжаемыя, разбирали сухари съ брошенныхъ подводъ и пѣшіе приносили ихъ на себѣ, дѣлая такимъ образомъ сами пріемку ихъ довольствія.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней, главнокомандующій, взявъ меня съ собою, поѣхалъ къ войскамъ, расположеннымъ на Инкерманскихъ высотахъ. Проѣзжая мимо бивуака казаковъ, еще близь главной квартиры, мы замѣтили на разостланныхъ рогожахъ какіе-то черные комки, которые сушили казаки. Принявъ это за табакъ, вытащенный изъ моря съ разбитыхъ судовъ, мы съ княземъ еще посмѣялись этой добычѣ.

Дорогою, кн. Александръ Сергѣевичъ жаловался на неудачи и неурядицы въ различныхъ особенно важныхъ распоряженіяхъ по военному вѣдомству.

— Какъ же было въ прежнія войны, ваша свѣтлость?

Князь махнулъ рукой и, не взглянувъ на меня, проговорилъ:

— „То же самое было; такъ же воевали“.

Потомъ, помолчавъ, онъ продолжалъ:

— „Войны не каждый день бываютъ. Начнется—всѣмъ ново; путаютъ, попадаются въ просакъ, дѣлаютъ ошибки за ошибками... наконецъ выучиваются, дѣло пойдетъ на ладъ, а война кончается. Съ окончаніемъ войны все забываютъ; историки врутъ; наука не по-

дается впередъ; ошибки, безпорядки — шиты и крыты. Новая война: новыя ошибки на старый ладъ, или наоборотъ—старыя ошибки на новый ладъ—и ловко сочиненныя реляціи обманываютъ не только безучастныхъ, но убаюкиваютъ вниманіе и самыхъ вліятельныхъ лицъ; имъ пріятнѣе выслушивать слова утѣшенія и они не только не добираются до истины, но, напротивъ, какъ бы отворачиваются отъ нея. Утихаетъ война и шумно подымается рой писакъ и валяютъ, кто во что горазд! Разсказы очевидцевъ отрывчаты и всегда клонятся къ украшенію частныхъ эпизодовъ боя; общаго хода дѣлъ въ горячее время никто не выслѣживаетъ; событія смѣняются событіями и нить этой послѣдовательной смѣны утрачивается. Проходятъ годы: являются историки, собираютъ матеріалы и зарываются въ ихъ лабиринтѣ; были смѣшиваются съ небылицами, провѣрить нѣтъ возможности—и историкъ въ затрудненіи. При томъ, часто не будучи практикомъ военнаго дѣла, онъ начнетъ пригонять факты по теоріи вѣроятія, заблуждается и невольно искажаетъ сущность происшествія. Въ горячей работѣ своей, распаляя воображеніе, онъ представляетъ себя полководцемъ и двигаетъ полки по картѣ, быть можетъ и такъ, какъ бы оно должно было быть на самомъ дѣлѣ. Однако, въ сущности этого не случилось и непосвященный въ таинства военной науки читатель остается въ заблужденіи... Да этого мало: самъ авторъ сочиненной имъ исторіи, увлекаясь удачной пригонкой и ловкимъ изложеніемъ происшествій, доходитъ до того, что совершенно добросовѣстно вѣритъ въ свой же вымыселъ!“

Произнося эти памятныя для меня слова, кн. Меншиковъ оживился: онъ рѣдко высказывался, особенно когда приходилось разочаровывать слушателя. Потомъ онъ опустилъ голову и долго ѣхалъ молча, задумавшись. Наконецъ, какъ бы продолжая рѣчь, произнесъ:

— „Я не доживу, но ты будешь читать исторію!“

Въ благоговѣніи слушалъ я мудраго старца, который лучшіе и самые впечатлительные годы жизни посвятилъ служенію на ратномъ полѣ и пролилъ на немъ не мало своей крови[1]). Я не проронилъ ни

[1]) Во все время службы кн. Меншиковъ былъ раненъ три раза. Первый разъ пулею въ правую ногу, подъ Рущукомъ, въ 1810 году; второй—пулею же въ лѣвое бедро, подъ Парижемъ, въ 1814 г. Отъ этой раны бокъ его остался на всю жизнь искривленнымъ. Третій разъ, при осадѣ Варны въ 1828 году, князь получилъ жесточайшую рану ядромъ, которое, пролетѣвъ у него между ногъ, вырвало мускулы обѣихъ лядвей. Болѣе году онъ вылежалъ въ постели и потомъ страдалъ всю жизнь; еще въ 1854 г., въ Крыму, для предохраненія пораненныхъ мѣстъ отъ прикосновенія къ сѣдлу, пристегивалъ къ нимъ лубки. Кромѣ того, организмъ его со времени полученія раны былъ такъ потрясенъ, что князь подвергался частымъ и продолжительнымъ кровотеченіямъ. Этотъ хроническій не-

одного слова изъ его рѣчи, и не могло быть иначе: я слушалъ образованнѣйшаго государственнаго мужа въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ юныхъ лѣтъ, независимо отъ военнаго поприща, онъ подвизался на разнообразныхъ постахъ дѣятельности государственной и всегда былъ неусыпнымъ стражемъ чести и славы Россіи. Его уму каждый образованный человѣкъ отдавалъ преимущество, но не чувствовалъ стѣсненія въ присутствіи князя Александра Сергѣевича, который не только не кичился своими способностями передъ людьми, но скорѣе дѣлился ими.

Объѣхавъ бивуакъ, князь обозрѣлъ аванпосты, выставленные отъ Инкерманскаго отряда генерала Липранди; провѣрилъ направленіе цѣпи. Возвращаясь по линіи резервовъ, мы застали въ послѣднемъ резервѣ ужинавшихъ солдатъ: они черпали изъ манерокъ какую-то жидкость, похожую на кофе, вылавливая въ ней кусочки, черные какъ угольки. Эта похлебка обратила на себя вниманіе князя; онъ привѣтствовалъ людей обычнымъ пожеланіемъ „хлѣба-соли“, пристально посмотрѣлъ на кушанье и проѣхалъ мимо, приказавъ мнѣ слѣзть съ лошади и попробовать пищу. Я исполнилъ приказаніе князя и крайне удивился, когда, отвѣдавъ, увидалъ, что это былъ не кофе, а вода, окрашенная сухарями послѣдней пріемки. Опредѣлить вкусъ этой жидкости было невозможно: она пахла гнилью и драла горло.

Догнавъ главнокомандующаго, я доложилъ ему о томъ, чѣмъ питаются солдаты. Его какъ бы передернуло и онъ почти вскрикнулъ:

— „Ахъ, это вѣрно изъ южной арміи намъ прислали тѣ самые сухари, которые во множествѣ были забракованы войсками Горчакова. Интендантство сбыло ихъ ко мнѣ и то, что мы давеча видѣли съ тобой на рогожахъ, былъ не тютюнъ, какъ ты мнѣ сказалъ, а тѣ же несчастные сухари!“

Стиснувъ зубы, Меншиковъ погналъ лошадь чрезъ кусты и рытвины, напрямки домой. Было уже темно, когда мы прибыли въ главную квартиру. Князь немедленно послалъ за Вуншемъ и долго съ нимъ

дугъ сопровождался лихорадочными и другими припадками. Въ февралѣ 1855 г. развитіе этой болѣзни лишило, наконецъ, князя возможности оставаться въ Крыму. Онъ уѣхалъ и надобно еще подивиться, какъ его натура могла такъ долго бороться съ нравственными и физическими потрясеніями; какъ на бивуакахъ, въ свои 68 лѣтъ, имѣя сломанными, въ 1847 г., два ребра, съ фонтанелями на обѣихъ рукахъ и подверженный наслѣдственной подагрѣ, кн. Меншиковъ такъ счастливо все перенесъ. Даже въ теплыхъ покояхъ ему трудно было уберечься отъ приступовъ подагры,—тутъ же искать спасенія было негдѣ. Однако, во все военное время подагра его не безпокоила, чему, вѣроятно, способствовала необыкновенно дѣятельная жизнь князя. А. П.

совѣщался. На другой день главнокомандующій, очень разстроенный, призвалъ меня:

— „Поѣзжай къ Липранди и попроси его научить меня, что̀ мнѣ дѣлать съ этими негодными сухарями? Липранди—человѣкъ практичный и бывалый: авось что нибудь придумаетъ, а я растерялся. Какъ, цѣлая армія должна ѣсть гнилушки!“

Пріѣхавъ къ Липранди, я передалъ ему о томъ тревожномъ положеніи, въ которомъ оставилъ князя. Липранди, выслушавъ меня очень спокойно, отвѣтилъ:

— Видѣлъ и знаю эти сухари: съѣдятъ! Скажите князю, чтобъ онъ не безпокоился и, главное, не примѣчалъ бы ихъ, да не подымалъ исторіи. Другихъ нѣтъ: на нѣтъ и суда нѣтъ! Солдаты видятъ, чего стоило и эти-то сухари привезти; они не жалуются. Не надо показывать и виду, что вы ихъ жалѣете. Ну, какъ нибудь подправимъ; въ ротахъ это сдѣлаютъ.... И я вамъ скажу: чѣмъ солдатъ голоднѣе, тѣмъ онъ злѣе; намъ того и нужно: лучше будетъ драться. Дайте-ка имъ теперь непріятеля: разорвутъ!

. . . . . .

Спокойствіе, съ которымъ говорилъ Липранди о неизбѣжныхъ тягостяхъ арміи въ военное время, заставило смотрѣть на эти дѣла равнодушно. Когда я передалъ главнокомандующему отзывъ Липранди, Меншиковъ съ грустною улыбкою сказалъ:

— „Липранди правъ; исторіи затѣвать не надо. Замѣнить этого провіанта нечѣмъ, по неволѣ приходится его ѣсть. Но какую-же шутку сыграло со мною интендантство южной арміи: ловко же оно воспользовалось нашей крайностью“.

Горю помогали какъ могли и ропота въ войскахъ не было слышно.

Въ другой разъ князь посылалъ меня къ Липранди въ одинъ изъ морозныхъ дней декабря (числа не помню). Съ вечера выпалъ снѣгъ и стало крѣпко морозить. Главнокомандующій тревожился всю ночь и посылалъ по бивуакамъ приказаніе къ начальникамъ частей—наблюдать, чтобы солдаты не спали, а грѣлись тѣлодвиженіями, и чтобы фельдфебеля и взводные не теряли изъ виду своихъ людей. Между тѣмъ морозъ возрасталъ и къ утру, если не ошибаюсь, достигъ до 7°. Рано утромъ Меншиковъ послалъ меня провѣдать бивуаки. Стужа была такъ сильна, что я опасался найти изнобленныхъ, однако ничего не бывало. На бивуакахъ Инкерманскаго отряда я засталъ солдатъ веселыхъ и довольныхъ морозомъ; о себѣ они не думали, а радовались, что союзникамъ, людямъ непривычнымъ, вѣроятно, приходится жутко. У насъ пострадавшихъ отъ морозу не было.

— Доложите князю, что у насъ и тепло и все благополучно,

сказалъ Липранди. На морозъ мы не жалуемся: онъ высушилъ нашъ лагерь.

Затѣмъ, генералъ повелъ меня въ ближайшій баталіонъ, дабы я, лично убѣдясь въ томъ, какъ грѣется нашъ народъ, могъ успокоить князя. Шалашики, покрытые снѣгомъ, казались миніатюрными палатками; сдѣланные изъ вѣтвей кустарника, они были прикрыты землей, которая теперь замерзла какъ кора и образовала плотную кровлю. Внутри шалашей, посрединѣ, въ ямкѣ, горѣлъ огонекъ и было тепло: въ верху кровли у многихъ продѣланы были отверстія, чтобы выходилъ дымъ; искусники съумѣли даже устроить нѣчто въ родѣ трубъ, чтобы дымъ лучше тянуло.

— Видите, — сказалъ Липранди, — мы не замерзнемъ; успокойте князя.

Вообще этотъ дѣльный генералъ вселялъ къ себѣ довѣренность, какъ войскъ, такъ и главнокомандующаго: на Липранди можно было положиться. Вездѣ, гдѣ только онъ чувствовалъ себя отвѣтственнымъ начальникомъ, былъ исполнителенъ, какъ нельзя лучше. За то, сознавая себя подначальнымъ, чего онъ крайне не любилъ, онъ какъ-бы умывалъ руки и содѣйствія его ближайшій начальникъ уже не ожидай. Меншиковъ его хорошо понялъ и говорилъ ему въ глаза: „вы— прекрасный начальникъ, но плохой подчиненный". Эти соображенія побудили главнокомандующаго перемѣстить Липранди изъ Чургунскаго отряда, гдѣ старшимъ былъ князь П. Д. Горчаковъ, на Инкерманъ.

По отъѣздѣ Великихъ Князей въ Петербургъ, въ первыхъ числахъ декабря, Меншиковъ расположился на зимовку опять въ инженерномъ домикѣ. Тутъ у него было двѣ комнатки: одна служила ему спальной, другая—пріемной.

Разъ, вечеромъ, князь, жалуясь на свои недуги, сообщилъ мнѣ, что онъ просилъ ихъ высочества доложить Государю о его разстроенномъ здоровьи, вслѣдствіе чего онъ полагаетъ, что состоится Высочайшее повелѣніе, по которому вмѣсто него будетъ назначенъ другой. Не ожидая подобнаго извѣстія, я вытаращилъ глаза и произнесъ какъ бы про себя:

— Да кого же могутъ назначить сюда? Кто можетъ здѣсь замѣнить вашу свѣтлость?

Замѣтивъ мое удивленіе, князь поспѣшилъ отвѣтомъ:

— „А князь Михаилъ Дмитріевичъ? Вѣроятно, его пришлютъ и дѣла пойдутъ лучше; у него организованная армія. Вмѣсто того, чтобы отрывать у нея части на подкрѣпленіе къ намъ, полезнѣе ввести всю его армію и задавить врага, что онъ, вѣроятно, и сдѣлаетъ".

— Но, ваша свѣтлость, непріятель будетъ торжествовать, если вамъ придется оставить Севастополь.

— „Отчего это?“

— Оттого, ваша свѣтлость, что имя князя Горчакова не внушаетъ опасеній непріятелю. Въ Алминскомъ сраженіи, англичане, зная, что князь Горчаковъ былъ противу нихъ, лѣзли на мостъ съ большимъ упорствомъ. Принимая Петра Дмитріевича за Михаила Дмитріевича, они говорили, какъ вы сами изволите помнить, что у нихъ сложилось мнѣніе: тамъ, гдѣ войсками предводительствуетъ князь Горчаковъ—бой не страшенъ.

— „Не знаю, почему англичане сдѣлали о князѣ Горчаковѣ такое заключеніе,—возразилъ свѣтлѣйшій. Горчаковъ былъ всегда храбрымъ и удалымъ офицеромъ, а въ молодости бывалъ смѣлымъ предводителемъ охотниковъ. Не разъ пускался въ отчаянныя предпріятія“.

Послѣ этого разговора князь долго стоялъ задумавшись надъ картою. Видя, что во мнѣ болѣе нѣтъ надобности, я откланялся и хотѣлъ уйти, но князь, повернувшись ко мнѣ, сказалъ съ улыбкою:

— „Прощай. Такъ ты не желаешь, чтобы сюда пріѣхалъ князь Горчаковъ?“

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость; я думаю только, что онъ не согласится. Какъ тутъ управиться новому человѣку? Ему все будетъ дико.... Вѣдь это совершенно исключительное положеніе.

— „А я такъ думаю напротивъ: онъ будетъ доволенъ назначеніемъ“.

Выйдя отъ князя, я не придавалъ особеннаго значенія этому разговору, полагая замѣщеніе князя несбыточнымъ, надѣясь на поправленіе его здоровья. Такъ какъ дѣятельность Меншикова не ослабѣвала, то я вскорѣ позабылъ сдѣланный мнѣ намекъ и былъ совершенно спокоенъ.

Около этого времени пріѣзжалъ къ намъ изъ южной арміи генералъ-интендантъ Затлеръ. Полезными своими совѣтами онъ успокоилъ князя и снискалъ себѣ его расположеніе. Пріѣхалъ и знаменитый нашъ операторъ Н. И. Пироговъ, дѣятельность котораго была почтена всею Россіей. Штабъ главнокомандующаго былъ въ самомъ ограниченномъ составѣ—импровизованный, менѣе корпуснаго. Будучи облеченъ въ званіе главнокомандующаго только 8-го октября 1854 г., князь Меншиковъ неоднократно письменно просилъ военнаго министра о присылкѣ ему хотя главныхъ чиновниковъ, въ особенности генералъ-интенданта и генералъ-квартирмейстера, указать же самъ ни на кого не брался, потому что оставилъ сухопутное вѣдомство болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ. Послѣ долгихъ ожиданій, онъ получилъ увѣдомленіе военнаго министра, что на должность генералъ-интенданта ему

посылается генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, вице-директоръ коммисаріатскаго департамента. На сколько князь уважалъ брата его, Николая Ивановича, долгое время служившаго у него, на столько зналъ малозначительность посылаемаго.

— „Что я буду съ нимъ дѣлать,—сказалъ князь Крылову,—онъ старъ (болѣе 70-ти лѣтъ), мало свѣдущъ и тученъ такъ, что не войдетъ въ мою избушку. Пошлите пожалуйста на встрѣчу ему фельдъегеря, чтобы онъ вернулъ его обратно"—что и было исполнено.

Для облегченія перевозки провіанта и фуража устроены были двѣ большія команды. Надъ этимъ дѣломъ весьма усердно трудился полковникъ Д. К. Гербель.

Изъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ главную квартиру, князь оставлялъ при себѣ весьма немногихъ, обращая вниманіе лишь на способнѣйшихъ. Штабъ его почти не увеличивался, отчего каждому работы было вдоволь и трудились всѣ безъ устали. Умѣя цѣнить и ободрять полезныхъ своихъ сотрудниковъ, Меншиковъ, однако же, не спѣшилъ награждать ихъ матеріально, хотя и не упускалъ случая высказывать имъ свое удовольствіе и свидѣтельствовать о ихъ трудахъ Государю Императору. Къ чести лицъ, отличаемыхъ княземъ, можно по совѣсти сказать, что ни въ одномъ изъ нихъ не было замѣтно алчности къ наградамъ: никто не искалъ ихъ и не домогался; каждый довольствовался сознаніемъ исполненія своего долга, довѣренностію и расположеніемъ главнокомандующаго, который, какъ извѣстно, даромъ ихъ не расточалъ.

Такъ какъ въ это время все вниманіе было устремлено на снабженіе арміи необходимымъ, то, понятно, что у насъ перебывало множество пріѣзжихъ, какъ изъ Петербурга, такъ и изъ другихъ мѣстъ Россіи. Не мало было и такихъ посѣтителей, которые чаяли тутъ кстати что нибудь и заполучить, на что у князя была удивительная проницательность, и таковыхъ гостей онъ спѣшилъ спроваживать, съ подобнаго рода предисловіями:

— „Не смѣю васъ удерживать: васъ ожидаютъ съ отвѣтомъ" или: „ахъ, какъ вы кстати пріѣхали! у меня совсѣмъ готово донесеніе.... Вы, вѣроятно, проголодались съ дороги? Закусите у насъ хорошенько, покуда вамъ приготовятъ лошадей".

На кормленіе курьеровъ обращалъ особенное вниманіе А. Д. Камовскій. „А то посланный скажетъ",—замѣчалъ онъ,—„что армія умираетъ съ голоду!" Бывало, онъ намекалъ князю, чтобы онъ послалъ гостя хоть проѣхаться по оборонительной линіи.

— „Нѣтъ!—отвѣтитъ Меншиковъ,—онъ только запасется матеріалами для бо̀льшаго вранья; пусть себѣ съ Богомъ ѣдетъ!"

Толкамъ, судамъ-пересудамъ и сплетнямъ въ Петербургѣ не было конца; переходя изъ устъ въ уста, они проникали даже во дворецъ и совершенно напрасно тревожили покойнаго Императора, и безъ того душою скорбѣвшаго за Севастополь и за армію. Каждое неблагопріятное извѣстіе вредно вліяло на здоровье Государя. Справедливость частныхъ слуховъ не всегда можно было провѣрить; нелѣпая сплетня, укореняясь въ общественномъ мнѣніи, принимала обманчивое подобіе истины и какъ червь подтачивала довѣріе къ главнокомандующему. Меншиковъ очень хорошо это понималъ. Не говоря уже о томъ, чего стоило ему отписываться по этому предмету, сколько тратилось понапрасну и заботъ и времени,—замѣтимъ только, что оно вліяло на самый ходъ дѣлъ, ослабляло въ князѣ энергію, самое же главное — тревожило Императора. Вотъ почему главнокомандующему были ненавистны органы пустыхъ толковъ, именно частныя переписки о военныхъ дѣйствіяхъ, съ неумѣстными заключеніями.

Считая — и не безъ основанія—орудіями сплетень прибывавшихъ тогда въ армію изъ Петербурга сестеръ милосердія, князь ихъ не слишкомъ-то жаловалъ, отзываясь, что ихъ услуги, расточаемыя раненымъ, бѣдственно вліяютъ на духъ здоровыхъ частей арміи. „Женщины“,—говорилъ онъ,—„не зная сущности военныхъ дѣлъ, на лету подхватываютъ всякій вздорный слухъ, дѣлаютъ изъ мухи слона, пишутъ въ Петербургъ кумушкамъ—а тѣ бьютъ въ набатъ и производятъ кутерьму. Женскіе языки подлиннѣе и поворотливѣе нашихъ. Уходъ севастопольскихъ женщинъ за ранеными — дѣло другое: это свои и сору изъ избы не вынесутъ!“

Отзывъ князя былъ рѣзокъ, но быть можетъ справедливъ. Дѣйствительно, севастопольскія женщины, прослѣдивъ съ самаго начала ходъ военныхъ дѣйствій, хорошо ознакомились со средствами и нуждами войны; имъ она была уже не въ диковинку; онѣ втянулись во всѣ бѣдствія и были проникнуты тѣми же самыми чувствами самопожертвованія, которыми были одушевлены и всѣ защитники Севастополя. Пріѣхавшія изъ Петербурга сестры милосердія, послѣ удобствъ столичныхъ больницъ, встрѣтили у насъ, говоря сравнительно, цѣлый омутъ ужасовъ: онѣ не могли не быть подавлены тяжкими впечатлѣніями; не могли, конечно, утерпѣть, чтобы не подѣлиться этими впечатлѣніями со своими, оставшимися въ столицѣ, родными и знакомыми. Можно себѣ вообразить, въ какихъ выраженіяхъ писались ихъ письма, заключавшія въ себѣ разсказы о кровавыхъ событіяхъ на театрѣ войны и за его кулисами—куда сестры милосердія вдругъ были перенесены изъ мирной столицы! До сего времени всѣ ихъ представленія о войнѣ были и ниже и безцвѣтнѣе дѣйствительности.

Многія лица, пріѣзжавшія изъ Петербурга въ главную квартиру, добивались позволенія съѣздить посмотрѣть Севастополь и при этомъ чистосердечно признавались князю, что имъ совѣстно возвратиться въ столицу не повидавъ Севастополя.

— Что́ же мы будемъ разсказывать? говорили они. Вѣдь насъ атакуютъ распросами, ваша свѣтлость; да и самимъ-то обидно уѣхать, не побывавъ на укрѣпленіяхъ: подумаютъ, что мы побоялись....

Сочувствуя такому естественному желанію, кн. Александръ Сергѣевичъ многимъ изъ пріѣзжавшихъ дозволялъ осмотрѣть городъ, давая имъ даже спутниковъ, знакомыхъ съ условіями подобныхъ поѣздокъ. Нерѣдко онъ поручалъ посѣтителямъ отвезти въ Петербургъ какіе нибудь предметы вооруженія непріятельскихъ войскъ.

Такъ, разъ, одинъ изъ чиновниковъ военнаго министерства, маіоръ Денисовъ (славный такой человѣкъ), не удосужась побывать въ Севастополѣ, очень этимъ сокрушался и, выражая мнѣ свое горе, просилъ сообщить ему „что нибудь интересное", какъ матеріалъ для разсказовъ. Не будучи расположенъ снабжать его сюжетами для разсказовъ, я уклонился и тѣмъ болѣе, что уже для Денисова приготовлены были лошади.

— Да какъ же это я поѣду съ пустыми руками? Дайте мнѣ отвезти хоть что нибудь,—упрашивалъ онъ.

— Что нибудь? Да вотъ, возьмите трехпудовую бомбу и везите! сказалъ я ему шутя.

Денисовъ обрадовался: схватилъ бомбу, потащилъ ее на перекладную, и поскакалъ въ Петербургъ. „Угоститъ она его дорогой", подумалъ я. Бомба эта, правда, была разряжена, но формы конической и весьма неуклюжая для укладки. Воображаю, что́ она выдѣлывала на перекладной телѣгѣ и какъ отъ нея доставалось ногамъ Денисова. „Вѣроятно, онъ ее броситъ дорогой".... Пожалѣлъ я—о бомбѣ.

Но Денисовъ бомбы не бросилъ, а упорно боролся съ нею цѣлую дорогу. Курьерскія несутся во весь духъ; бомба прыгаетъ, катается въ телѣгѣ, но храбрый Денисовъ, преодолѣвая всѣ неудобства, нянчится съ бомбой и бережетъ ее какъ сокровище. Наконецъ, на одной станціи, гдѣ-то уже въ Малороссіи, бомба успокоилась, телѣгу по грязной черноземной дорогѣ не колыхало и Денисовъ задремалъ... Вдругъ, о ужасъ! Онъ пробуждается, ощупываетъ дно телѣги—бомбы нѣтъ! У Денисова волосы стали дыбомъ: въ телѣгѣ оказалась дыра и бомба въ нее улизнула. „Стой, стой! бомба пропала"! Денисовъ спрыгиваетъ съ телѣги, подлѣзаетъ подъ нее, шаритъ, ощупываетъ... а ночь—хоть глазъ выколи, дорога черная, грязь глубокая. Въ совершенномъ отчаяніи топчется Денисовъ кругомъ телѣги, не зная на что рѣшиться: не

бросить-же бомбу! Опять принимается за поиски: побрелъ назадъ, ощупывая грязь на каждомъ шагу руками и ногами, въ томъ предположеніи, что бомба ушла въ нее съ ушами. Но „усердіе все превозмогаетъ“: отважный Денисовъ нашелъ, наконецъ, бомбу, но успѣхомъ своихъ поисковъ едва-ли кому похвастался. Не легко было вытащить бомбу изъ грязи; пришлось, просто, руками откапывать, потомъ—тащить ее до телѣги, а бомба-бестія изъ рукъ скользитъ, едва удержишь... Теперь и въ телѣгу ее нельзя положить, а до станціи вези на колѣняхъ!...

Помаялся Денисовъ съ бомбой порядкомъ; прикатилъ въ Москву и прямо на станцію желѣзной дороги. Внесъ бомбу въ залу: его обступили, стали распрашивать... а Денисовъ и сболтни: везу-молъ бомбу въ Петербургъ, на показъ Государю! Не успѣлъ опомниться, его—въ экстренный поѣздъ, и въ Петербургъ: здѣсь уже ждетъ его фельдъегерь, выхватилъ изъ поѣзда и во дворецъ; бомба съ нимъ.

По этому полу-комическому эпизоду, разсказанному мнѣ потомъ самимъ Денисовымъ, можно судить съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили тогда за событіями въ Севастополѣ; какъ жаждали получить изъ этого города и ничтожнѣйшую вѣсть.

XV.

Насталъ роковой 1855-й годъ....

Въ ожиданіи возвращенія Великихъ Князей изъ Петербурга, имъ приготовлялось помѣщеніе въ Сухой-балкѣ, въ домѣ таможеннаго вѣдомства. Штабъ главнокомандующаго, до этого времени здѣсь помѣщавшійся, перевели къ сторонѣ Сѣвернаго укрѣпленія. Меншиковъ страшно перемогался, но работалъ неустанно; опасаясь слечь, онъ спѣшилъ исполнить и распорядиться важнѣйшими дѣлами, а таковыхъ была бездна. Наконецъ, непомѣрные труды и заботы свалили его, но не прекратили его занятій. Семякинъ, бывая у князя по дѣламъ, сообщалъ мнѣ свои опасенія, чтобы князь въ конецъ себя не замучилъ.

То оправляясь, то опять заболѣвая, Александръ Сергѣевичъ кое-какъ поддерживалъ свое здоровье. Съ пріѣздомъ ихъ высочествъ, 15-го января, бытъ нашъ снова оживился. Великіе Князья, въ милостивомъ вниманіи къ ихъ ратнымъ сослуживцамъ, пригласили къ себѣ, разъ и навсегда, къ завтракамъ, къ обѣду и къ чаю всѣхъ лицъ, состоявшихъ въ штабѣ главнокомандующаго, и пріѣзжавшихъ изъ Севастополя начальствующихъ чиновъ. Всѣ спѣшили, конечно, воспользоваться этимъ и многіе бывали у ихъ высочествъ ежедневно. Радушіе и гостепріимство Великихъ Князей образовали у насъ, на Сѣверной, отдѣльный центръ, къ которому направлены были общія стремленія; другой центръ состав-

лялъ главнокомандующій и къ нему направлялись лица должностныя съ вопросами, донесеніями, докладами. Доброе, веселое расположеніе Великихъ Князей влекло къ себѣ всѣхъ жаждавшихъ отрады и отдыха послѣ трудовъ. Многіе, исполнивъ служебныя обязанности въ одномъ центрѣ, спѣшили отвести душу въ другомъ. Меншиковъ, вполнѣ понимая подобное стремленіе, былъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы посѣтители неумѣстными разсказами не тревожили юнаго воображенія Великихъ Князей, и, помнится, говаривалъ:

— „Теперь вы пойдете къ ихъ высочествамъ: всего имъ не говорите; есть вещи, которыя не должны выходить изъ главной квартиры".

Бывали дни, когда припадки болѣзни приводили князя Меншикова въ такое изнеможеніе, что онъ былъ вынужденъ заниматься дѣлами лежа, и даже такъ принималъ штабныхъ лицъ. Не одинъ разъ случалось, что директоръ канцеляріи Александръ Дмитріевичъ Крыловъ, очень разстроенный по выходѣ отъ князя, дѣлился со мною тяжкими впечатлѣніями, которыя онъ выносилъ изъ пріемнаго покоя, гдѣ, чуть живой, распростертый на старенькомъ, плохенькомъ диванишкѣ, лежалъ главнокомандующій, диктуя Крылову донесеніе свое Государю.

— „Вообразите себѣ мое положеніе,—разсказывалъ онъ,—я, съ картономъ и карандашомъ, сижу противъ князя; онъ лежитъ навзничь и говоритъ чуть слышно, такъ, что я принужденъ наклоняться, чтобы ловить звуки его голоса... Вдругъ замолчитъ, закроетъ глаза, блѣдный какъ смерть, и, кажется, не дышетъ: и я недоумѣваю, сижу-ли я передъ живымъ, или уже передъ мертвымъ. Это мимолетное недоумѣніе надрываетъ душу: пошевельнуться не смѣю, звать на помощь не рѣшаюсь, изъ опасенія потревожить, можетъ быть, дремоту. Обморокъ смѣняется обморокомъ, но каждый разъ, очнувшись, князь продолжаетъ диктовать, только спроситъ, на чемъ мы остановились? Иногда обморокъ длится до получасу, и, надобно полагать, что страдалецъ борется съ этимъ состояніемъ, потому что, когда мощная его натура преодолѣетъ, наконецъ, забытье, то онъ съ нервнымъ усиліемъ откроетъ глаза и ротъ, какъ-бы отъ электрическаго толчка, такъ что я невольно каждый разъ вздрогну".

Здѣсь замѣчу, что Крыловъ прибылъ изъ Петербурга къ намъ, въ армію, съ порученіемъ отъ Его Высочества, Генералъ-Адмирала. Изъ нижеслѣдующаго предписанія Великаго Князя, въ свое время напечатаннаго, въ „Морскомъ С—кѣ", усматривается, въ чемъ именно заключалось это порученіе:

— 2-го ноября 1854 г. № 85. „Предписываю вамъ, по полученіи сего, отправиться въ Крымъ, къ князю Александру Сергѣевичу Меншикову, вручить его свѣтлости прилагаемое письмо и, получивъ его указанія,

заняться слѣдующимъ важнымъ порученіемъ, которое возлагаю на васъ, какъ особенную награду и доказательство моей довѣренности:

1) Посѣтить въ Крыму всѣхъ раненыхъ чиновъ морскаго вѣдомства, отъ адмирала до матроса, и семейства убитыхъ.

2) Собрать подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ: гдѣ, когда и какъ раненъ, гдѣ и въ какомъ положеніи находится, въ чемъ нуждается, чего желалъ бы для себя, или родныхъ, какъ идетъ леченіе ранъ и т. п.

3) Узнать, кто составляетъ семейства убитыхъ, чего желали бы?

4) Объявить всѣмъ помянутымъ лицамъ отъ моего имени, что все, что возможно, постараюсь сдѣлать для нихъ.

5) По мѣрѣ собранія помянутыхъ свѣдѣній о каждомъ, отъ адмирала до матроса,—доставлять оныя мнѣ, съ каждой почтой или курьеромъ, надписывая донесенія ваши на мое имя: въ собственныя руки.

6) По обозрѣніи такимъ образомъ всѣхъ раненыхъ, продолжать слѣдить за постепеннымъ выздоровленіемъ ихъ и доносить мнѣ о ходѣ леченія впредь до предписанія возвратиться въ Петербургъ.

7) Затѣмъ, поручается вамъ присылать въ инспекторскій департаментъ морскаго министерства письма раненыхъ къ ихъ роднымъ и друзьямъ, для немедленной разсылки.

Для облегченія васъ въ матеріальномъ трудѣ, вы можете взять съ собой состоящаго въ военно-походной канцеляріи писаря.

Прилагаю тысячу рублей для раздачи раненымъ и употребленія въ ихъ пользу, по собственному вашему усмотрѣнію, независимо той суммы, которая посылается съ вами въ распоряженіе князя Александра Сергѣевича, на этотъ же предметъ.

Мнѣ остается присовокупить, что вы постараетесь, конечно, исполнить это порученіе, по долгу христіанина, проникнутаго святою обязанностію помогать ближнему. Управляющій морскимъ министерствомъ „Константинъ“.

Благодаря заботамъ Его Высочества Генералъ-Адмирала,—вполнѣ выяснилось количество раненыхъ морскаго вѣдомства и приступлено было къ размѣщенію раненыхъ по Таврической губерніи. Ихъ во множествѣ отправляли въ Симферополь и Николаевъ; приглашены были колонисты, которые пріѣзжали на своихъ фурахъ и увозили къ себѣ раненыхъ. Для семействъ убитыхъ Крыловъ выхлопоталъ помѣщенія въ Симферополѣ и другихъ мѣстахъ Таврической губерніи.

Отчеты, присылаемые Крыловымъ, Его Императорское Высочество Великій Князь дѣлалъ извѣстными публикѣ черезъ напечатаніе ихъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, въ этомъ почтенномъ журналѣ, которому, кстати сказать, русская печать, русская мысль, русская жизнь—такъ много и много обязаны. Кто не знаетъ, что „Морской Сборникъ“

положилъ начало гласнаго обсужденія весьма многихъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ было тѣсно связано благосостояніе и развитіе нашего отечества.

XVI.

Перехожу къ разсказу о Евпаторійскомъ дѣлѣ.

Еще 18-го декабря 1854 года, флигель-адъютантъ, полковникъ Петръ Николаевичъ Волковъ, вручилъ кн. Меншикову рескриптъ Государя отъ 10-го декабря, и потомъ немедленно уѣхалъ въ Евпаторійскій отрядъ къ генералу Врангелю. Содержаніе рескрипта было слѣдующее:

—„Собирался отвѣчать на донесеніе твое отъ 1-го декабря, любезный Меншиковъ, какъ вчера вечеромъ получилъ увѣдомленіе отъ князя Горчакова, что онъ распорядился уже не только отправленіемъ въ Крымъ десяти баталіоновъ 10-й и 11-й дивизій, но, вслѣдъ за ними, и всей 8-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею. Совершенно одобряя эти распоряженія, остается мнѣ требовать, чтобы этому значительному и послѣднему [1]) подкрѣпленію было сдѣлано полезное употребленіе. Ежели справедливо свѣдѣніе, что непріятель готовитъ высадку у Евпаторіи или у Качи, то самое опасное дѣйствіе можетъ быть у тебя въ тылу; оно можетъ быть, однако, замедлено дѣйствіемъ кавалеріи, ежели генералъ Врангель пойметъ хорошо свою обязанность. Поэтому я передалъ флигель-адъютанту Волкову мои мысли, и желаю, чтобы онъ, передавъ ихъ тебѣ, сейчасъ ѣхалъ къ Врангелю и при немъ остался, покуда это дѣло не объяснится. Намѣреніе же слѣдовать на Перекопъ кажется мнѣ менѣе удобоисполнимымъ и по отдаленіи отъ Евпаторіи и по трудности высадиться ближе къ Перекопу. Но ежели это сбудется, то необходимо, чтобы первая пѣхота, которая подойдетъ, была обращена на подкрѣпленіе кавалеріи. Желательно, чтобы оно послѣдовало не ранѣе прибытія 8-й дивизіи, болѣе боевой, чѣмъ резервная бригада. Во всякомъ случаѣ я хочу, чтобы флигель-адъютантъ Герштенцвейгъ тамъ остался, въ случаѣ, если бы высадка совершилась, чтобъ смотрѣть за порядкомъ и за тѣмъ, чтобъ прибывающая пѣхота употреблена была дѣльно. Ежели непріятель будетъ напирать къ Перекопу въ большихъ силахъ, тогда, вѣроятно, надо будетъ соединить резервные баталіоны съ 8-й дивизіей, чтобъ не быть разбиту по частямъ, и тогда всѣми 26-ю баталіонами при 48-ми орудіяхъ пѣшихъ, соединясь съ кавалеріею Врангеля, отбросить непріятеля и возстановить прерванное, быть можетъ, временно, съ тобой сообщеніе.

[1]) Разрядкой напечатаны слова, подчеркнутыя въ подлинникѣ. А. П.

„Будемъ надѣяться, что всего этого не будетъ, или, по крайней мѣрѣ, не такъ скоро. Тогда, я полагаю, что надо, чтобы резервные баталіоны 10-й и 11-й дивизій шли не останавливаясь къ тебѣ въ Севастополь. Тамъ ты обрати ихъ сейчасъ на пополненіе дѣйствующихъ баталіоновъ своихъ полковъ, и отдѣли не медля кадры резервныхъ баталіоновъ съ ихъ знаменами и баталіонными командирами и, по крайней мѣрѣ, съ половиннымъ числомъ офицеровъ и, сведя въ сводные баталіоны, отправь, какъ скоро можно, назадъ, на первый случай въ Николаевъ. Что-же касается до 8-й дивизіи, я нахожу, чтобы ты ее непремѣнно оставилъ у Перекопа въ резервѣ, ибо за будущее никакъ ручаться нельзя, а безъ значительной пѣхоты тутъ все можетъ быть потеряно.

По свѣдѣніямъ черезъ Вѣну,—полагать должно, что бомбардировка или возобновилась, или скоро это будетъ. Да поможетъ Господь милосердый и на сей разъ столь же славно отстояться. Будетъ ли штурмъ—не говорятъ. Когда все, что выше писалъ про пѣхоту, будетъ устроено, возврати мнѣ Герштенцвейга, онъ мнѣ нуженъ.

„Объ сыновьяхъ послѣ 1-го ничего не знаю; дай Богъ, чтобъ отъѣздъ ихъ не сдѣлалъ на войска дурнаго впечатлѣнія. Женѣ моей нѣсколько лучше, но еще очень слаба и бо́льшую часть дня въ постелѣ; сыновей возвращу къ вамъ сколь можно скорѣе.

„Резервные баталіоны Минскаго и Волынскаго полковъ полагалъ-бы тоже обратить на пополненіе своихъ полковъ, а кадры ихъ отослать назадъ.—Вотъ покуда и все. Обнимаю. Навсегда твой искренній доброжелатель Н“.

(Собственноручная приписка). „Сейчасъ по телеграфу изъ Москвы узналъ, что дѣти сегодня туда прибыли, а завтра должны быть здѣсь, и что у васъ по 3-е число все было благополучно. Слава Богу!

„Ф. А. (т. е. флигель-адъютанта) Волкова тогда мнѣ возврати, когда если высадки не будетъ, или отъ ней отбились; этихъ двухъ Ф. А. тебѣ отрекомендую, какъ самыхъ отличныхъ, способныхъ и вѣрныхъ офицеровъ, которыхъ душевно люблю, знаю ихъ и не охотно ихъ отъ себя удаляю, потому что они мнѣ очень нужны. Но теперь дѣло слишкомъ важно и на нихъ ты вполнѣ [1]) положиться можешь“.

Въ началѣ января поручено было очень дѣльному офицеру генеральнаго штаба, состоявшему тогда при Врангелѣ, подполковнику Батезатулу, обдумать проектъ нападенія на Евпаторію.

Однажды утромъ, въ первые дни по возвращеніи ихъ высочествъ изъ Петербурга, князь потребовалъ меня; я вошелъ и засталъ у него

---

[1]) Въ подлинникѣ это слово два раза подчеркнуто. А. П.

Волкова, только что прибывшаго изъ-подъ Евпаторіи. По случаю болѣзни, Меншиковъ былъ принужденъ принять его въ спальнѣ. Озабоченный Волковъ при мнѣ откланялся, а князь, видимо взволнованный, приподнялся съ постели и, съ трудомъ утвердившись на ногахъ, сказалъ прерывающимся голосомъ:

— „Государь все настаиваетъ на взятіи и разрушеніи Евпаторіи; поручилъ Волкову присутствовать при этой экспедиціи и дозволяетъ мнѣ на этотъ предметъ располагать 8-й дивизіей. Надо исполнить монаршую волю. Хотя бы намъ и удалось разрушить Евпаторію, но удержать ее за собой мы не можемъ: она совершенно открыта съ моря! Наряди расторопнаго вѣстоваго“,—заключилъ свѣтлѣйшій,—„который повезетъ приказаніе Врангелю; оно у меня будетъ скоро готово. Я вызываю Врангеля сюда“.

Врангель не замедлилъ прибыть въ главную квартиру и послѣ объясненія съ главнокомандующимъ тотчасъ-же уѣхалъ обратно. Проводивъ его, князь въ этотъ день вышелъ на воздухъ и, встрѣтясь со мною, разсказалъ, что Врангель, находя дѣло взятія Евпаторіи слишкомъ труднымъ, отклоняетъ отъ себя начальство надъ экспедиціей; онъ представляетъ на видъ, что ему, какъ кавалерійскому генералу, опасно взяться за такое дѣло, какова атака укрѣпленнаго города, тѣмъ болѣе, что въ прежнюю кампанію, онъ, Врангель, былъ еще только эскадроннымъ командиромъ.

—„Это хорошо, что онъ остороженъ“,—заключилъ Меншиковъ,—„но я всетаки послалъ его—хорошенько, на мѣстѣ, обдумать атаку, и, обсудивъ это дѣло вмѣстѣ съ Батезатуломъ, возвратиться съ нимъ сюда“.

Врангель и Батезатулъ пріѣхали къ главнокомандующему и оба, не видя шансовъ на успѣхъ взятія Евпаторіи, просили князя устранить ихъ отъ вліятельнаго участія на дѣло. Тогда главнокомандующій вызвалъ генерала Степана Александровича Хрулева и, не отстраняя добросовѣстнаго и осторожнаго Врангеля, предложилъ Хрулеву, независимо отъ соображеній, представленныхъ Врангелемъ,—сдѣлать свое заключеніе о вопросѣ нападенія на Евпаторію, и затѣмъ, въ качествѣ начальника артиллеріи Евпаторійскаго отряда, пособить Врангелю при устройствѣ нападенія. Хрулевъ охотно согласился, поѣхалъ на мѣсто, а Меншиковъ, обнадеженный, что теперь атака на Евпаторію состоится, уже послалъ Волкова и меня присутствовать при этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ, мнѣ было замѣтно, что главнокомандующій, употребляя съ своей стороны все, что отъ него зависѣло, для исполненія предначертаній Государя, какъ будто желалъ внутренно, чтобы генералы, не смотря на всѣ его возбужденія къ Евпаторійскому дѣлу, всетаки отказались отъ этого предпріятія. Авторитетъ двухъ военачаль-

никовъ, одного—осторожнаго, другаго—предпріимчиваго, подтвердилъ бы собственное мнѣніе князя, что Евпаторію брать не стоитъ, и такимъ образомъ онъ могъ бы имѣть поддержку для убѣжденія и успокоенія Государя.

Осмотрѣвъ подробно укрѣпленія Евпаторіи, помощію неоднократныхъ и послѣдовательныхъ рекогносцировокъ въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, Хрулевъ донесъ главнокомандующему, что онъ надѣется овладѣть Евпаторіей. Между тѣмъ, Врангель, всетаки не раздѣляя надеждъ Хрулева, писалъ главнокомандующему, что безъ формальнаго его предписанія онъ не беретъ на себя отвѣтственности за рѣшеніе вопроса о нападеніи на Евпаторію.

Уваживъ очень основательныя представленія Врангеля, главнокомандующій отмѣнилъ предпріятіе; но, получивъ донесеніе Хрулева, рѣшился передать командованіе Евпаторійскимъ отрядомъ сему послѣднему.

Бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ минутъ передачи командованія отрядомъ барона Врангеля Хрулеву, я никогда не забуду того отраднаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня при этомъ почтенный предшественникъ Степана Александровича. Отъ души желая успѣха Хрулеву, Врангель просилъ забыть старшинство по службѣ и имѣть его, Врангеля, въ виду только какъ начальника драгунъ. Въ свою очередь и Хрулевъ деликатностію и уваженіемъ, съ которыми обращался къ Врангелю, выказалъ себя съ прекраснѣйшей стороны. Этого мало: Врангель, во время приготовленій къ бою и при самомъ дѣлѣ, не только свято соблюдалъ свой долгъ и спѣшилъ выполнять распоряженія Хрулева, но еще предупреждалъ ихъ и не оставлялъ его своими совѣтами. Поступокъ—достойный глубокаго уваженія и подражанія! Такъ какъ Хрулевъ пользовался славою запальчиваго въ бою, то Меншиковъ, назначая его въ отрядъ къ Врангелю, какъ-бы для совмѣстныхъ распоряженій, имѣлъ въ виду уравновѣсить предпріимчивость одного осторожностію другаго. Когда Врангель отказался, князь былъ не совсѣмъ покоенъ; но, какъ въ послѣдствіи оказалось, совершенно напрасно.

26-го января 1855 г., послѣ обѣда, Хрулевъ, Волковъ и я выѣхали изъ главной квартиры. За Алмой, въ деревнѣ Бурлюкъ, мы переночевали у общаго нашего товарища артиллериста Мартынова, а на другой день, рано утромъ, поѣхали верхомъ къ Евпаторійскому отряду. Дорога была очень вязкая и нашимъ лошадямъ было не легко подаваться впередъ; когда же мы для сокращенія пути свернули на-прямки на пахатныя поля, то грязь до такой степени налипала къ ногамъ лошадей, что онѣ едва двигались. Казаки, часто слѣзая съ своихъ ло-

шадей, оскабливали грязь отъ ихъ ногъ; мы же на туземныхъ лошадяхъ ѣхали безостановочно, такъ какъ онѣ обладали снаровкою опускать и выдергивать ноги изъ вязкаго грунта такъ ловко, что грязь къ нимъ не прилипала. Желая выслѣдить эту особенность поступи, я, впереди себя, пустилъ очень маленькую и самую легкую изъ своихъ крымскихъ лошадокъ и наблюдалъ за ея ходомъ. Постановка ноги и ея подъемъ составляли у лошадки какъ бы одинъ темпъ: только что касаясь земли, она тотчасъ же коротко и быстро выхватывала ногу изъ грязи. На поспѣшномъ ходу лошадка подавала грудь на столько впередъ, что ей приходилось вырывать ноги изъ грязи съ наклономъ по направленію пути и этимъ она какъ бы вытирала ихъ о почву, оставляя косой отпечатокъ слѣда. Кромѣ того, ставя ногу передъ ногой, она оттискивала слѣдъ, какъ говорится, веревочкой, на подобіе лисьяго. Благодаря ловкости этой лошадки, мнѣ вскорѣ удалось увернуться отъ преслѣдовавшаго меня татарскаго пикета.

Приближаясь къ Евпаторіи, мы обогнули соляныя озера и противу праваго фланга города усмотрѣли большой курганъ, съ котораго можно было видѣть очертаніе Евпаторійскихъ укрѣпленій. Хрулевъ послалъ меня на этотъ курганъ. Я пересѣлъ на вышеупомянутую лошадку и, вмѣстѣ съ Балаклавскимъ грекомъ Димитріемъ Подпати, подъѣхалъ къ кургану и, у его подошвы отдавъ моему спутнику подержать мою лошадь, сталъ карабкаться по крутому и скользкому подъему. Достигнувъ вершины, я невдалекѣ отъ себя замѣтилъ непріятельскій пикетъ, который встревожился, бросился къ лошадямъ и погнался за мной. Сбѣжавъ съ кургана, я вскочилъ на мою лошадку и былъ таковъ. Слѣдомъ за мною соскользнуло съ кургана нѣсколько верховыхъ татаръ и пустились въ погоню; не тутъ-то было: моя лошадка, по топкому полю, неслась какъ стрѣла. Татары отстали, крикнувъ мнѣ во слѣдъ, по русски: „хорошо, что у тебя наша лошадь, а то-бы не ушелъ!“ Пустивъ нѣсколько выстрѣловъ, они возвратились на прежнее мѣсто. Грекъ мой, чтобы раздвоить вниманіе преслѣдовавшихъ, понесся въ другую сторону и тоже ускользнулъ.

Расположась за гнилымъ соляным озеромъ, въ деревнѣ Типъ-Мамай, Хрулевъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, при немъ состоявшихъ, сдѣлалъ нѣсколько рекогносцировокъ вблизи укрѣпленій Евпаторіи: вызывая этимъ пальбу изъ города, онъ провѣрялъ число орудій, выставленныхъ по оборонительной линіи. Получивъ приказаніе атаковать Евпаторію, онъ перенесъ свою квартиру въ экономію (мызу) помѣщика Августиновича, Оразъ, близь деревни Хаджи-Торханъ, и здѣсь приступилъ къ составленію диспозиціи и къ другимъ предваритель-

нымъ распоряженіямъ. Оразъ, въ 9-ти верстахъ отъ Евпаторіи, былъ ближе къ центру расположенія войскъ, нежели Тюпъ-Мамай.

Ревностными помощниками Хрулева были состоявшіе при немъ: за начальника штаба—флигель-адъютантъ полковникъ Волковъ, начальникомъ артиллеріи—полковникъ Шейдеманъ, дежурнымъ штабъ-офицеромъ—ротмистръ Линденеръ, оберъ-квартирмейстеромъ—капитанъ Цитовичъ, за старшаго адъютанта—уланскаго полка поручикъ Михалевъ[1]), для особыхъ порученій—артиллеріи штабсъ-капитанъ Мартыновъ.

XVII.

Продолжая свои рекогносцировки изъ Ораза, Хрулевъ работалъ неутомимо, кромѣ диспозиціи, еще надъ многими письменными приказаніями и наставленіями по войскамъ; составлялъ подробныя инструкціи для уборки раненыхъ и для поданія имъ первоначальной помощи.

По диспозиціи, атаку должны были произвести три колонны: центральною наносился главный ударъ; фланговыя-же, предварительными атаками, должны были отвлечь вниманіе непріятеля отъ центра; начинать дѣло должна была лѣвая колонна. Въ приказаніяхъ, кромѣ порядка, изъяснялись правила движенія войскъ къ мѣсту боя; ихъ размѣщеніе въ боевой линіи, дѣйствія пріуготовительныя; натискъ, штурмъ, занятіе города; наставленіе войскамъ на случай успѣха, или неудачи; поведеніе и дѣйствія войскъ въ захваченномъ городѣ и проч. и проч. Словомъ, все было предусмотрѣно и подробно письменно изложено во множествѣ экземпляровъ для раздачи въ каждую часть войскъ. Такъ какъ главная сила отряда, 8-я дивизія, еще не прибыла, то, кромѣ этого, во избѣжаніе проволочекъ во времени и для облегченія лицъ начальствовавшихъ въ частяхъ 8-й дивизіи, были заранѣе заготовлены приказанія, какія имъ слѣдовало отдать по своимъ частямъ во исполненіе общихъ распоряженій по отряду.

Дѣятельность Хрулева была необыкновенна. Утромъ, возвращаясь съ рекогносцировокъ, онъ скидавалъ мундиръ, и на распашку, чтобы быть совершенно на просторѣ, отдавалъ приказанія, диктовалъ, прослушивалъ написанное, повѣрялъ, сличалъ распоряженія, принималъ начальниковъ частей, знакомился съ ними; заставлялъ ихъ прочитывать приказанія при себѣ, потомъ переспрашивалъ ихъ, чтобы убѣдиться, такъ-ли они понимаютъ предстоящія имъ дѣла. Кому изъ нихъ приходи-

[1]) По служенію моему въ лейбъ-гвардіи уланскомъ его высочества полку, я зналъ Михалева унтеръ-офицеромъ, исправлявшимъ должность писаря 3-го эскадрона, А. П.

лось въ бою дѣйствовать совмѣстно, того онъ при себѣ заставлялъ сличать распоряженія между собою, исправлялъ встрѣчавшіяся неудобства; вытребовывая адъютантовъ и ординарцевъ, онъ втолковывалъ имъ ихъ обязанности, потомъ—проэкзаменовывалъ. Все это дѣлалъ Хрулевъ переходя отъ стола къ столу, или отъ одного лица къ другому... наконецъ, утомясь, ложился на диванъ навзничь и, заложивъ руки за голову и подогнувъ ноги, продолжалъ свое дѣло, не теряя ни минуты времени. Если онъ внушалъ что нибудь, то непремѣнно стоя, а повѣряя кого либо и выспрашивая—ложился опять. Эта кипучая дѣятельность длилась нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Хрулевъ, можно сказать, почти ничего не ѣлъ, не пилъ и едва-ли спалъ. Бывало, мы сядемъ за обѣдъ, а онъ объ немъ и не думаетъ: проходя мимо стола, возьметъ кусокъ чего нибудь, ляжетъ на диванъ, на-скоро жуетъ, и диктуетъ. Чай пилъ по́ходя: о своемъ стаканѣ не заботился, а гдѣ нибудь увидитъ стаканъ, хлебнетъ и отойдетъ въ сторону. Если кого встрѣтитъ безъ дѣла, того непремѣнно засадитъ за работу. Его дружеское, привѣтливое обхожденіе со всѣми придавало рвеніе всѣмъ намъ и, проникнутые его дѣятельностью, трудились и мы, кто во что горазд. Мнѣ Хрулевъ поручилъ составить планъ Евпаторіи, который могъ-бы ознакомить начальниковъ частей съ городомъ. Не бывъ никогда въ Евпаторіи, я былъ принужденъ составлять ея планъ по словеснымъ показаніямъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ расположеніемъ города; при этомъ мнѣ много посодѣйствовалъ помѣщикъ Августиновичъ. Такимъ образомъ я намалевалъ яркими красками 12 экземпляровъ: Хрулевъ ихъ одобрилъ и разослалъ въ войска.

Работая день и ночь, не зная отдыха, Хрулевъ не обнаруживалъ утомленія, благодаря неистощимымъ запасамъ энергіи въ своей богатырской душѣ. Точная, опредѣленная, подробная, обстоятельнѣйшая диспозиція была готова: она разрѣшала всѣ возможные вопросы во всѣ моменты дѣйствія. Общій характеръ, какъ диспозиціи, такъ и приказаній, былъ тотъ, чтобы воодушевить войска увѣренностью во взятіи Евпаторіи; объ отступленіи не было и рѣчи; войска возбуждались и на непріятеля и на добычу, которую могъ представить завоеванный и на раззореніе обреченный городъ. Указаны были площади для сноса добычи, требовался извѣстный порядокъ для опустошенія города, но пожары были строжайше воспрещены; самымъ первымъ дѣломъ приказано было спасать образа и утварь изъ городской православной церкви. По взятіи города, лишнимъ войскамъ было приказано возвратиться на прежнюю позицію, къ приготовленному для нихъ обѣду.

— „Ничѣмъ такъ не натравишь войска на непріятеля, какъ обѣ-

щаніемъ добычи",—говорилъ Хрулевъ,—„позволь солдату поживиться на счетъ непріятеля и онъ полѣзетъ чортъ знаетъ куда!"

Дѣйствительно, за все время кампаніи, мнѣ не случилось видѣть такого веселаго настроенія духа солдатъ, такого рвенія въ дѣлѣ, какія я подмѣтилъ при сборахъ на штурмъ Евпаторіи.

Порядокъ, съ которымъ шли приготовленія къ бою, внушая полное довѣріе къ начальнику отряда, придавалъ и увѣренности въ успѣхъ. Мы достовѣрно не знали настоящаго состава Евпаторійскаго гарнизона; видѣли только укрѣпленія, еще не совсѣмъ возведенныя и вооруженныя незначительнымъ количествомъ орудій. Необходимо было скрыть отъ непріятеля наши намѣренія, для чего были, разумѣется, приняты всевозможныя мѣры. Пѣхота была еще на походѣ, а кавалеріи еще ничего не сообщалось формально; между тѣмъ, на 4-е февраля 1855 г., тотчасъ по прибытіи 8-й дивизіи, дѣло было назначено, требовалось заготовить штурмовыя лѣстницы, что поручено было исполнить тайно эскадронамъ уланской дивизіи генерала Корфа. Эскадронные командиры распорядились приготовленіемъ лѣстницъ на своихъ дворахъ, въ закрытыхъ сараяхъ и не выпускали рабочихъ, изъ опасенія неумѣстныхъ толковъ.

Въ это время Елисаветградскаго уланскаго полка 3-го эскадрона рядовой, изъ старыхъ служивыхъ, родомъ полякъ, находившійся на эскадронномъ дворѣ при лошадяхъ своего командира, ротмистра Добровольскаго, замысливъ измѣну, прикинулся обиженнымъ тѣмъ, что-де его товарищи употребляются на дѣйствительную службу, онъ же, какъ вѣстовой, постоянно лишенъ этой чести. „Хоть-бы разъ",— говорилъ онъ, — „мнѣ пришлось постоять на аванпостахъ"! Добровольскій, поощряя это похвальное рвеніе, въ тотъ-же вечеръ велѣлъ нарядить просителя на аванпосты. Поставленный на ведетѣ, предатель ускакалъ въ Евпаторію и тамъ сообщилъ непріятелямъ о нашемъ намѣреніи и о заготовленіи штурмовыхъ лѣстницъ. Въ Евпаторіи были, разумѣется, приняты самыя дѣятельныя мѣры къ усиленію гарнизона, къ исправленію укрѣпленій и прибавкѣ орудій; самое-же главное: ровъ былъ соединенъ съ моремъ и наполненъ водою.

Главная сила отряда, 8-я дивизія, медлила приходомъ по случаю глубокой грязи по дорогамъ. Между тѣмъ, 2-го февраля, рано утромъ, изъ южной арміи, къ намъ подъ Евпаторію прибыли пять ротъ греческихъ волонтеровъ: они шли на-легкѣ и потому опередили другія войска. Ротные командиры явились къ Хрулеву всѣ вмѣстѣ. Весело и бодро, въ національныхъ своихъ костюмахъ, вошли они въ залу дома, занимаемаго Хрулевымъ со всѣмъ его штабомъ. Командиръ первой роты былъ Николай Карайско, второй — Стамати Карамоди, третьей—

Аристидо Христовери, четвертой—Мимико Таидо-Лиди, пятой—числившійся маіоромъ Антоній Гене Папа-Дука (т. е. священникъ). Одѣтый щеголеватѣе другихъ, онъ былъ и благообразнѣе наружностью: блондинъ съ голубыми глазами и красивой бородой; первые-же четыре капитана, въ особенности командиръ первой роты, были атлетическаго тѣлосложенія, съ удалыми, раскаленными лицами. Всѣ они, какъ было замѣтно, не слишкомъ-то жаловали Папу-Дука, такъ рѣзко отъ нихъ отличавшагося. Широкіе шалевые кушаки, ихъ перепоясывавшіе, были обвѣшаны и утыканы богато оправленнымъ оружіемъ; кромѣ турецкихъ сабель при бедрѣ, у каждаго изъ-за пояса торчало по нѣсколько пистолетовъ, кинжаловъ и ятагановъ.

Хрулевъ ласково ихъ принялъ. Еще въ южной арміи онъ встрѣчался съ этими удальцами; они знали Хрулева и рады были находиться въ его распоряженіи. Баталіонъ этотъ, сколько мнѣ помнится, былъ первоначально направленъ къ Севастополю; но, узнавъ на дорогѣ, что подъ Евпаторіею готовится дѣло подъ начальствомъ Хрулева, греки-волонтеры свернули къ нашему отряду и явились нежданные. До ихъ прибытія, я ничего не слыхалъ о грекахъ, и въ боевыхъ распоряженіяхъ имъ еще не было назначено и мѣста. Довольный ихъ приходомъ, Хрулевъ тотчасъ-же нашелъ имъ примѣненіе, согласно ихъ боевой своеобразности, выработанной единственно практикою. Предувѣдомляя греческихъ ротныхъ командировъ о замышленномъ штурмѣ, Хрулевъ сообщилъ имъ, что ихъ назначеніе въ дѣлѣ: броситься, первыми, на укрѣпленіе праваго фланга города, овладѣть или засѣсть въ ближайшихъ домахъ и, обстрѣливая батареи съ тыла, содѣйствовать успѣху общаго штурма.

Въ храбрыхъ капитанахъ не было замѣтно и мысли объ опасностяхъ такого отважнаго порученія; они, напротивъ, видѣли въ немъ предоставленную имъ честь первыми ворваться въ Евпаторію и только просили Хрулева указать мѣсто атаки каждой ротѣ отдѣльно. На это Степанъ Александровичъ предложилъ молодцамъ, по ихъ усмотрѣнію, выбрать изъ среды своей одного капитана, чтобы ему быть за баталіоннаго командира, который, подведя роты, распредѣлилъ бы на мѣстѣ пункты атаки для каждой. Но греки рѣшительно отказались подчиняться одному изъ своихъ товарищей.

— Мы всѣ равны,—говорили они,—и старшинства между нами нѣтъ!

Хрулевъ указалъ имъ на доблестнаго капитана Христовери, уже отличавшагося на Дунаѣ; но и самъ онъ отказывался, и товарищи не уступали ему преимущества надъ ними. Послѣ того Хрулевъ предложилъ выбрать Папу-Дука:

— Чего вамъ лучше,—сказалъ онъ,—Папы-Дука, вашего священника; онъ пойдетъ впереди васъ, съ крестомъ и мечомъ!

Но и Папу-Дука единогласно отвергли, хотя онъ самъ былъ бы и не прочь. Не состоялся выборъ и Карайско, командира 1-й роты, истаго атлета, суроваго видомъ. Не порѣшивъ ничѣмъ, Хрулевъ отпустилъ грековъ, совѣтуя имъ подумать. Они возвратились черезъ часъ, прося генерала назначить имъ въ баталіонные командиры одного изъ штабъ-офицеровъ русскихъ войскъ, обѣщая подчиниться ему безусловно. Видя, что греки между собою не поладятъ, Хрулевъ назначилъ меня имъ въ командиры. Узнавъ, что я адъютантъ главнокомандующаго, греки были очень довольны. Въ помощь мнѣ Хрулевъ оставилъ при ротахъ капитана Александольскаго полка Степанова, который сопровождалъ грековъ изъ дунайской арміи въ нашу.

Переводчикомъ при переговорахъ Хрулева съ греками служилъ, состоявшій при мнѣ, Димитрій Подпати. Послѣ того, каждый изъ капитановъ, подходя съ нимъ ко мнѣ, говорилъ привѣтствіе. Окруживъ меня, они стали разсказывать о своихъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ, обѣщаясь и здѣсь выказать свою преданность и благодарность государю. При этомъ они выражали сожалѣніе, что только пять греческихъ ротъ успѣли прорваться за Дунай, во время отступленія южной арміи черезъ мостъ; другимъ же и многимъ ротамъ греческихъ волонтеровъ это не посчастливились. Они расчитывали перейти мостъ въ хвостѣ арміи, какъ внезапно переправа была прекращена, мостъ былъ разобранъ, и греки остались на противоположномъ берегу одни противъ турокъ, со множествомъ болгарскихъ семействъ, искавшихъ спасенія въ покровительствѣ нашихъ войскъ.... И греки и болгары—брошенные нами—были перерѣзаны турками.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Дѣло съ греками было улажено. Вечеромъ того же дня, пріѣхалъ давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемый командиръ 8-й дивизіи, князь Урусовъ. Не теряя времени, Хрулевъ спѣшилъ посвятить его во всѣ распоряженія, приготовленныя для частей войскъ. Съ своей стороны, Урусовъ охлаждалъ горячность Хрулева, представляя ему на видъ, что дѣло необходимо отсрочить, такъ какъ войска 8-й дивизіи еще бѣдствуютъ на пути и прибудутъ лишь на другой день. Не сразу соглашаясь отложить назначенный для боя день (4-го февраля), Хрулевъ просилъ князя Урусова прежде прослушать диспозицію, сообщая ему, что непріятель предувѣдомленъ измѣнникомъ-уланомъ о нашемъ намѣреніи и потому надо спѣшить дѣломъ.

Князь Урусовъ сѣлъ, мы всѣ размѣстились вокругъ него, чтеніе диспозиціи началось. На первыхъ же строкахъ князь остановилъ чтеца

и, взявъ отъ него тетрадь, внимательно прочиталъ вступленіе, и произнесъ:

— Постой, братецъ Степанъ Александровичъ: ты пишешь это мнѣ въ формѣ предписанія; ты забылъ, что я старше тебя. Вели переписать.

— Да, точно, я упустилъ это изъ виду,—отвѣчалъ Хрулевъ,—но не въ этомъ дѣло! Слушай дальше....

— И не думай! отвѣчалъ Урусовъ,—перепиши, тогда буду слушать.

— Помилуй, когда тутъ переписывать! Что за формальности!.. На это понадобится цѣлая ночь. Послѣ перепишемъ...

— Нѣтъ, вели переписать теперь, а то и слушать не хочу!..

Никакія убѣжденія Хрулева не дѣйствовали; князь Урусовъ непреклонно стоялъ на своемъ. Намъ казалась не ко времени подобная щекотливость; князь, разумѣется, не зналъ чего намъ стоило и это-то написать: писарей не было, мы всѣ писали подъ диктовку Хрулева.

Дѣлать было нечего, пришлось уступить требованію Урусова. Шт.-кап. Цитовичъ уже взялся было за перо, какъ князь смиловался: взялъ опять тетрадь въ руки, перелистовалъ ее, и убѣдясь, что по объему диспозиціи на ея переписку дѣйствительно потребуется много времени, согласился на переписку только одного заглавнаго листа.

Мы, не расходясь, молча сидѣли въ кружкѣ, пока Цитовичъ писалъ; Степанъ Александровичъ призадумался; князь Урусовъ, довольный тѣмъ, что настоялъ на своемъ, весело что-то разсказывалъ, утѣшая насъ тѣмъ, что, покуда переписываютъ диспозицію, мы успѣемъ напиться чаю.

Заглавный листъ былъ переписанъ и диспозиція прочитана; князь Урусовъ все одобрилъ, но сказалъ въ заключеніе, что покуда всѣ до одного орудія въ укрѣпленіи не будутъ сбиты, онъ своихъ войскъ на штурмъ не поведетъ. Хрулевъ его обнадежилъ; всѣ разошлись и мы всѣ полегли спать, а утромъ приступлено было къ „исправленію“ тѣхъ изъ остальныхъ бумагъ, которыя были адресованы прямо князю Урусову.

Приступъ къ Евпаторіи былъ отложенъ на 5-е февраля. Наканунѣ утромъ, войска, расположенныя вблизи Ораза, собрались возлѣ деревни Хаджи-Тарханъ. Къ нимъ выѣхалъ Хрулевъ съ Урусовымъ и былъ отслуженъ молебенъ. Всѣ пять ротъ греческихъ волонтеровъ присутствовали тутъ же, въ своихъ національныхъ костюмахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за кушакомъ у каждаго волонтера.

Такъ какъ они ранѣе просили меня снабдить ихъ для штурма еще нашими пѣхотными ружьями со штыками, то я тутъ же сообщилъ имъ о сдѣланномъ по этому предмету распоряженіи по войскамъ.

Между тѣмъ, такъ какъ для атаки укрѣпленій, прикрывавшихъ пра-

вый флангъ Евпаторіи, собственно для грековъ назначались два главнѣйшіе пункта, то Хрулевъ счелъ за удобнѣйшее раздѣлить пять ротъ на два полубатальона: первыя три роты на штурмъ долженъ былъ вести я, остальныя двѣ—Степановъ; при этомъ отъ меня не устранялось общее командованіе греками. Адъютантами были: первой половины—Димитрій Николаиди, второй—Ліодасъ Вульгарисъ.

Вечеромъ, около 5-ти часовъ, когда греки опять собрались для выступленія на позицію, у нихъ во фронтѣ поднялся ропотъ, выражавшій сомнѣніе, что ихъ пошлютъ на штурмъ только съ ихъ собственными ружьями, не имѣвшими штыковъ. Они не довѣряли тому, что ружья имъ раздадутъ по прибытіи всѣхъ войскъ на позицію, въ эту же ночь. Подпати, переводя мнѣ буйный говоръ волонтеровъ, выражалъ безпокойство, что они и своихъ командировъ не ставятъ въ грошъ.

— Я, на вашемъ мѣстѣ, отказался бы отъ этихъ сорванцовъ, ваше высокоблагородіе! — заключилъ онъ, — не стоитъ съ ними возиться.. они васъ бросятъ!

Войска тронулись; греки шли въ головѣ колонны, рядомъ съ Хрулевымъ. Дорогою онъ объяснялъ мнѣ разныя уловки, къ которымъ надобно прибѣгать при штурмѣ и при занятіи строеній, повторяя не разъ, что греки на это молодцы.

Мы шли прикрытые отъ наблюденія непріятелей лощиной и вечернимъ сумракомъ. Двигаясь почти параллельно Евпаторіи, мы держали направленіе къ известковому колодцу, у моста чрезъ отрогъ гнилаго солянаго озера, въ трехъ верстахъ отъ Евпаторіи. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Хрулевъ остановился подъ бугромъ близъ упомянутаго колодца и тѣмъ опредѣлилъ крайній пунктъ лѣваго фланга нашего пѣшаго отряда. Я же съ греками, перевалившись чрезъ бугоръ, расположилъ свой баталіонъ въ лощинѣ, по скату къ сторонѣ сказаннаго отрога.

Мѣсто своего ночлега Хрулевъ избралъ при лѣвой колоннѣ потому, что отъ ея частей назначался первый приступъ, и Степанъ Александровичъ желалъ быть возлѣ, чтобы самому направить атаку.

XVIII.

Наступила ночь и довольно холодная, такъ что грунтъ подстылъ, чѣмъ облегчено было передвиженіе войскъ: почва окрѣпла, держала, но не гремѣла, именно такъ, какъ намъ было нужно. Когда, по расчету времени, рабочіе для устройства эполементовъ для батарей и ямъ для штуцерныхъ—должны были находиться на мѣстахъ,

Хрулевъ самъ поѣхалъ повѣрять эти работы. Ночь была до того темна, что ему приходилось ѣхать, такъ сказать, ощупью; но артиллерійскій полковникъ Шейдеманъ, его сопровождавшій, не терялъ направленія и безошибочно проводилъ по линіи работъ. Прикрытія эти приготовлялись затѣмъ, что по диспозиціи канонада наша должна была открыться на довольно близкомъ разстояніи отъ укрѣпленій и поэтому необходимо было укрыть наши орудія отъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Разбивка, разстановка рабочихъ и наблюденіе за ними возложены были на Шейдемана. Темнота и недальнее разстояніе отъ города не мало затрудняли этого распорядительнаго полковника; при всемъ томъ, онъ совершилъ это дѣло очень успѣшно, сохраняя глубокую тишину, и скрылъ работы отъ наблюденій непріятеля. Цѣпь казачьихъ аванпостовъ и стрѣлки, выставленные впереди линіи рабочихъ, тоже съумѣли своею осторожностію сохранить въ тайнѣ наши приготовленія къ приступу.

Какъ движеніе нашихъ войскъ, такъ и самое бивуакированіе совершились съ большими предосторожностями; между прочимъ, въ нашемъ отрядѣ былъ строжайше воспрещенъ всякій признакъ огня. Поэтому не только о самоварахъ, даже о куреніи табаку не могло быть и помину.

Порядкомъ продрогнувъ и мучимый жаждою и искусительной мечтой о запрещенномъ плодѣ—въ видѣ стакана чаю, я бродилъ въ сторонѣ отъ баталіона взадъ и впередъ, карауля подносившихъ ружья и подсумки, присылаемые грекамъ изъ частей войскъ, и направлялъ носильщиковъ въ баталіонъ. Вдругъ вижу, въ темнотѣ, мелькнула тѣнь, одна, другая, третья; тамъ еще кто-то пробирается и всѣ къ одному пункту, и возвращаются оттуда съ какимъ-то самодовольнымъ чмоканьемъ и покрякиваніемъ. „Что тамъ такое?“ подумалъ я, направился туда и вижу — толпа окружаетъ маркитанта, тайкомъ разливающаго чай.... Ага, попался! мелькнуло у меня въ мысляхъ и я протянулъ руку, чтобы схватить ослушника за шиворотъ, но онъ, не струся, проворно сунулъ мнѣ въ распростертую руку стаканъ чаю — и я смягчился, шепнувъ на ухо благодѣтелю, чтобы онъ приберегъ стаканъ чайку для Хрулева. При этомъ не могъ не подивиться необыкновенной ловкости промышленника, съумѣвшаго скрыть отъ всѣхъ глазъ громадный, горячій самоваръ и тѣмъ заслужить, вмѣсто нареканія, всеобщую благодарность.

Возвратясь къ прежнему своему мѣсту, я заслышалъ непонятный мнѣ шумъ у меня въ баталіонѣ.... Бросаюсь туда, а мнѣ на встрѣчу, въ сильнѣйшемъ перепугѣ, бѣжитъ Подпати:

— Въ баталіонѣ бунтъ, ваше выс—діе,—едва могъ онъ проговорить задыхаясь,—требуютъ васъ!

Бѣгу къ грекамъ. Подпати за мной, ухватилъ меня за полу.

— Не ходите,—твердилъ онъ мнѣ,—они остервенѣли! Я вамъ говорилъ: опасный народъ!

Что же оказалось? Греки, и въ домашней ихъ жизни свыкшіеся съ опасностями, хорошо знали цѣну исправности оружія. Какъ только роздали имъ ружья и подсумки, принесенныя изъ ротъ ефрейторами, волонтеры, какъ истинные знатоки въ оружіи, начали его осматривать, ощупывать; примыкать, отмыкать штыки; пробовать спуски; вынимать и вставлять шомпола, считать, осматривать патроны и мѣрять подсумки... словомъ, дѣлали все, что нашъ солдатъ не всегда догадается своевременно сдѣлать. Впрочемъ, тогда, даже замѣтивъ неисправность оружія, онъ мирился съ нею, такъ какъ не умѣлъ его цѣнить; къ тому же, въ наши времена для щегольства ружейныхъ пріемовъ солдаты сами нарочно расшатывали штыки, шомпола и ослабляли гайки, чтобы ружье—по солдатскому выраженію—было „по-темпистѣе“. Съ подобными ружьями наши и на войну пошли. Когда было отдано приказаніе пѣхотѣ снабдить греческихъ волонтеровъ ружьями и подсумками, ефрейтора весьма расчетливо придумали воспользоваться „удобнымъ случаемъ“ сбыть съ рукъ негодныя ружья, порванные подсумки и неполные патроны. По освидѣтельствованіи греками принесенныхъ имъ боевыхъ предметовъ, оказалось, что у большинства ружей не взводились курки, или вовсе не было собачекъ; штыки не примыкались, или не держались на стволѣ; шомполы у многихъ ружей были растеряны; полнаго количества патроновъ не было, между ними попадались отсыпанные и—что всего ужаснѣе, и кто повѣритъ? въ нѣкоторыхъ патронахъ, вмѣсто пороху, насыпано было просо!

Ничего не подозрѣвая, я прибѣжалъ въ баталіонъ. Съ крикомъ, ругательствами и проклятіями окружили меня греки, причемъ каждый, спѣша показать мнѣ найденную имъ неисправность, кричалъ: „измѣна! измѣна!! насъ и здѣсь, какъ на Дунаѣ, рѣшились погубить!“... Показавъ мнѣ негодныя ружья, греки разбивали ихъ о камни и бросали въ кучу, равно и подсумки. Ружей я не жалѣлъ: туда имъ и дорога! но когда волонтеры стали высыпать мнѣ на ладонь просяныя зерна изъ патроновъ—я рѣшительно остолбенѣлъ: гляжу, глазамъ не вѣрю; беру въ ротъ, разжевываю—не вѣрю вкусу.

Подпати едва поспѣвалъ переводить мнѣ слова грековъ, полныя яростнаго негодованія.

— Мы пришли вамъ помогать,—говорили они,— не жалѣемъ жизни, а вы даете намъ негодныя ружья и первыхъ посылаете на штурмъ!

Возьмите ваши дубины назадъ; мы и безъ штыковъ, съ ятаганами, сдѣлаемъ свое дѣло. Ружья наши не колятъ, за то выпалятъ, когда будетъ надо; они не обманутъ насъ, какъ вы обманывали насъ вездѣ! На Дунаѣ сколько нашихъ погибло отъ вашего обмана!

Тутъ они съ ругательствами припомнили рѣзню при переправѣ черезъ Дунай.

Я, сколько могъ, старался успокоить ихъ. Съ помощью переводчика объяснилъ имъ, что умысла тутъ никакого быть не могло; что виною тому ефрейторы, которые, принимая ружья, не осматривали ихъ; солдаты же, не зная, что эти ружья достанутся грекамъ, сдавали неисправныя. Въ заключеніе я совѣтовалъ волонтерамъ выбрать годныя; остальныя же собрать и поставить при нихъ караулъ, чтобы послѣ розыскать виновныхъ, которые будутъ наказаны. Теперь же шумѣть нельзя, такъ какъ мы стоимъ вблизи непріятеля; онъ можетъ услышать крики и, такимъ образомъ, греки могутъ быть причиною неудачи нашего нечаяннаго нападенія на городъ.

Послѣдній доводъ подѣйствовалъ на нихъ убѣдительнѣе всѣхъ прочихъ; они утихли и занялись выборомъ ружей и сортировкою патроновъ, при чемъ я замѣтилъ, что патроновъ съ просомъ они не бросали, а тщательно припрятывали. Въ послѣдствіи, когда греческіе волонтеры шли на присоединеніе къ севастопольскому гарнизону, то на сѣверной сторонѣ бухты они не преминули показать патроны съ просомъ князю Меншикову. Предупрежденный мною, князь заранѣе сдѣлалъ надлежащія распоряженія чрезъ начальника штаба.

Шумъ, произведенный греческимъ баталіономъ, не былъ услышанъ передовыми постами Евпаторіи, чему, вѣроятно, способствовала глубина лощины, въ которой происходила эта сумятица. Успокоивъ грековъ, я выбрался изъ балки и встрѣтилъ показавшагося изъ тьмы Хрулева. Онъ возвращался съ объѣзда, очень довольный распоряженіями Шейдемана. Донесеніе мое о безпорядкѣ не слишкомъ-то его удивило: онъ, какъ видно, былъ съ нимъ знакомъ. Отдавъ мнѣ послѣднія наставленія на завтрашній день, онъ спустился къ известковому володду; я, присѣвъ на камень, продремалъ до зари.

Чуть забрежжило, бивуакъ зашевелился. Хрулевъ, на бѣломъ статномъ конѣ, котораго онъ выбралъ съ цѣлію быть видимымъ въ бою— желая встрѣтить разсвѣтъ яснаго и веселаго утра, поскакалъ къ тому мѣсту, откуда было назначено дѣлать первый приступъ. Греки поднялись и двинулись за Хрулевымъ. Ихъ ротные командиры, верхами, лихо гарцовали передъ своими отрядами, съ удалью помахивая саблями. Одинъ передъ другимъ хотѣлъ щегольнуть ловкостью, дабы тѣмъ возбудить гордость своей команды. Рядовые, въ свою очередь,

пріосанясь подтрунивали надъ другими ротами и ихъ капитанами. Весело было смотрѣть на движеніе баталіона: греки шли не колоннами, а развернутымъ фронтомъ и каждый изъ нихъ казался самостоятельнымъ бойцомъ. Къ локтю они не держались, шли не въ ногу, но выходилъ строй, каждый солдатъ котораго былъ отдѣльно видѣнъ, не будучи замаскированъ плотностью массы. Каждый стремился впередъ и оттого выходилъ развернутый фронтъ. Съ любопытствомъ заглядывалъ впередъ каждый греческій рядовой, желалъ знать, куда его ведутъ, что на пути, что въ сторонѣ, что впереди. Походка волонтеровъ была легкая и быстрая; поворачивая головы во всѣ стороны, подымая ихъ вверхъ, они старались проникнуть въ даль. Для меня было ново видѣть подобный отрядъ и я наблюдалъ за нимъ.

Когда мы поравнялись съ курганомъ, на которомъ я, въ день прибытія подъ Евпаторію, наткнулся на татарскій пикетъ,—то Хрулевъ, со мною и съ пятью капитанами волонтеровъ, поскакалъ впередъ и остановился вблизи укрѣпленій, чтобы указать намъ на мѣста болѣе удобныя для приступа. Татарскій пикетъ стоялъ на курганѣ и теперь, но на этотъ разъ мы его спугнули и онъ ускакалъ въ городъ.

Въ Евпаторіи поднялась тревога: войска становились въ ружье, прислуга къ орудіямъ... Вотъ грянула пушка, за ней другая, и поднялась канонада съ обѣихъ сторонъ.

Хрулевъ запылалъ, глаза его засверкали, щеки зардѣлись яркимъ румянцемъ. Повернувъ коня въ полъ-оборота къ Евпаторіи, онъ ждалъ грековъ,ославъ между тѣмъ меня съ войсковымъ старшиною Савельевымъ и съ Христовери подъѣхать, со стороны озера, поближе къ стѣнамъ Евпаторіи, и осмотрѣть мѣстность, прилежащую ко рву. Проскакавъ обратно вдоль линіи укрѣпленій до кургана, на которомъ ожидалъ насъ Хрулевъ, я едва успѣлъ сообщить ему отвѣтъ, какъ показались греки. Они спѣшили, а Хрулевъ между тѣмъ, приподнявъ грудь, выправившись на сѣдлѣ, поворачивалъ голову то въ ту, то въ другую сторону, и въ ожиданіи боя жадно втягивалъ въ себя сладкій ему пороховой дымъ.

Нельзя было не любоваться и не гордиться такимъ полководцемъ. Глядя на Хрулева, я понялъ обаятельную власть предводителя надъ войсками. Узнавъ Хрулева въ его предусмотрительныхъ распоряженіяхъ передъ боемъ и въ самомъ бою, я не удивлялся, что солдаты такъ охотно и довѣрчиво шли за нимъ повсюду. Это былъ бы Суворовъ нашего времени, если бы ему встрѣтилось поприще вполнѣ достойное его военныхъ способностей. Когда онъ бывалъ съ войсками, они объ опасностяхъ не думали и были „ради стараться“—во-истинну.

И черезъ два года послѣ этого, въ мирной жизни, довелось мнѣ

увидѣть того же полководца, скромно промышляющаго квасомъ—подъ заманчивымъ этикетомъ „севастопольскаго“.....

И такъ, греки не заставили себя дожидаться: они толпой окружили Хрулева и, выслушавъ нѣсколько краткихъ его наставленій и ободрительныхъ словъ, въ единый мигъ разсыпались, по командѣ своихъ командировъ, и составивъ множество линій разсыпнаго строя, такъ мастерски пошли впередъ, что каждый стрѣлокъ, даже изъ заднихъ линій, имѣлъ предъ собою свободное пространство для выстрѣла. Быстро подавались они впередъ, послѣдовательнымъ перебѣганіемъ линіями, такъ что задніе попеременно дѣлались передними. Когда же, въ близкомъ разстояніи отъ рва, окружавшаго Евпаторію, турки изъ-за бруствера какъ воромъ обдали насъ жеребьями (на четверо перерубленными пулями), греки, какъ одинъ, всѣ ринулись на землю и притаились недвижно за разными мѣстными неровностями, пользуясь камнями, рытвинами, буграми, промоинами и тому подобными защитами, не пренебрегая ничѣмъ. что̀ только могло ихъ укрыть отъ непріятельскаго огня.

Я не сразу понялъ этотъ маневръ; оставшись на виду одинъ, верхомъ, вмѣстѣ съ Подпати, я, сначала, не зналъ, на что рѣшиться; это мнѣ не совсѣмъ понравилось и я уже хотѣлъ поднять ихъ, какъ вдругъ вижу, послѣ минутнаго совершеннаго спокойствія, греки зашевелились, осторожно выправили ружья, мѣтко выпалили и, перебѣжавъ впередъ, перемѣнились мѣстами. Опять притаились на минуту, повторили то же самое нѣсколько разъ и, наконецъ, почти достигли рва: передніе стрѣлки уже не подавались, за то задніе постепенно примыкали къ переднимъ. При мнѣ были первыя три роты, а 4-я и 5-я, отдѣлясь, съ капитаномъ Степановымъ, точно также поспѣшили влѣво, къ сторонѣ кладбища. Лѣвѣе Степанова двинулись четыре сотни спѣшенныхъ казаковъ, при старшинѣ Савельевѣ. Слѣдовательно, всѣ мы залегли вблизи рва, прикрываясь кто чѣмъ могъ; мѣтко и не торопясь палили изъ ружей, выжидая минуты штурма. Турки, не умолкая, обстрѣливали насъ изъ ружей, большею частію жеребьями и круглыми пулями; штуцерныхъ было не много. Греки, ловко укрываясь, мало страдали отъ непріятельскаго огня. Взявъ съ нихъ примѣръ, я съ лошадью спрыгнулъ въ яму и, соскочивъ съ сѣдла, прислонился къ наружной ея стѣнкѣ: жеребьи, какъ горсти гороху, перекидываемыя черезъ яму, пролетали надо мною. Ко мнѣ притащился жестоко раненый капитанъ 2-й роты Стамати Карамоди, за нимъ Христовери. Послѣдній, осматривая свою раненную ногу, неосторожно сѣлъ на внутренній край ямы, и въ ту же минуту былъ вторично раненъ, въ животъ. Ко мнѣ подползали и перебѣгали, изъ-за прикрытій, еще нѣкоторые раненые. Время шло, а о штурмѣ не было

слышно; канонада не умолкала, по временамъ грохотали взрывы... наконецъ, гулъ выстрѣловъ сталъ громче, что заставило предполагать, что батареи перешли на ближнюю дистанцію, потомъ пальба затихла... Штурмъ!

Греки, вскочивъ, разомъ бросились къ спуску, готовились спрыгнуть въ ровъ, и не тутъ-то было: ровъ наполненъ водой! Забѣгали туда, сюда, но дѣлать было нечего; хватились за лѣстницы, опустили—плывутъ, а тутъ еще изъ-за бруствера въ нихъ чѣмъ попало, и картечью, и пулями, и жеребьями. Греки—назадъ и опять притаились. Въ это самое время на поддержку къ грекамъ подоспѣли спѣшенные драгуны Московскаго полка. „Что-молъ, вы?“ Ничего, лежимъ. „Какъ же такъ, а штурмъ?“ Мы были. „Что же тамъ?“ Ничего; идите, посмотрите—увидите. Такъ можно было перевести мимическіе переговоры подошедшихъ драгунъ съ греками. Видя драгунъ, бодро и весело подходящихъ твердымъ фронтомъ въ колоннѣ, я выскочилъ изъ ямы, побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу, предупреждая, чему они подвергаются, представляя для турецкихъ стрѣлковъ такую сплошную мишень. При этомъ я указывалъ имъ на практическій способъ подступа разсыпнымъ строемъ, и совѣтовалъ пользоваться мѣстными прикрытіями и послѣдовать примѣру грековъ въ подобнаго рода маневрахъ. Но драгуны, какъ неопытные въ бою, гордо отвергли мое предостереженіе и стали издѣваться надъ тѣмъ, что греки прячутся за камни; помню, какой-то удалой офицеръ крикнулъ мнѣ изъ колонны острое двустишіе:

A la grecque лежать не будемъ,
Своего долга не забудемъ!

Любо—и съ тѣмъ вмѣстѣ—грустно было смотрѣть на молодцовъ, идущихъ на явную и совершенно безполезную погибель. Они въ это самое время вступили на мѣста, занимаемыя греками, и покрикивали на нихъ; тѣ, понявъ, что имъ пора, уступивъ свои прикрытія драгунамъ, разомъ выскочили. Лошадь моя, которую я держалъ за поводъ, испугавшись мгновеннаго ихъ появленія, бросилась и крѣпко наступила мнѣ на ногу: я захромалъ, а въ отрядѣ предположили, что я раненъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что въ этотъ самый мигъ съ укрѣпленія изъ полевыхъ орудій, на драгунъ и на вскочившихъ грековъ, ударилъ градъ картечи, отъ которой послѣдніе потерпѣли болѣе нежели у рва. За это греки долго досадовали на драгунъ, заставившихъ ихъ не во-время и безъ нужды оставить прикрытія, не послужившія на пользу и самихъ драгунъ, которые поспѣшили ко рву. Больно было смотрѣть какъ они гибли напрасно и принуждены были вскорѣ воротиться, конечно, въ разстройствѣ и съ большою потерею. Я, со Степановымъ, собралъ наши пять греческихъ ротъ у кладбища, подъ

прикрытіемъ ограды. Роты Степанова, точно такъ же какъ и мои, при общемъ движеніи на штурмъ, сунулись ко рву и натолкнулись на ту же воду; только у него потеря была значительнѣе: у него было двое убитыхъ, и, къ сокрушенію товарищей, тѣлъ ихъ не успѣли выхватить. Въ общей сложности, изъ греческаго отряда выбыло до 25-ти человѣкъ. Не особенно великій процентъ на 600 слишкомъ человѣкъ, правда, но для грековъ онъ былъ ощутителенъ, по непроизводительности затраты: мы ничего не заняли. Придавая цѣну каждому выпущенному заряду, греки избѣгали всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ могли сами быть ранены, такъ сказать, безъ пути, приберегая себя къ моменту дѣйствительнаго удара.

Азовскій полкъ, какъ уже испытанный въ Балаклавскомъ дѣлѣ при штурмѣ редута, былъ нарочно присланъ главнокомандующимъ къ Хрулеву въ его отрядъ. Третій и четвертый баталіоны этого полка пошли было молодцами на штурмъ, правѣе волонтеровъ, на пунктъ еще труднѣе нашего, но, кромѣ ружейнаго, попали еще подъ убійственный картечный огонь и потерпѣли порядочно: вода остановила ихъ точно также какъ грековъ и драгунъ, и потому, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ воспользоваться лѣстницами, они были принуждены возвратиться на свои мѣста.

Признавая это неожиданное встрѣченно нами препятствіе непреодолимымъ, Хрулевъ поспѣшилъ остановить дальнѣйшія попытки къ штурму и поскакалъ ко мнѣ. Завидѣвъ его издали, я пустился къ нему на встрѣчу и мы съѣхались около дальняго угла кладбища, за которымъ теперь стояли 5-й и 6-й резервные батальоны Подольскаго полка.

— Евпаторію взять нельзя! громко сказалъ мнѣ Хрулевъ. Ничего не сдѣлаешь: выводите ваши команды, отступить!

Затѣмъ онъ скомандовалъ резервнымъ баталіонамъ Подольскаго полка „на лѣво кругомъ!“ но они, не трогаясь, въ одинъ голосъ заговорили:

— Ваше превосходительство! Позвольте: мы возьмемъ... только прикажите!...

Хрулевъ остановился. Молодые солдатики такъ жалостно просили и, стоя подъ огнемъ, не заботясь объ утратахъ, съ такой улыбкой надежды смотрѣли ему въ глаза, что онъ, видимо, колебался. Лицо его пылало, молодецкая кровь кипѣла, слово согласія изъ глубины сердца рвалось на уста... но благоразуміе взяло верхъ: глубоко вздохнувъ, Хрулевъ переломилъ себя.

— Спасибо, спасибо вамъ, молодцы!—произнесъ онъ нетвердымъ

голосомъ. Мы пойдемъ, только не сейчасъ! Мы много потратили патроновъ, надо опять запастись, а пока пойдемъ обѣдать!

Затѣмъ, махнувъ рукой, въ знакъ отступленія, онъ поѣхалъ назадъ, весело улыбаясь. Приказавъ грекамъ, спѣшеннымъ казакамъ и другимъ выбираться изъ огня, я послѣдовалъ за Хрулевымъ. Отъѣхавъ немного, мы были настигнуты княземъ Урусовымъ, прискакавшимъ изъ центральной колонны.

— Какъ! что! ты велишь отступать?—началъ онъ,—помилуй, братецъ, зачѣмъ? мы такъ славно пошли... Напрасно, напрасно! Мы бы непремѣнно взяли Евпаторію...

— Игра не стоитъ свѣчъ, братецъ; ты это хорошо самъ знаешь! сухо отвѣчалъ Хрулевъ.

— Солдаты рвутся! я ихъ поведу. Какъ же это—отступать въ такую благопріятную минуту?

Но Степанъ Александровичъ, вмѣсто отвѣта, въѣхавъ на бугоръ, бывшій возлѣ расположенія центральной колонны, громко скомандовалъ: „отступленіе въ шахматномъ порядкѣ, первые баталіоны, начинай!“

И поднявъ саблю вверхъ, выждалъ покуда команда передавалась баталіонными командирами, потомъ опустилъ ее, съ возгласомъ „маршъ!“

И отступленіе началось такъ же чисто, какъ оно обыкновенно дѣлается на линейномъ ученьи. Когда первые баталіоны отошли на извѣстное разстояніе, Хрулевъ возобновилъ команду для вторыхъ и такъ далѣе; шли мы вплоть до мѣста нашего ночлега. При началѣ отступленія, флигель-адъютантъ Волковъ, прискакавшій къ Хрулеву, сообщилъ ему, что часть турецкой конницы и пѣхоты выходила изъ Евпаторіи съ цѣлію преслѣдованія, но, устрашась нашихъ двухъ баталіоновъ Азовскаго полка при батареѣ артиллеріи, воротилась вспять; при этомъ турки осмѣливались подскакивать довольно близко къ нашимъ каре. Когда мы и съ мѣста тронулись, въ насъ палили таки и съ укрѣпленій Евпаторіи, и съ пароходовъ, но мы скоро спустились за высоту—и все умолкло.

Отступивъ отъ Евпаторіи, Хрулевъ довелъ отрядъ и приказалъ дать обѣдать людямъ и пополнить убыль въ патронахъ; слѣзъ съ лошади на тотъ самый камень, на которомъ провелъ ночь, и заснулъ глубокимъ сномъ.

Я отправился къ греческому баталіону провѣрить убыль и навѣстить раненыхъ; рядовые были на перевязочномъ пунктѣ, а капитаны при своихъ ротахъ. Христовери сидѣлъ въ кибиткѣ и, благодаря за участіе, весело успокоивалъ меня на счетъ послѣдствій ранъ; Карайско, лежа на телѣгѣ, жестоко страдалъ: раны своей онъ не пережилъ.

По первымъ свѣдѣніямъ на самомъ полѣ битвы, насчитали раненыхъ нѣсколько болѣе 500 человѣкъ; раны, въ большинствѣ случаевъ, были легкія, круглыми пулями или жеребьями; многіе солдаты не вышли даже изъ фронта; но самую ощутительную потерю понесъ Азовскій полкъ: кромѣ многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, былъ раненъ довольно серьезно въ берцовую кость командиръ полка, храбрый генералъ Криднеръ.

Блестящій результатъ предварительныхъ распоряженій Хрулева отразился въ томъ примѣрномъ порядкѣ, съ которымъ убирали съ поля и перевязывали раненыхъ. Когда они доставлены были въ Симферопольскій госпиталь, то старшій докторъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать главнокомандующему о той образцовой исправности перевязокъ, которую онъ нашелъ у раненыхъ, прибывшихъ съ поля Евпаторійскаго сраженія, при чемъ онъ присовокупилъ, что и въ госпиталѣ въ настоящее время трудно было бы сдѣлать перевязки подобнымъ образомъ. Вся честь и заслуга въ данномъ случаѣ принадлежала хирургу Евпаторійскаго отряда, надворному совѣтнику Райскому; честь и слава благоразумнымъ распоряженіямъ Хрулева! Подъ Евпаторіей начальники частей артиллеріи отличались распорядительностью какъ передъ боемъ, такъ и въ самомъ бою. Артиллерія работала на славу и много положила враговъ въ Евпаторіи. Штуцерники дѣйствовали тоже мастерски. Пѣхотѣ и кавалеріи правой и центральной колоннъ не довелось приложить ихъ готовности къ дѣлу; онѣ отступили, съ надеждою возобновить бой послѣ обѣда [1]).

Пообѣдали, позапаслись сколько было возможно патронами и снарядами, осмотрѣлись и ожидали приказанія. Никому не было извѣстно рѣшеніе Хрулева; онъ спалъ глубокимъ сномъ и добудиться не было

---

[1]) Въ Евпаторійскомъ дѣлѣ участвовали: Въ правой колоннѣ: 8-я дивизія 1-й бригады ген.-маіора Замарина; полки: Забалканскій—полк. Тимашева, Полтавскій—ген.-м. Голвачевскаго; резервная уланская дивизія г.-м. Бобылева; полки: эрцг. австр. Леопольда—г.-м. Терпелевскаго, Новоархангельскій—полк. Рословлева; двѣ сотни казаковъ; батареи: пѣшая легкая № 3-й, 3-й бр.—полк. Ѳедюхина, конная № 21-й—полк. Колобова, легкія: № 20-й—Эйлера, № 19-й—шт.-кап. Колмыкова. Въ центральной колоннѣ: 8-я дивизія 1-й бригады ген.-м. Тетеревникова; полки: Алексопольскій—ген.-м. фонъ-Бусе, Кременчугскій—барона Менгдена; одна сотня казаковъ; батареи: пѣшая № 3-й 2-й бр.—полк. Алексѣева, легкія: № 4-й—подполк. Лаленевича, № 5-й—Минина. Въ лѣвой колоннѣ: 12-й дивизіи Азовскій пѣх. полкъ—г.-м. Криднера, 5-й и 6-й резеревные баталіоны Подольскаго полка, баталіонъ греческихъ волонтеровъ, спѣшившіеся драгуны Московскаго полка—г.-м. Кроника,

никакой возможности. Этотъ сонъ похожъ былъ на какую-то летаргію. Послѣ столькихъ безсонныхъ ночей и голодныхъ дней, при сильнѣйшемъ напряженіи всей нервной системы, послѣ увлеченія боевыми минутами, сопровождавшимися цѣлымъ роемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній,—Хрулевъ, подъ гнетомъ утомленія, погрузился въ совершенное забытье.

Возвратясь изъ баталіона, возлѣ Хрулева я засталъ Волкова и Шейдемана.

— Степанъ Александровичъ! Степанъ Александровичъ!!—будили они его,—батюшка, проснитесь... что̀ намъ дѣлать съ войсками? Они готовы, управились!...

Видя, что всѣ усилія ихъ напрасны, Волковъ и Шейдеманъ пошли къ войскамъ; посовѣтовались; опять возвратились къ Хрулеву: будили, будили... наконецъ, онъ открылъ глаза.

— По домамъ! — произнесъ онъ, — дайте лошадь!

И опять погрузился въ прежній сонъ.

Подали лошадь: Хрулевъ спалъ сидя на камнѣ. Съ трудомъ усадили мы его, полусоннаго, на лошадь и поѣхали. Я съ правой стороны, Волковъ — съ лѣвой, держась какъ можно ближе къ его стремени. Степанъ Александровичъ машинально держалъ поводья и сильно дремалъ.

Нагнавъ азовцевъ, мы съ Волковымъ замѣтили, что многіе, легко раненые, идутъ во фронтѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Мы разговорились о молодцахъ, и Волковъ въ полголоса поощрялъ ихъ. Хрулевъ, заслышавъ говоръ людей, очнулся.

— Азовцы?! А, молодцы, спасибо, спасибо!—заговорилъ онъ, обгоняя баталіоны.

— Когда же, ваше прево—во, опять?—съ нетерпѣніемъ спрашивали азовцы.

три сотни казаковъ № 61-й Жирова полка, одна сотня казаковъ № 55-й Филинова; батареи: пѣшая легкая № 3-й 11-й бр.—кап. Савича, № 4-й—шт.-кап. Коренницкаго, № 4-й 12-й бр.—пор. Вейерлока, № 3-й 14-й бр.—кап. Ельчанинова, № 4-й—кап. Недосѣкина, конная легкая № 23-й—пор. Кузена. сводной бригадой Азовскаго и Подольскаго полковъ командовалъ ген.-м. Огаревъ 3-й; начальникъ всей пѣхоты ген.-лейт. князь Урусовъ. Начальники колоннъ: правой—ген.-м. Бобылевъ, средней—ген.-м. Тетеревниковъ, лѣвой—ген.-м. Огаревъ 3-й. Начальникъ всей артиллеріи: полков. Шейдеманъ. Начальники артиллеріи: Правой колонны—полк. Колобовъ, средней—полк. Сегеркранцъ, лѣвой—полк. Пущинъ.

— А вотъ, подождите, дайте срокъ; управимся!—отвѣчалъ Хрулевъ, и, обогнавъ полкъ, опять заснулъ.

Мы съ Волковымъ ѣхали молча, поглядывая другъ на друга и карауля Хрулева, чтобы онъ не упалъ; но Степанъ Александровичъ, по привычкѣ, свойственной кавалеристамъ, и спящій твердо держался на сѣдлѣ.

Образцовый порядокъ въ дѣлѣ и стройное отступленіе войскъ, живописно освѣщенныхъ солнечными лучами, оставили въ насъ не только не тяжелое, но, можно сказать, пріятное впечатлѣніе боя подъ Евпаторіей. Всѣ мы сознавали себя правыми, не смотря на то, что отступали. Каждый чувствовалъ, что сдѣлалъ все бывшее въ его силахъ и понималъ, что естественное, встрѣченное нами препятствіе было непреодолимо. Гдѣ же та безрасудная запальчивость, въ которой обвиняютъ Хрулева? Здѣсь ему представлялся случай предаться ей: взявъ дѣло на свой страхъ, Степанъ Александровичъ развивалъ, лелѣялъ мысль—овладѣть Евпаторіей и порадовать государя; изготовился къ дѣлу какъ нельзя лучше; настроилъ умы солдатъ, одушевилъ ихъ, увлекъ на приступъ и, когда они устремились на добычу, онъ оторвалъ ихъ отъ нея единымъ словомъ: „отступить!“ Войска рвутся въ бой, Хрулевъ—ведетъ ихъ обѣдать, жертвуя личною своею отвагою требованіямъ благоразумія.

Доѣхавъ до Тюкъ-Мамая, куда заблаговременно было назначено перейти обозамъ штаба, Хрулевъ машинально спустился съ лошади и, поддерживаемый нами, взошелъ на крыльцо. Въ комнатѣ онъ направился къ широкому оттоману и, опустясь на него, захрапѣлъ.

А. А. Панаевъ.

Замѣтка къ разсказамъ А. А. Панаева.

Редакція «Русской Старины» постоянно соблюдала полнѣйшее безпристрастіе по отношенію къ историческимъ лицамъ, разсмотрѣніе государственной или вообще общественной дѣятельности которыхъ составляетъ предметъ тѣхъ или другихъ монографій, историко-біографическихъ очерковъ, или Записокъ (мемуаровъ) и Воспоминаній, напечатанныхъ на страницахъ этого изданія. Съ другой стороны, каждое изъ упоминаемыхъ во всѣхъ этихъ статьяхъ лицо—можетъ быть твердо убѣждено, что редакціей «Рус. Стар.» никогда не руководитъ какое либо при-

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1855.

XIX [1]).

Чтобы не терять времени, я, по возвращеніи въ Тюкъ-Мамай, распорядился всѣмъ для отъѣзда: выслалъ верховыхъ лошадей на три подставы и ожидалъ. Сѣли обѣдать; будили Хрулева—не встаетъ; подали чай—спитъ по прежнему. Въ страшномъ нетерпѣніи я ходилъ изъ угла въ уголъ, отъ окошка къ окошку; то выйду на крыльцо, то забѣгу въ конюшню. „Свѣтлѣйшій,—думаю,—ждетъ меня съ часу на часъ, а я еще и не думалъ трогаться. И зачѣмъ только я спросилъ Хрулева о порученіи? Мнѣ ѣхать бы просто съ докладомъ очевидца и я былъ бы правъ... а теперь, когда Хрулевъ приказалъ мнѣ подождать письменнаго донесенія, уѣхать не дождавшись значило бы оскорбить полководца. Самое главное: никто не былъ увѣренъ въ томъ, дѣйствительно ли Хрулевъ отказался отъ мысли взять Евпаторію и не намѣревается ли онъ съ утра возобновить приступъ. Общій голосъ лицъ, состоявшихъ при Степанѣ Александровичѣ, рѣшилъ, чтобы я переночевалъ.

Я остался; Хрулевъ проснулся лишь послѣ полудня, проспавъ, такимъ образомъ, цѣлыя сутки. Первыми его словами было:

— Дайте ѣсть! Я голоденъ, какъ собака!

---

[1]) См. томъ XVIII, стр. 109–137; 337—358; 481—506; 699—711. Томъ XIX, стр. 53—80; 287—322.

На-скоро перекусивъ, Степанъ Александровичъ сталъ диктовать донесеніе главнокомандующему. Покуда писали, переписывали, запечатывали давно мною ожидаемый конвертъ, было уже 6 часовъ вечера. Уложивъ донесеніе за пазуху, я поскакалъ, но не надолго: вскорѣ стемнѣло и я былъ принужденъ умѣрить свою прыть. На небѣ темно, на землѣ черно и, только благодаря необыкновенной смѣтливости казаковъ и способности лошадей чуять дорогу, я, послѣ двухъ перемѣнъ, прибылъ на послѣднюю подставу. Уже брежжило, когда я пересѣлъ на добраго иноходца и пустилъ его во весь махъ, уже по знакомой, мнѣ и лошади, дорогѣ. Я несся совсѣмъ сонный и скоро достигъ Сѣверной. Здѣсь всѣ еще спали и я присѣлъ на завалинку, въ безпокойномъ ожиданіи пробужденія князя. Я промедлилъ болѣе сутокъ и меня мучила совѣсть за мою ненаходчивость.

Когда я, сконфуженный, наконецъ подалъ князю конвертъ, онъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на меня, сказалъ:

— „Ахъ, батюшка, я думалъ ты раненъ? Что же ты такъ долго?“

Сознавая себя кругомъ виноватымъ, я пробормоталъ:

— Хрулевъ спалъ,—велѣлъ подождать...

Этотъ отвѣтъ видимо не удовлетворилъ князя. Пробѣжавъ наскоро донесеніе Хрулева, онъ произнесъ:

— „Реляція!“ и бросилъ тетрадь на нижнюю полку походной этажерки.

При подробномъ изложеніи хода дѣлъ, Хрулевъ прислалъ со мною копіи съ диспозицій и приказаній; даже приложилъ экземпляръ намалеваннаго мною плана Евпаторіи. Все это не утѣшило князя: онъ видѣлъ только опять и опять неудачу.

Черезъ нѣсколько дней воротился изъ командировки и Волковъ, котораго князь послалъ въ Петербургъ съ объясненіемъ дѣла государю.

Между тѣмъ, еще ранѣе, въ день моего возвращенія изъ Евпаторіи, 7-го февраля, князь отправилъ въ Петербургъ курьера съ донесеніемъ его величеству (за № 541), гдѣ, вкратцѣ сообщая объ Евпаторійскомъ дѣлѣ, придалъ ему смыслъ усиленной рекогносцировки. Жаль, что донесеніе это не запоздало: оно имѣло великое несчастіе огорчить императора въ послѣдніе дни его жизни!

Какъ ни маловажна была неудача Евпаторійскаго дѣла по своимъ послѣдствіямъ и по сравненію его съ предшествовавшими дѣлами, она тяжелымъ камнемъ легла на воспоминанія всей Россіи. Такъ дѣло какъ бы и заглохло: никто о немъ не вспоминалъ; образцовое его подготовленіе и маневрированіе остались лишь въ документахъ. Князь

Меншиковъ никогда не говорилъ о немъ; никогда меня о немъ не разспрашивалъ.

8-го февраля, утромъ, была заслышана пушечная пальба отъ стороны Чургуна. Оказалось, что непріятель, пользуясь вьюгой, сдѣлалъ отъ Балаклавы къ сторонѣ Чургуна нѣчто въ родѣ рекогносцировки, но скоро былъ замѣченъ нашими и своевременно остановленъ. Перепалка еще изрѣдка продолжалась, когда я, посланный свѣтлѣйшимъ, отыскалъ въ мятелицѣ нашъ отрядъ, осторожно преслѣдовавшій союзниковъ. Когда все успокоилось, я возвратился къ князю и засталъ у него Тотлебена, съ докладомъ о выборѣ мѣста для редута за Киленъ-балкою. 9-го числа вечеромъ, Тотлебенъ его уже разбилъ, а ночью открылъ работы, помощью нѣсколькихъ баталіоновъ Селенгинскаго и подъ прикрытіемъ всего Волынскаго полковъ, подъ общею командою отрядомъ генерала А. П. Хрущева. 10-го февраля, около полудня, главнокомандующій, сопровождаемый мною, поѣхалъ осмотрѣть работы. Найдя, что онѣ настолько подвинулись, что оставленныя на день нѣсколько ротъ селенгинцевъ уже могли укрываться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, князь былъ очень доволенъ и, въ поощреніе трудившихся, назвалъ этотъ редутъ „Селенгинскимъ“; ободрялъ молодцовъ, указывалъ какъ имъ удобнѣе работать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрываться отъ непріятельскихъ штуцерныхъ пуль. Самъ онъ однако же очень рисковалъ, будучи верхомъ и тѣмъ представляя хорошую цѣль стрѣлкамъ. Хрущевъ, днемъ вмѣстѣ съ полкомъ укрывавшійся въ балкѣ, завидя князя, присоединился къ нему и указалъ мѣсто ночной своей позиціи.

Возвращаясь, въ хорошемъ расположеніи духа; на Сѣверную, дорогою князь объяснялъ мнѣ ту пользу, которую наступленіе редутами можетъ принести оборонѣ Севастополя. Онъ прибавилъ къ этому, что еслибы Инкерманское дѣло удалось, то теперь намъ не пришлось бы занимать позицію на Сапунъ-горѣ такимъ медленнымъ способомъ, каково наступленіе редутами, и что теперь, кромѣ затрудненій въ работахъ, намъ предстоитъ, чуть ли не ежедневно, вступать въ бой съ непріятелемъ. Мысль укрѣпиться на Сапунъ-горѣ была еще у князя 24-го октября, въ день Инкерманской битвы. Припоминая о томъ, князь заключилъ разговоръ словами:

— „Открытою силою намъ что-то не удается двигаться впередъ... Попробую контръ-апрошами“.

Я замѣтилъ, что мысль выступленія на Сапунъ-гору, съ нѣкотораго времени, особенно часто посѣщала князя и стала его любимою. Желая лично наблюдать за работами, свѣтлѣйшій надѣялся поддержать въ себѣ энергію и возстановить силы.

11-го и 12-го февраля работы на редутѣ порядочно успѣвали, хотя каменистый грунтъ очень затруднялъ селенгинцевъ и непріятельскіе выстрѣлы не умолкали.

Съ 12-го на 13-е февраля я заслышалъ громъ пальбы съ пароходовъ. Окно занимаемой мною лачужки выходило какъ разъ противъ Киленъ-балки, прямо на Селенгинскій редутъ. Пробужденный пальбою, гляжу въ окно и вижу, на Киленбалкской высотѣ, какъ на небѣ, сверкаютъ огоньки, въ видѣ перекрещивающихся нитей. Эти огоньки, кучками, то подавались впередъ, то двигались назадъ; то вправо, то влѣво; либо, показываясь въ сторонѣ — то исчезали, то вспыхивали опять. Выбѣжавъ на берегъ бухты, я тамъ уже нашелъ князя; дѣло несомнѣнное: непріятель атаковалъ Селенгинскій редутъ! Вотъ, вижу, огоньки раздвоились: опять сошлись; со стороны противниковъ погасли, съ нашей стороны побѣжали впередъ... затѣмъ все стемнѣло. Отбили? нѣтъ: видимъ, огоньки опять устремились въ нашу сторону, перепутались кучками, то тамъ, то здѣсь, сливаясь, разбѣгаясь... мѣстами огоньки вспыхиваютъ залпами: видно, тамъ жаркія схватки. Князь, притаивъ дыханіе, впился взорами въ темноту и проговорилъ въ волненіи:

— „Хрущеву тамъ жарко!“

Въ третій разъ огоньки со всѣхъ сторонъ устремились на нашихъ.

— „Наши отступаютъ!.. проговорилъ-было князь.—Нѣтъ, нѣтъ! отбили!“ произнесъ онъ, радостно переводя духъ.

Тутъ уже можно было, судя по направленію огоньковъ, вѣрно опредѣлить, какъ наши, взявъ перевѣсъ, преслѣдуя бѣгущихъ непріятелей, далеко забрались. Наконецъ, все утихло, огоньки погасли и не возобновлялись болѣе. Во время дѣла, пальба съ пароходовъ прорѣзывала мракъ съ оглушительнымъ грохотомъ. Соображаясь съ огнями ружейныхъ выстрѣловъ, наши комендоры удачно направляли орудія и тѣмъ много содѣйствовали успѣшному отбитію приступа, извѣстіе о которомъ, чуть-свѣтъ, привезъ главнокомандующему прапорщикъ Волынскаго полка Маклаковъ, ординарецъ и воспитанникъ Хрущева. Онъ разсказалъ, что Селенгинскій редутъ атаковали зуавы: что волынцы, при содѣйствіи селенгинцевъ, ставшихъ по первой тревогѣ въ ружье, отбили французовъ. Заслышавъ ихъ приближеніе, волынцы встрѣтили непріятелей хотя и горячо, но натискъ зуавовъ былъ такъ дружевъ, что одну минуту волынцы смутились; но Хрущевъ отважно бросился впередъ, крикнувъ своимъ: „ребята, не выдавайте!“ и волынцы ринулись за нимъ, защитили командира и лихо отразили непріятелей. Три раза французы возобновляли нападеніе и три раза были отбиты; наконецъ, послѣ отчаянной крова-

вой схватки, отступились отъ редута. Тогда селенгинцы опять принялись за работу, а волынцы занялись уборкою раненыхъ и погребеніемъ убитыхъ, которыхъ насчитали множество: около сотни труповъ насчитали еще до прибытія къ намъ Маклакова. Съ нашей стороны потеря была на половину менѣе.

Князь былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ успѣхомъ, въ особенности доволенъ тѣмъ, что отличился его любимый полкъ. Подавая мнѣ связку георгіевскихъ крестовъ на лентахъ, онъ сказалъ:

— „Тутъ двадцать пять знаковъ; отвези Хрущеву и обними его за меня. Пусть раздастъ, кому знаетъ!“

Сѣвъ на лошадь, въ сопровожденіи торжествующаго Маклакова, я поѣхалъ въ Троицкую балку, на позицію Волынскаго полка. Пріѣхавъ на бивуакъ, я засталъ командира и солдатъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Поздравивъ Хрущева отъ имени главнокомандующаго, я подалъ ему георгіевскіе кресты. Радующійся Александръ Петровичъ вынесъ ихъ изъ палатки, стоявшей надъ бивуакомъ, и, поднявъ надъ головами солдатъ, крикнулъ:

— Главнокомандующій прислалъ васъ поздравить, ребята! Вотъ георгіевскіе кресты... Ура!!

Лишь только Хрущевъ возвратился въ палатку, какъ новый взрывъ радостныхъ кликовъ загремѣлъ по бивуаку...

Хрущевъ выглянулъ и, схвативъ каску, проговорилъ:

— Великіе князья!

Посѣщеніе бивуака ихъ высочествами усилило радость ликовавшихъ побѣдителей.

Въ теченіе послѣдующихъ дней Селенгинскій редутъ былъ оконченъ и вооруженъ; а съ 16-го на 17-е февраля былъ заложенъ волынцами еще новый редутъ впереди и нѣсколько лѣвѣе Селенгинскаго. Этимъ временемъ князь весьма сожалѣлъ, что, по болѣзни, не можетъ посѣтить волынцевъ и лично поблагодарить ихъ. Затѣмъ онъ до того расхворался, что докторъ Таубе уговорилъ его переѣхать на время подальше отъ Севастополя, чтобы отдохнуть и поправиться. 17-го февраля князь рѣшился, наконецъ, отправиться въ Симферополь, сообщилъ мнѣ объ этомъ и послалъ его величеству слѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе, за № 552:

— «Физическія силы мои совершенно ослабѣли, а недуги, коими я одержимъ, ожесточаются и уничтожаютъ совершенно мою служебную дѣятельность. Недуги эти такого рода, что всякое усиливаніе припадковъ лишаетъ меня способности командованія.

«Преступно было бы мнѣ долѣе умалчивать вашему императорскому величеству о моемъ положеніи, въ которомъ ежели застанетъ меня необходи-

мость маневрировать, отражать или вести въ бой войска, они будутъ безъ главнаго начальника, ибо онъ не въ состояніи найдется не только вести ихъ, но даже и сопровождать.

«Съ сокрушеннымъ сердцемъ испрашиваю соизволенія вашего императорскаго величества сдать, кому повелѣно будетъ, начальство надъ войсками, въ Крыму расположенными, а мнѣ дозволить отъѣхать въ Николаевъ и Одессу для пользованія».

18-го февраля 1855 года, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, безъ особенныхъ сборовъ и передавъ начальство барону Дмитрію Ерофѣевичу Остенъ-Сакену, сѣлъ въ легкую бричку вмѣстѣ со мною, перекрестился, и, вынувъ серебряную коробочку, въ которой врѣзаны были двое часовъ, посмотрѣлъ и сказалъ, видимо, чтобы запомнить время:

— „Тридцать три минуты перваго".

Этотъ часъ, по градусамъ, минутамъ и секундамъ петербургскаго меридіана, соотвѣтствовалъ двадцати минутамъ перваго — роковому часу кончины императора Николая Павловича [1]).

Экипажъ тронулся; я и не подозрѣвалъ, что мы окончательно выѣзжаемъ изъ Севастополя и что князь Меншиковъ въ близкомъ будущемъ сложитъ съ себя званіе главнокомандующаго. Когда мы проѣхали Бельбекъ и тянулись на гору, насъ охватилъ пронзительный вѣтеръ. Князь сталъ жаловаться на ломоту въ рукѣ и что онъ ею какъ-то плохо дѣйствуетъ.

— „Хорошо, — замѣтилъ онъ, — что, предчувствуя эту боль, я велѣлъ себѣ сшить рукавъ изъ заячьей шкурки и надѣлъ его; а то-бы этотъ холодный вѣтеръ меня донялъ".

Проѣхавъ еще немного, князь сталъ утомляться и поговаривать, что не худо было бы ему въ Бахчисараѣ отдохнуть, только онъ не знаетъ, гдѣ ему тамъ пріютиться, такъ чтобы никого не обезпокоить. Тогда я предложилъ ему расположиться въ маленькомъ домикѣ унтеръ-офицера грека Василья Подпати, куда я уже отправилъ передовой экипажъ. Князь ничѣмъ не рѣшилъ; но, пріѣхавъ въ Бахчисарай, нашелъ въ тепломъ, уютномъ домикѣ грека такую опрятность и такое радушіе хозяевъ, что почувствовалъ отраду, какой давно не испытывалъ.

Когда, утромъ, я вышелъ къ нему, онъ съ чувствомъ довольства сказалъ мнѣ:

---

[1]) Восточная долгота Петербурга (отъ Ферро) 47° 58′ 13″, Севастополя— 51° 10′ 8″; разность въ часахъ 12 минутъ 59 (почти 60) секундъ, т. е. 13 минутъ. А. П.

— „Ахъ, братецъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо: я бы не выѣхалъ! Останемся здѣсь подольше, съѣздимъ въ Чуфутъ-Кале. Мнѣ гораздо лучше".

Заложили лошадей, мы выѣхали за городъ по дорогѣ въ Чуфутъ-Кале; но, не доѣхавъ до него, воротились. Князь не понадѣялся на свои силы, такъ какъ на скалистую гору Чуфутъ-Кале возможно взобраться лишь верхомъ на лошакѣ. По возвращеніи въ Бахчисарай, князь велѣлъ подать себѣ верховую лошадь, желая осмотрѣть расположеніе города. Лошадь стояла уже у крыльца, какъ изъ Севастополя пріѣхалъ Константинъ Романовичъ Семякинъ. Отложивъ свою поѣздку, свѣтлѣйшій предоставилъ мнѣ осмотрѣть Бахчисарай одному. Семякинъ, 17-го и 18-го февраля находившійся въ командировкѣ, ничего не зналъ объ отъѣздѣ князя и, по возвращеніи своемъ, нашелъ приказаніе догнать Александра Сергѣевича въ Симферополѣ. Князь цѣлый день занимался съ Семякинымъ и распростился съ нимъ лишь поздно вечеромъ, предупредивъ меня, что завтра мы выѣзжаемъ въ Симферополь. Семякинъ вышелъ отъ князя растроганный и, обнявъ меня, сказалъ:

— Прощайте, Панаевъ; воротится ли князь? А мнѣ такого командира не нажить.

Такъ и не удалось князю воспользоваться отдыхомъ, который могъ бы весьма быть полезенъ для его здоровья. Здѣсь, въ Бахчисараѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ добрыхъ, радушныхъ людей, князю такъ отрадны были мельчайшія заботы и попеченія о его спокойствіи простой и съ тѣмъ вмѣстѣ деликатной женщины. На другой день, 20-го февраля, мы выѣхали изъ дома Подпати.

Въ Симферополѣ князю отвели офиціальную квартиру въ прекрасномъ домѣ; но здѣсь было уже не то, что подъ мирнымъ кровомъ Подпати. Здѣсь присутствіе должностныхъ лицъ и городскихъ властей, донесенія, запросы изъ Севастополя — опять растревожили князя. Онъ спѣшилъ уѣхать въ Николаевъ; приказалъ мнѣ изготовиться къ 23-му февраля, но прибытіе наканунѣ курьера изъ Петербурга заставило его отложить поѣздку. Получена была печальная вѣсть о тяжкой болѣзни государя; великіе князья вызывались въ Петербургъ. Князь Меншиковъ, встревоженный самъ, но, чтобы не повергнуть въ унынie войска, тщательно скрывая полученное извѣстіе, поручилъ барону Остенъ-Сакену содѣйствовать ему въ томъ. Вслѣдствіе этого, ихъ высочествамъ было сообщено, что они призываются въ Петербургъ по случаю нездоровья августѣйшей ихъ родительницы. Великіе князья понеслись въ Петербургъ; въ Симферополѣ они не успѣли повидаться съ княземъ; на-скоро пообѣдали у губернатора. Одинъ

А. Д. Крыловъ, знавшій истину, обѣдалъ въ этотъ день съ ихъ высочествами и разсказалъ намъ о тревожномъ состояніи духа и о той поспѣшности, съ которыми великіе князья неслись въ столицу. Окружавшіе Меншикова все еще ничего положительнаго не знали, но разстроенное состояніе духа и принужденность, съ которыми князь и Крыловъ говорили съ нами, не предвѣщали ничего добраго. Въ уныніи бродили мы изъ угла въ уголъ, мало разговаривая другъ съ другомъ, не въ силахъ будучи чѣмъ-либо заняться...

Вдругъ — зловѣщій посланный изъ Севастополя: баронъ Остенъ-Сакенъ извѣщаетъ князя Меншикова, что союзники, вызвавъ парламентера, сообщили ему прискорбное извѣстіе о кончинѣ императора Николая I!

Какъ громомъ пораженные, мы не знали чему вѣрить: болѣзни ли императрицы, или кончинѣ императора? Насъ обдало ужасомъ; князь слегъ — у него открылась жестокая лихорадка: доктора настаивали на безотлагательномъ выѣздѣ князя изъ Крыма.

Тогда князь поручилъ мнѣ расформировать нижнихъ чиновъ состава главной квартиры. Въ то же время онъ вкратцѣ сообщилъ мнѣ смыслъ полученнаго имъ, 22-го февраля, рескрипта Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ 15-го февраля, которымъ князь, за болѣзнію, увольнялся отъ званія главнокомандующаго.

Вотъ содержаніе упомянутаго рескрипта [1]):

— «Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, приказалъ мнѣ, любезный князь, отвѣчать вамъ его именемъ на послѣдняго вашего курьера, отъ 7-го февраля.

«Его величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною, по вашему приказанію, генераломъ Хрулевымъ, на Евпаторію, и значительною потерею, вновь понесенною нашими храбрыми войсками безъ всякаго результата.

«Его величество не можетъ не удивляться, что, пропустивъ три мѣсяца для атаки сего пункта, когда въ немъ находился самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться, вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда, по всѣмъ

---

[1]) Какъ этотъ документъ, такъ и послѣдующіе, были напечатаны частію въ недавно вышедшемъ сочиненіи М. И. Богдановича «Восточная война 1853—56 годовъ», частію гораздо ранѣе въ другихъ офиціальныхъ изданіяхъ, каковы: «Русскій Инвалидъ», «Военный» и «Морской» Сборники. Тѣмъ не менѣе, они помѣщены здѣсь, по тѣсной связи ихъ съ излагаемыми событіями, причемъ печатаются по точнымъ копіямъ, снятымъ съ подлинниковъ въ свое время, съ разрѣшенія князя А. С. Меншикова, составителемъ разсказовъ.

свѣдѣніямъ, достовѣрно было извѣстно, что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашой. Его величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

«Изъ журнала осадныхъ работъ подъ Севастополемъ, его величество убѣждается, что союзники, подвигаясь все ближе, устраивая новыя батареи, какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ-горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что также подтверждается всѣми газетными статьями.

«Съ другой стороны, усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что, при теперешнемъ числѣ войскъ, вы рѣшительно считаете всякое наступательное движеніе невозможнымъ, его величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно: если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ отбиться, то не медля перейти въ наступленіе, какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны Чургуна на Кадыкіой, назначивъ для сего послѣдняго движенія сколь возможно большее число свободныхъ войскъ съ нужною артиллеріею и кавалеріею, дабы угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

«Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то его величество не сомнѣвается, что принятыми вами мѣрами, на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ вами занимаемой и столь сильно укрѣпленной, вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіею помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

«Что касается до признаваемой вами необходимости новаго затопленія 3-хъ линейныхъ кораблей для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія севастопольскаго рейда, его величество, не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ, однако, не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

«За симъ государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому усердному и вѣрному сотруднику, и откровенно сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнять всякое порученіе, довѣріемъ его величества на васъ возлагаемое, государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до высочайшаго его свѣдѣнія, и желая доставить вамъ средства поправить и укрѣпить разстроенное службою ваше здоровье, высочайше увольняетъ васъ отъ командованія крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому предписано немедленно отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда, его величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать исполнять должность вами доселѣ занимаемую.

«Извѣстясь также о болѣзненномъ состояніи сына вашего, вслѣдствіе сильной контузіи, его величество разрѣшаетъ ему воротиться сюда и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

«За симъ, государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ».

XX.

По полученіи рескрипта, князь Меншиковъ написалъ Его Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу слѣдующее донесеніе отъ 24-го февраля 1855 года (за № 553).

— «Рескриптъ Вашего Императорскаго Высочества отъ 15-го сего истекающаго февраля мѣсяца съ изложеніемъ высочайшаго увольненія меня отъ командованія войсками въ Крыму, засталъ меня уже въ Симферополѣ, куда я прибылъ по сдачѣ начальства генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену, и въ положеніи здоровья столь разстроеннаго, что я лишенъ всякой физической возможности принимать участіе въ дѣйствующей арміи.

«Не съумѣю выразить Вашему Высочеству сколь глубоко чувствую и высоко цѣню я то лестное вниманіе, которое оказано мнѣ при этомъ.

«Убѣжденный искренно, что въ выполненіи всего, требуемаго настоящими событіями, одного усердія недостаточно—нужны силы и разумѣніе,—я, съ благоговѣйною признательностью пріемлю высочайше дарованный мнѣ отдыхъ, такъ существенно моимъ ослабѣвшимъ силамъ необходимый.

«Священнымъ долгомъ поставляю себѣ, при свиданіи съ княземъ Горчаковымъ, передать ему все, что̀ знаю, не только съ откровенностію, но и съ чувствомъ той дружбы, которая взаимно связываетъ насъ съ юныхъ лѣтъ.

«При всеподданнѣйшемъ донесеніи Вашему Высочеству объ этомъ, да будетъ мнѣ дозволено обратить вниманіе Ваше, на—осмѣлюсь такъ выразиться — существенную необходимость дать преемнику моему разрѣшеніе двигать войска по своему ближайшему мѣстному усмотрѣнію въ то время, когда прійдется ему маневрировать изъ одного края полуострова въ другой и обращать головныя войска наступательныхъ колоннъ, тѣ войска, которыя будутъ ближе подъ рукой, для стратегическаго направленія ихъ отъ турокъ къ сардинцамъ, либо къ французамъ, или къ англичанамъ, и обратно, смотря куда и какъ понадобится.

«Въ такомъ передвиженіи могутъ быть войска 6-го корпуса и 8-я дивизія. Уполномочіе — своевременно и по своему усмотрѣнію распоряжаться сею послѣднею—необходимо дать моему преемнику потому, что ихъ пмпе-

раторскія высочества государи великіе князья, между переданными мнѣ высочайшими указаніями, изволили, также именемъ государя, объявить запрещеніе сближать къ себѣ 8-ю дивизію. Разрѣшено было мнѣ только одну бригаду передвинуть въ случаѣ крайней надобности и то не далѣе какъ до высоты Симферополя.

«Вышеизложенное соображеніе мое повергаю милостивому воззрѣнію Вашего Императорскаго Высочества.

«Тяжкое состояніе моего здоровья вынуждаетъ меня, по настоятельному требованію медиковъ, не оставаться долго въ Крыму».

Въ бытность нашу въ Севастополѣ, составъ нижнихъ чиновъ при главной квартирѣ былъ не великъ; насчитывалось всего-на-все 58 человѣкъ; въ этомъ числѣ были: 4 сапера, 39 казаковъ, 8 балаклавскихъ грековъ, 5 писарей, курьеръ и фельдшеръ. Въ послѣдствіи, при болѣе обширномъ сформированіи штаба, прибавилось еще человѣкъ 12 казаковъ для ухода за лошадьми пріѣзжавшихъ лицъ, да еще на Сѣверной, при штабѣ, бивуакировали, на всякій случай, полсотни казаковъ и полуэскадронъ крымскихъ татаръ. Въ Симферополь, за княземъ, пришло, конечно, и того менѣе, такъ что расформированіе состава не было сопряжено съ особенными затрудненіями. Всѣ рядовые изъ нижнихъ чиновъ были произведены княземъ въ унтеръ-офицеры и возвращены въ свои части съ заслуженными ими хорошими аттестаціями. Нѣкоторымъ князь подарилъ лошадей, лошаковъ, верблюдовъ; роздалъ также и денежныя награды [1]).

Кроткимъ своимъ обращеніемъ, необыкновеннымъ терпѣніемъ и рѣдкою снисходительностію, князь, безъ всякихъ матеріальныхъ поощреній, умѣлъ привязать къ себѣ людей, не возбуждая въ нихъ корыстныхъ видовъ. При награжденіяхъ онъ не забылъ и тѣхъ изъ отличныхъ казаковъ, которые не могли слѣдовать за нимъ въ Симферополь.

Скоро все было готово къ отъѣзду князя и 26-го февраля онъ выѣхалъ изъ Симферополя. Я сѣлъ съ нимъ въ одинъ экипажъ, и когда мы проѣхали первую станцію, Сарабузъ, князь сказалъ:

— „Надо ожидать встрѣчи съ петербургскимъ курьеромъ; посматривай впередъ, чтобы намъ съ нимъ какъ не разъѣхаться!“

---

[1]) Помню имена всѣхъ этихъ людей. Саперы: Лукьянъ Пивановъ, Максимъ Ивановъ, Иванъ Николаевъ, Сергѣй Егоровъ. Казаки: лихой юнкеръ Хоперскій, вѣстовые Шапинъ и Долговъ; находившіеся при лошадяхъ князя, не разлучный со свѣтлѣйшимъ Кузьма Кудрявцевъ, Осипъ Алимовъ, Григорій Поповъ и Корнѣй Демпнъ; изъ Балаклавскаго греческаго баталіона: Георгій Панаго, Семенъ Бамбукъ и Михаилъ Спап. Послѣдній былъ замѣчательный и опытный проводникъ. **А. П.**

Проѣхавъ 65 верстъ отъ Симферополя до станціи Айбары, князь, утомившись, вышелъ изъ экипажа и, не будучи въ силахъ продолжать путь, остался ночевать на станціи. На другой день, раннимъ утромъ, мы опять тронулись въ путь и за Ишунью, послѣднею станціею до Перекопа, встрѣтились съ ожидаемымъ курьеромъ: это былъ генералъ князь Ѳ. П. Паскевичъ, сынъ фельдмаршала. Онъ ѣхалъ въ Севастополь съ повелѣніемъ привести войска къ присягѣ новому Императору Александру II и везъ депеши князю Меншикову.

Прочитавъ депеши, Александръ Сергѣевичъ перекрестился и, разспросивъ Паскевича о подробностяхъ послѣднихъ минутъ жизни покойнаго государя, отправился въ дальнѣйшій путь.

Содержаніе перваго рескрипта Императора князю Меншикову, отъ 18-го февраля 1855 года, было слѣдующее:

— «Исполнивъ въ послѣднемъ письмѣ по словамъ незабвеннаго Государя нашего и благодѣтеля, Я хочу сегодня выразить вамъ, любезный князь, мою искреннюю благодарность отъ его имени за вашу всегдашнюю ревностную службу.

«Будьте увѣрены, что всѣ тѣ, которыхъ любилъ и уважалъ незабвенный мой родитель, всегда останутся близки моему сердцу, а вы знаете, что онъ называлъ васъ своимъ другомъ.

«Уволивая васъ, для поправленія разстроеннаго на службѣ вашего здоровья, отъ всѣхъ занимаемыхъ вами должностей, вы остаетесь моимъ генералъ-адъютантомъ и Я радъ буду видѣть васъ при мнѣ. Если-же вы предпочтете остаться въ Севастополѣ, то я вамъ въ этомъ не препятствую.

«Послѣднее извѣстіе о построеніи редута на Сапунъ-горѣ, привезенное сыномъ вашимъ за нѣсколько часовъ до кончины нашего государя, было ему послѣднимъ утѣшеніемъ.

«Да благословитъ Богъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя! — Васъ искренно любящій Александръ».

Второй рескриптъ, отъ 19-го февраля, былъ таковаго содержанія:

— «Князь Александръ Сергѣевичъ! Августѣйшій родитель мой извѣстился съ искреннимъ сожалѣніемъ въ послѣдніе дни неусыпныхъ его попеченій о защитѣ церкви и отечества, что разстроенное здоровье ваше не можетъ возстановиться среди неусыпныхъ трудовъ, подъемлемыхъ вами по званію главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму. Согласно просьбѣ вашей и всемилостивѣйшему предположенію въ Бозѣ почившаго государя, увольняя васъ отъ сей должности и званія начальника главнаго морскаго штаба и финляндскаго генералъ-губернатора, дабы предоставить вамъ необходимый для леченія отдыхъ, но оставляя васъ генералъ-адъютантомъ и членомъ государственнаго совѣта, Я отдаю полную справедливость самоотверженію, съ какимъ, не взирая на болѣзи ен-

ное состояніе, вы исполняли доселѣ важныя и многочисленныя обязанности, на васъ лежавшія.

«Въ общей глубокой горести о кончинѣ нашего благодѣтеля да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противодѣйствуютъ его покушеніямъ.

«Поблагодарите отъ Меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военныя лѣтописи. Перешедшій въ жизнь вѣчную царственный вождь православнаго воинства благословляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ (подписано) Александръ».

Проѣхавъ нѣсколько времени съ грустно поникшей головой, князь обратился ко мнѣ:

— „Я уволенъ отъ всѣхъ должностей съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, поэтому уже не имѣю права на адъютантовъ. Ваша судьба меня безпокоитъ: нѣкоторыхъ Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ перечислитъ, вѣроятно, къ себѣ, какъ, напримѣръ, Грейга; Виллебрандтъ останется у Горчакова; Веригинъ, я знаю, послѣ кампаніи, не останется на службѣ... а ты, какъ про себя думаешь?“

Такъ какъ я еще ничего не сообразилъ, то и отвѣтилъ князю, что покуда онъ мнѣ позволитъ сопровождать себя, то я не желаю ничего лучшаго, а тамъ, Богъ дастъ, война скоро кончится и я оставлю службу, чтобы вполнѣ предаться занятію кавалерійскимъ искусствомъ.

Особенное, высокое уваженіе къ князю Александру Сергѣевичу не допускало во мнѣ мысли видѣть въ ближайшемъ моемъ начальникѣ кого-либо другаго, кромѣ его. Лица, состоявшія при князѣ, подчинялись ему невольно, по глубокому внутреннему убѣжденію въ его превосходствѣ надъ собою.....

Послѣ краткаго разсужденія о размѣщеніи своихъ адъютантовъ, князь замолкъ, и, склоняясь то къ одному, то къ другому боку экипажа, искалъ удобнѣйшаго положенія, но все напрасно: его душевныя и тѣлесныя страданія были слишкомъ ощутительны. Къ тому-же дорога отъ Симферополя все время шла очень грязная; легкій экипажъ князя шестерикомъ и сзади тарантасъ четверкой съ большимъ трудомъ, но всетаки подавались впередъ, тогда какъ встрѣчавшіеся намъ обозы страшно маялись. Усилія подводчиковъ были неимовѣрны: многіе изъ нихъ, потерявъ надежду вытащить изъ грязи свои телѣги, бросали ихъ и уводили лошадей на отдыхъ, въ ожиданіи просухи. По мѣрѣ приближенія къ Перекопу, солонцеватый грунтъ низменности до того растворился, что представлялъ непрерывную топь, широко изъѣзженную по всѣмъ направленіямъ. Движущихся подводъ было мало,

бо́льшая ихъ часть была брошена и утопала въ грязи безъ лошадей, которыя, въ свою очередь, трупами валялись на пути: подъ слоемъ грязи едва можно было различить очертанія членовъ несчастныхъ животныхъ. Не мало попадалось и такихъ подводъ, которыя, какъ казалось, уже давнымъ давно ожидали своего спасенія, а между тѣмъ онѣ были нагружены предметами насущной необходимости для арміи. Видъ этого плачевнаго подвоза тревожилъ князя: онъ сокрушался объ участи войскъ; безпрестанно выглядывалъ изъ брички, чтобы узнать какая кладь была на погрязнувшей подводѣ; а такъ какъ мы и сами-то едва-едва двигались шагомъ, то и не трудно было даже сосчитать число подводъ. Вдругъ наша бричка стала! Шестерня не могла ее стащить. Выйдя изъ экипажа, вижу, что ея колеса превратились въ сплошные валы отъ плотно налипнувшей на нихъ грязи. Пользуясь моимъ большимъ кинжаломъ, я съ ямщикомъ принялся срѣзывать съ колесъ цѣлыя глыбы грязи—и признаюсь, не малаго труда стоило намъ привести колеса въ такое состояніе, чтобы они могли вертѣться. Проѣхавъ немного, лошади опять стали; мы опять принялись за ту же работу... и такъ, очищая колеса, мы чуть-чуть подавались впередъ, при чемъ, каждый разъ, налипшая грязь отдѣлялась труднѣе: вѣтеръ, обдувая землю, начиналъ ее просушивать, грязь густѣла и, по особому свойству липкости своей, все плотнѣе и плотнѣе приставала къ колесамъ. Наконецъ, за три версты до Перекопа, колеса до такой степени слились съ почвой, что составили какъ бы нераздѣльную съ нею массу и лишь лопатами еще можно было что нибудь сдѣлать: -ни моего кинжала, ни нашихъ силъ уже не хватало! [1]). Разуваевъ, камердинеръ князя, былъ очень боленъ; изнуренный припадками чахотки, онъ лежалъ въ тарантасѣ и не могъ намъ пособлять. Добрый шестерикъ напрягалъ всѣ свои усилія, но не могъ даже сдвинуть съ мѣста нашу нетычанку. Пришлось послать ямщика верхомъ, въ Перекопъ, за помощью.... Въ степи водворилась мертвая тишина. Замѣтивъ, что князь дремлетъ, я оставилъ его одного въ бричкѣ, прикрылъ ее запономъ и спустилъ зонтикъ. Князь крѣпко уснулъ.

Уже вечерѣло, когда изъ Перекопа пригнали десять паръ воловъ и пришли рабочіе съ лопатами; свѣтлѣйшій все еще спалъ. Безъ шума откопали колеса брички, запрягли въ нее всѣ десять паръ воловъ, которые и поволокли экипажъ.

---

[1]) Кто не имѣетъ понятія о подобныхъ липкихъ грязяхъ нашего южнаго края, тому разсказъ нашъ покажется невѣроятнымъ—однако-же, онъ буквально правдивъ. А. П.

По неимѣнію воловъ для тарантаса, мы были принуждены оставить его ночевать въ степи, вмѣстѣ съ больнымъ Разуваевымъ.

Когда мы, наконецъ, втащились въ городъ, то здѣсь грязь оказалась пожиже; экипажъ задвигался пошибче, заколыхался и князь проснулся.

— „Гдѣ мы остановимся?“

— Въ домѣ солянаго пристава,—отвѣчалъ я,—тамъ все приготовлено.

Князь поморщился и замѣтилъ мнѣ, что онъ не любитъ никого стѣснять.

Однако, радушный пріемъ, ему оказанный, расположилъ Александра Сергѣевича въ пользу гостепріимнаго хозяина. Выражая ему свою искреннюю признательность, князь ему говорилъ:

— „Мнѣ такъ у васъ хорошо, Петръ Петровичъ, что, откладывая всякую церемонію, я покоряюсь вашему задушевному обо мнѣ попеченію. Дѣлайте со мной что́ хотите; я вижу ясно, что вы не тяготитесь мной“.

Дѣйствительно, нашъ хозяинъ, соляной приставъ Озерецковскій, съ такимъ непринужденнымъ тактомъ держалъ себя и съ такой простотою, безъ всякаго отступленія отъ обыденной своей жизни, угощалъ насъ, что въ его домѣ мы чувствовали себя очень легко.

Петръ Петровичъ Озерецковскій былъ человѣкъ умный и образованный; князь съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ и, по свойственной ему любознательности, знакомился съ соляными промыслами Крыма. Князь намѣревался дождаться здѣсь встрѣчи съ княземъ М. Д. Горчаковымъ и писалъ къ нему въ Кишиневъ узнать о времени его выѣзда.

Безпокоясь объ участи оставшагося въ степи Разуваева, утромъ 28-го февраля, я поѣхалъ верхомъ къ нему на встрѣчу. Прождавъ довольно долго, я подумалъ, не умеръ-ли нашъ больной. Однако, часу въ одиннадцатомъ, камердинеръ князя, очень веселый и довольный, въѣхалъ въ Перекопъ, влекомый въ тарантасѣ десятью парами воловъ. Бодрое состояніе духа и здоровья камердинера меня удивило; въ послѣдствіи князь объяснилъ мнѣ, что чахоточные, вообще, на влажномъ и открытомъ воздухѣ дышатъ свободнѣе. Такъ и Разуваева подкрѣпила ночь, проведенная имъ въ степи; но князь съ грустью замѣтилъ при этомъ, что самый этотъ признакъ подтверждаетъ неизлечимость болѣзни его камердинера.

Въ Перекопѣ и самъ князь нѣсколько оправился здоровьемъ; онъ былъ въ состояніи принимать начальниковъ проходившихъ мимо частей войскъ; давалъ имъ свои наставленія; написалъ прощальный приказъ по крымскимъ войскамъ и, пробывъ въ домѣ Озерецковскаго до

5-го марта, выѣхалъ далѣе, располагая встрѣтиться съ княземъ Горчаковымъ въ Херсонѣ.

Отрадный пріютъ въ Перекопѣ подкрѣпилъ силы Александра Сергѣевича, но надобно было поспѣшить въ Херсонъ. Князь Горчаковъ уже выѣхалъ изъ Кишинева, а отъ Перекопа до Херсона еще 90 верстъ; въ послѣднемъ всего удобнѣе будетъ съѣхаться обоимъ главнокомандующимъ. При этомъ кн. Меншиковъ заботился, чтобы, для проѣзда князя Горчакова, лошади на станціяхъ послѣ нашего перегону успѣли отдохнуть, чѣмъ облегчалось прибытіе Михаила Дмитріевича къ Севастополю.

XXI.

За Перекопомъ дорога пошла лучше, мѣстность была возвышеннѣе; вѣтеркомъ обдувало дорогу и за время, проведенное нами въ Перекопѣ, она успѣла пообсохнуть. Ѣхали мы шибко и около двухъ часовъ по полудни достигли Алешекъ. Дорогой мы встрѣтили нѣсколько дормезовъ, въ которыхъ ѣхали передовые изъ южной арміи: ясно было, что проѣзжавшіе и не подозрѣвали, какой сюрпризъ озадачитъ ихъ экипажи за Перекопомъ, и мы не мало удивились непредусмотрительности ѣхавшихъ.

Городъ Алешки расположенъ на луговой сторонѣ Днѣпра; Херсонъ—насупротивъ, на правомъ, нагорномъ его берегу. Тотчасъ по прибытіи въ Алешки, князь послалъ въ Херсонъ просить князя Горчакова, ежели онъ уже тамъ, то подождать его прибытія; самъ-же, изъ опасенія разъѣхаться съ нимъ на Днѣпрѣ, рѣшился дождаться точныхъ свѣдѣній въ Алешкахъ. Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ очень широкъ и отъ стороны Алешекъ покрытъ густыми камышами, почему разъѣхаться было немудрено.

Со своей стороны, князь Горчаковъ, чрезъ посланнаго изъ Херсона, просилъ князя Александра Сергѣевича не переѣзжать Днѣпра, такъ какъ онъ уже находился на пути въ Алешки. Эта торопливость князя Горчакова обезпокоила кн. Меншикова: онъ расчитывалъ на просторѣ заняться со своимъ преемникомъ обсужденіемъ столь важнаго вопроса, какова передача всѣхъ военныхъ соображеній защиты Крыма и Севастополя. Изъ предложенія-же Горчакова Александръ Сергѣевичъ заключилъ, что Михаилъ Дмитріевичъ не расположенъ обсуждать съ нимъ предметъ, такъ горячо озабочивавшій бывшаго главнокомандующаго.

Въ ожиданіи прибытія князя Горчакова, я бродилъ по берегу. Завидѣвъ лодку, нагруженную чиновными людьми, я доложилъ кн. Меншикову; онъ вышелъ на берегъ и сѣлъ на камень, видимо въ

нервномъ настроеніи. Ставъ поотдаль, я думалъ о той укоризнѣ, которую предстояло намъ встрѣтить въ глазахъ новаго главнокомандующаго и всѣхъ его спутниковъ. Тяжелое, гнетущее душу впечатлѣніе, вынесенное нами изъ Севастополя, ожидало всѣхъ, туда ѣхавшихъ; они могли выразить намъ справедливый укоръ за то, что мы „подвели ихъ подъ сюркупъ". И я ждалъ, что князь Горчаковъ начнетъ съ того, что выразитъ неудовольствіе своему предшественнику.

Не могу описать моего удивленія, когда я увидѣлъ, что князь Михаилъ Дмитріевичъ, стоявшій пріосанясь въ лодкѣ среди генералитета, причалилъ къ берегу въ самомъ веселомъ настроеніи духа, и едва лодка коснулась пристани, какъ онъ выскочилъ изъ нея и съ восторженными тѣлодвиженіями поспѣшилъ на встрѣчу князя Меншикова, въ это время тихо и задумчиво спускавшагося къ берегу. Встрѣча двухъ главнокомандующихъ при ихъ смѣнѣ—минута торжественная.

Я отошелъ въ сторону.

Изъ разговора князя съ его преемникомъ я не могъ слышать ни слова, однако же замѣтно было, что обоюдныя отношенія ихъ самыя дружественныя. Послѣ обычныхъ привѣтствій, сдѣланныхъ Александру Сергѣевичу свитою князя Горчакова, князь Меншиковъ подозвалъ меня и представилъ его сіятельству Михаилу Дмитріевичу; потомъ они вошли въ домикъ на берегу, занятый Меншиковымъ. Я присѣлъ возлѣ домика. До того дня никого изъ вновь прибывшихъ я никогда не видалъ; всѣ они были бодры и веселы... Свѣжія силы, ѣхавшія въ Севастополь, не вѣдали, что̀ ихъ тамъ ожидаетъ.

Когда смерклось, я вошелъ въ домикъ, чтобы отыскать людей изъ прислуги и приказать имъ подать свѣчи въ ту комнату, въ которой занимались главнокомандующіе. Въ это время князь Александръ Сергѣевичъ растворилъ двери мнѣ на встрѣчу и въ амфиладѣ двухъ покоевъ я увидѣлъ князя Михаила Дмитріевича, который, сидя бокомъ къ столу, кушалъ пряники. Притворивъ дверь, князь Александръ Сергѣевичъ подошелъ ко мнѣ.

— „Ты, что?"

Я отвѣтилъ; князь, понизивъ голосъ, сказалъ мнѣ:

— „Удивляюсь настроенію Михаила Дмитріевича! Онъ рѣшительно не входитъ въ планъ моихъ распоряженій, а пріѣхалъ со своими предвзятыми идеями, которыя хочетъ исполнить. Я старался расположить его къ продолженію уже успѣшно начатаго плана наступленія редутами, но онъ меня не слушаетъ и говоритъ, что не напрасно слѣдилъ за ходомъ севастопольскихъ дѣлъ и на просторѣ, тамъ, въ Кишиневѣ, у него созрѣлъ чудный планъ, помощью котораго и съ тѣми

средствами, которыя онъ вноситъ для обороны Севастополя, онъ увѣренъ, что вскорѣ вытѣснитъ непріятеля съ полуострова".

Я не могъ удержаться отъ изумленія; но князь продолжалъ:

— „Подожди; я тебѣ покажу планъ, который Горчаковъ привезъ съ собой!"

Затѣмъ онъ ввелъ меня въ боковую комнату и, подойдя къ столу, по секрету показалъ карту, на которой я увидалъ нанесенные редуты въ шахматномъ порядкѣ, вдоль сѣвернаго берега глубины бухты и по Инкерманскимъ высотамъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, было то, что редутовъ оказывалась масса и размѣщены они были въ симметрическомъ порядкѣ, такъ что приходились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невозможно было ихъ и построить. Взглянувъ на меня, князь, тихо и скороговоркой, произнесъ:

— „Ты хорошо знаешь эти мѣста. Посмотри—гдѣ редуты приходятся, какая ихъ цѣль, каковы должны быть силы, чтобы ихъ занимать и можно-ли ими изгнать непріятеля?"

Спѣша положить карту на прежнее мѣсто, князь шепнулъ:

— „Не уходи".

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять вышелъ; прошелся по комнатѣ; опять воротился... и такъ дѣлалъ нѣсколько разъ: въ немъ были замѣтны волненіе и безпокойство, которыя онъ старался преодолѣть.

— „Не могу, — произнесъ онъ, наконецъ, въ полголоса, — никакъ не могу настроить Горчакова на серьезный тонъ! Онъ ничего не слушаетъ, а ходитъ отъ одной тарелки къ другой и ѣстъ пряники... Я все дожидался: „вотъ — думаю — съѣстъ всѣ пряники, займется дѣломъ", — не тутъ-то было: онъ приказалъ подать себѣ еще; ужъ не знаю, сколько онъ ихъ тамъ привезъ, только я теряю всякое терпѣніе и надежду наладить его на дѣло. Боюсь, онъ заболѣетъ! Постой..."

И князь вышелъ, не притворивъ за собою дверей, такъ что мнѣ было видно, какъ человѣкъ Горчакова вошелъ и поставилъ двѣ тарелки, наполненныя пряниками, одну на одномъ столѣ, другую на другомъ.

Поискавъ въ своихъ бумагахъ, Александръ Сергѣевичъ вынесъ какую-то записку и, выводя меня въ прихожую, сказалъ:

— „Отнеси эту записку къ Коцебу, она ему нужна; но подъ этимъ предлогомъ постарайся разговориться и узнать, въ какомъ онъ настроеніи?"

Квартира Павла Евстафіевича Коцебу находилась на другомъ концѣ Алешекъ; я засталъ его въ занятіяхъ съ начальникомъ артиллеріи Сержпутовскимъ. Принявъ меня, Коцебу просилъ обождать,

пока онъ кончитъ объясненіе съ генераломъ. Потомъ, пробѣжавъ записку, которую я принесъ, поручилъ благодарить его свѣтлость и спросилъ, что я дѣлаю при князѣ? Когда же узналъ, что я все время находился при немъ безотлучно и что передвиженія и хозяйственныя распоряженія по главной квартирѣ были въ моемъ вѣденіи, то предложилъ мнѣ сѣсть и разсказать обо всемъ томъ, что могло быть полезно для его соображеній, предупредивъ меня, что они, изъ Кишинева, тронулись большимъ штабомъ, какого у князя Меншикова не было и что теперь онъ озабоченъ вопросомъ о размѣщеніи и содержаніи этого штаба. Разспрашивая меня о всѣхъ подробностяхъ и узнавъ о затрудненіяхъ, которыя я встрѣчалъ, Коцебу выразилъ безпокойство и удивленіе тому, что имъ, въ Кишиневѣ, не было извѣстно сообщеннаго мною.

Обстоятельные разспросы и вниманіе, съ которымъ начальникъ штаба южной арміи выслушивалъ мои отвѣты, расположили меня къ откровенности. Время пролетѣло незамѣтно, такъ что я около двухъ часовъ пользовался почтенной бесѣдою съ генераломъ Коцебу и заинтересованнымъ Сержпутовскимъ, который, не торопясь уходомъ, предлагалъ мнѣ съ своей стороны многіе вопросы.

Докладъ мой о благопріятномъ результатѣ даннаго мнѣ порученія видимо успокоилъ князя, и главнокомандующіе разошлись почивать.

Въ этотъ день князь Александръ Сергѣевичъ удостоился получить собственноручный рескриптъ Государя Императора, отъ 25-го февраля, слѣдующаго содержанія:

— «Изъ донесенія вашего, отъ 17-го февраля, полученнаго вчера вечеромъ съ флигель-адъютантомъ Левашевымъ, усмотрѣлъ Я, любезный князь, что усилившіеся ваши недуги принудили васъ сдать командованіе надъ Крымскою арміею генералъ-адъютанту Сакену.

«Сожалѣя искренно о причинѣ, не могу однако не одобрить вашу рѣшимость, предугадавшую какъ-бы волю незабвеннаго нашего благодѣтеля.

«Еще разъ благодарю васъ его именемъ за всю вашу долговременную и полезную службу.

«Надѣюсь, что совершенное спокойствіе и душевное, и физическое укрѣпитъ снова службою разстроенное ваше здоровье.

«Обнимаю васъ отъ души, васъ искренно любящій Александръ.

«На счетъ мѣста вашего пребыванія, предоставляю совершенно на вашу волю».

Кончилась тяжкая роль князя Александра Сергѣевича Меншикова: онъ сошелъ со сцены кроваваго театра войны; военное по-

прище закрылось для него и князь, чувствуя, что сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, былъ спокоенъ совѣстью.

Надобно полагать, что отбытіе князя Меншикова ободрило союзниковъ: они боялись и цѣнили его дороже, нежели мы. „Нигдѣ нѣтъ пророку меньше чести, какъ въ отечествѣ своемъ и въ домѣ своемъ“ (Матѳея, гл. XIII), сказалъ Спаситель и въ этихъ словахъ истина непреложная. Союзники отзывались о главнокомандующемъ, что для нихъ самая опасная голова въ Россіи — голова князя Меншикова; они страшились его способностей; не смотрѣли на мундиръ, имъ носимый, но дорожили даже и пуговицей съ этого мундира [1])! А у насъ армія не могла простить князю его флотскаго мундира, а флотъ косился на его сухопутный мундиръ. Въ такомъ положеніи, да еще до назначенія своего главнокомандующимъ по арміи и по флоту, не легко было князю идти на встрѣчу громадной союзной арміи, противопоставляя ей обрывки войскъ; не легко было предоставить и Севастополь защитѣ моряковъ, нерасположенныхъ къ главному военачальнику. Ожидать назначенія, повелѣній, приказаній князь, по совѣсти, не могъ, и, не страшась нареканій, принялъ на себя всю тяжесть отвѣтственности. Онъ вымаливалъ себѣ войскъ отовсюду; разыскивалъ, откуда-бы добыть пороху, снарядовъ, продовольствія; боролся съ интригами до послѣдней степени. Оставилъ Севастополь, но непріятелю его не отдалъ. Еще ли не наступило время выставить этого дѣятеля въ истинномъ свѣтѣ, хотя бы во избѣжаніе упрековъ намъ, его современникамъ, отъ нашихъ правнуковъ.

Опустѣли Алешки: раннимъ утромъ 6-го марта, главнокомандующіе распростились: одинъ, новый, по грязной, едва проѣзжаемой дорогѣ, выѣхалъ изъ воротъ налѣво; другой — бывшій, спустился на чистыя воды Днѣпра и, переправясь чрезъ рѣку, вышелъ на берегъ, какъ изъ купели, въ которой омылся отъ тяготѣвшаго на немъ бремени заботъ, тревогъ и попеченій!

Послѣ обѣда въ Херсонѣ, князь сказалъ мнѣ:

— „Пойдемъ, братецъ, пошляться по городу“.

Состояніе духа князя Меншикова тогда напоминало то, въ кото-

---

[1]) Въ одномъ письмѣ, попавшемся въ наши руки и адресованномъ плѣнному французскому офицеру его невѣстой, мы прочли, что она проситъ своего жениха прислать ей пуговицу съ мундира князя Меншикова, когда французы возьмутъ въ плѣнъ такого великаго человѣка. Свѣтлѣйшій послалъ пуговицу французу, поручивъ ему сказать, что такъ какъ французамъ взять его въ плѣнъ не удастся, то онъ, не желая лишить удовольствія невѣсту плѣнника, дозволяетъ ему послать эту пуговицу въ Парижъ, французамъ на забаву, но что болѣе этого онъ ничего не отдастъ имъ. А. П.

ромъ находится студентъ, сдавшій окончательный экзаменъ: послѣ неустанныхъ занятій, властелинъ своего времени, не вѣря наступившему отдыху, онъ не спѣшитъ домой, но, безъ цѣли фланируя по улицамъ, обращаетъ вниманіе на самыя ничтожныя бездѣлицы, находя въ нихъ и забаву и развлеченіе.

Пошли мы по городу: день былъ ясный и теплый. До сей поры мнѣ еще ни разу не случалось прогуливаться съ княземъ безъ цѣли. Переходя изъ улицы въ улицу, подошли къ памятнику Потемкина [1]). Александръ Сергѣевичъ, пріостановясь, разсматривалъ его нѣсколько минутъ, потомъ, какъ бы про себя, произнесъ въ задумчивости:

— „Потемкину... памятникъ!“ Потомъ предложилъ мнѣ пройти въ лавки, для покупки чернаго сургучу.

Войдя въ первую попавшуюся лавку канцелярскихъ принадлежностей, онъ обратилъ вниманіе на огромныя жестяныя песочницы, низенькія, шириною въ поперечникѣ болѣе трехъ вершковъ и чистенько окрашенныя синею краскою. Онѣ такъ ему понравились, что онъ скупилъ ихъ всѣ, находившіяся въ лавкѣ, до полудюжины, и замѣтилъ при этомъ:

— „Первый разъ вижу такія практичныя песочницы! Тутъ песку мимо не просыплешь; а главное—просто!“

На другой день мы выѣхали изъ Херсона и, проѣхавъ 62 версты, 7-го марта [2]), къ обѣду, прибыли въ Николаевъ.

Настали теплые, весенніе дни, которые, въ соединеніи съ совершеннымъ спокойствіемъ, которымъ князь пользовался въ Николаевѣ, благотворно подѣйствовали на его здоровье. Первый его выходъ съ квартиры былъ къ адмиралу Морицу Борисовичу Берху, тогдашнему главному командиру Черноморскаго флота, бывшему, по преклонности лѣтъ, такъ сказать, лишь номинальнымъ командиромъ. Вся работа по управленію флотомъ была возложена прежде на способнѣйшаго начальника штаба Черноморскаго флота В. А. Корнилова; потомъ же, въ Николаевѣ, вся дѣятельность была въ рукахъ адмирала Николая Ѳедоровича Мѣтлина, оберъ-интенданта Черноморскаго флота и портовъ. Морицъ Борисовичъ Берхъ былъ расположенъ ввѣряться способностямъ Корнилова и потому, въ назначеніи его въ главные командиры, послѣ смерти Михаила Петровича Лазарева, легко было усмотрѣть мысль—доставить Корнилову обширнѣйшій кругъ дѣятельности

---

[1]) Рисунокъ его напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 267.

[2]) Въ этотъ самый день, въ Севастополѣ, ядромъ оторвало голову незабвенному и незамѣнимому командиру Малахова кургана, адмиралу Владиміру Ивановичу Истомину. А. П.

по Черноморскому флоту, въ духѣ чтимаго моряками покойнаго Михаила Петровича. Такимъ образомъ, князь Меншиковъ, какъ начальникъ главнаго морскаго штаба, не замедлилъ обратить вниманіе на способности Корнилова.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Николаевъ, кн. Меншиковъ получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, отъ 3-го марта:

— «Князь Александръ Сергѣевичъ! Во все продолженіе долговременнаго управленія вашего морскою частью, неусыпными вашими трудами вы постоянно заслуживали одобреніе и благодарность въ Бозѣ почившаго государя императора и Мнѣ вполнѣ извѣстно, какъ онъ высоко цѣнилъ васъ. Нынѣ, при увольненіи васъ, согласно желанію вашему, по разстроенному здоровью, отъ многотрудныхъ лежавшихъ на васъ обязанностей, Я вспоминаю съ благодарностію, сколь часто незабвенный родитель мой бывалъ радостенъ при видѣ своего флота и признателенъ вамъ, какъ главному своему помощнику при трудахъ на пользу флота. Выражая вамъ мою искреннюю признательность за постоянныя старанія ваши облегчать труды и въ точности исполнять предначертанія въ Бозѣ почившаго государя императора, Я желаю душевно, чтобы необходимый отдыхъ поправилъ здоровье ваше и чтобы своими познаніями и опытностью вы приносили отечеству ту пользу, которую оно вправѣ ожидать отъ сановника, бывшаго въ продолженіе четверти вѣка въ главѣ одного изъ важнѣйшихъ управленій и снискавшаго довѣріе блаженной памяти императора Николая.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ—Александръ».

XXII.

Въ это время въ Николаевѣ строилась въ защиту отъ непріятеля оборонительная стѣна, между Бугомъ и Ингуломъ. Князь, лишь только оправился силами, сталъ посѣщать постройку, не оставляя строителей своими совѣтами. Осматривалъ адмиралтейскія работы всегда въ сопровожденіи Мѣтлина, заботившагося о снабженіи всѣмъ необходимымъ для обороны Севастополя. Принималъ и знакомился съ начальниками частей войскъ, проходившихъ чрезъ Николаевъ, и снабжалъ ихъ наставленіями. Навѣщалъ и учебныя заведенія.

Тихо и однообразно князь проводилъ время въ Николаевѣ: изрѣдка бывалъ у Верха, или у коменданта Павла Карловича Мердера; верхомъ выѣзжалъ не часто; по вечерамъ разсказывалъ мнѣ эпизоды изъ минувшихъ войнъ, въ которыхъ участвовалъ.

Наступила шестая недѣля Великаго поста (Пасха была ранняя: 27-го марта) и князь, намѣреваясь говѣть, пригласилъ исполнить съ нимъ вмѣстѣ христіанскій долгъ тѣхъ изъ числа близкихъ къ нему лицъ, которыя случились тогда при немъ въ Николаевѣ. Вообще

Александръ Сергѣевичъ говѣлъ аккуратно каждый годъ; послѣднее же время жизни, чувствуя ослабленіе физическихъ силъ, говѣлъ въ годъ и по два раза. Духовникомъ его, въ теченіе около тридцати лѣтъ, въ Петербургѣ былъ все одинъ и тотъ же отецъ Александръ, протоіерей церкви при арестантскихъ ротахъ морскаго вѣдомства, что̀ въ Новой Голландіи. Въ Севастополѣ же и въ Николаевѣ священники были изъ флотскихъ экипажей: они такъ же, какъ это дѣлалось обыкновенно и въ Петербургѣ, служили корабельную обѣдницу [1]) и всенощную у князя на дому. Причащался онъ всегда за ранней обѣдней.

Странно, что къ числу неосновательныхъ и незаслуженныхъ обвиненій, которыми недоброжелатели князя Меншикова пытались его очернить, присоединилось нареканіе, будто онъ не почитаетъ церковныхъ обрядовъ. Это совершенно несправедливо: князь, чуждый ханжества, былъ религіозенъ, какъ слѣдуетъ быть человѣку образованному, и хорошо зналъ всѣ догматы православія. Для своей библіотеки онъ собралъ громадный отдѣлъ духовныхъ сочиненій и былъ знакомъ съ содержаніемъ этихъ книгъ. Бесѣды его съ с.-петербургскимъ митрополитомъ, высокопреосвященнѣйшимъ Никаноромъ, были необыкновенно интересны и поучительны. Я не разъ имѣлъ счастіе присутствовать при нихъ, когда митрополитъ обѣдывалъ у князя. Не менѣе удивительно, что и въ высшихъ слояхъ общества очень мало была знакома нравственная сторона князя Александра Сергѣевича: что и тамъ его почитали безбожникомъ. Однажды былъ такого рода случай. Лѣтъ черезъ пять послѣ крымской кампаніи, мнѣ пришлось быть на крестинахъ, гдѣ воспреемникомъ былъ гр. П—скій, обрядъ же совершалъ вышеупомянутый отецъ Александръ. Въ разговорѣ съ крестнымъ отцомъ, онъ сказалъ, что вотъ уже около 30-ти лѣтъ какъ онъ духовникъ князя Меншикова.

— Какъ?—воскликнулъ гр. П.,—у князя Меншикова есть духовникъ? Первый разъ слышу! Да развѣ онъ въ Бога вѣруетъ?

Священникъ такъ и остолбенѣлъ отъ этихъ словъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство,—воскликнулъ онъ,—отчего же вы такъ полагаете, что князь въ Бога не вѣруетъ? Онъ, правда, шутитъ иногда надъ нашимъ братомъ, попомъ, только ужъ надъ такимъ, который того и заслуживаетъ; но самой религіи князь никогда не касается. Да вотъ, я,—продолжалъ отецъ Александръ,—въ 30 лѣтъ только разъ и слышалъ отъ него шутку, да и то было давно,

---

[1]) Такъ называется служимая на корабляхъ литургія безъ совершенія таинства. А. П.

въ первые годы какъ онъ избралъ меня въ свои духовники. Вынесъ онъ тогда показать мнѣ огромный походный крестъ прадѣда своего Александра Даниловича: крестъ этотъ водружали въ землю подлѣ ставки сподвижника Цетра Великаго; крестъ желѣзный и очень тяжелый, такъ что князь Александръ Сергѣевичъ едва могъ удержать его въ обѣихъ рукахъ. Я, разсматривая, дивился его исторической рѣдкости, а его свѣтлость и скажи:

— „Не правда ли, батюшка, этимъ крестомъ можно благословить!“

— Вотъ только одинъ разъ, во всѣ тридцать лѣтъ, я и слышалъ отъ него вольное слово,—заключилъ священникъ,—и не знаю, право не знаю, почему сложилось о князѣ такое дурное мнѣніе? Говѣетъ онъ каждый годъ; въ храмъ ходитъ; только не любитъ, чтобы на него обращали вниманіе и для этого всегда становится сзади всѣхъ, у стѣночки, по лѣвую сторону входа.

Радуясь, что отецъ Александръ такъ горячо вступился за князя, и я, въ свою очередь, подтвердилъ сказанное священникомъ и добавилъ къ тому, что набожность князя проявляется еще и въ томъ, что, проѣзжая мимо церквей, онъ никогда не забудетъ перекреститься.

Вечеромъ 26-го марта, въ страстную субботу, я былъ одинъ съ княземъ и помню, какъ онъ мнѣ подробно объяснялъ Бородинское дѣло, набрасывая моменты битвы и расположеніе войскъ на лоскуткѣ бумаги. При его словахъ, что люнетъ, который, по ошибкѣ, былъ поставленъ тыломъ къ непріятелю, нынѣ вошелъ въ ограду церкви на полѣ Бородинскомъ и что о безполезности его сооруженія онъ и до сихъ поръ можетъ свидѣтельствовать своимъ очертаніемъ, — въ комнату вошелъ курьеръ изъ Петербурга. Я всталъ и отошелъ отъ стола. Князь вскрылъ депеши, съ волненіемъ прочиталъ рескриптъ Государя; потомъ подозвалъ меня къ столу, и, положивъ бумагу передъ моими глазами, сказалъ:

— „Прочитай этотъ милостивый рескриптъ Государя“.

С.-Петербургъ, 18-го (30-го) марта 1855 г.

«Благодарю васъ искренно, любезный князь, за всѣ чувства, которыя вы Мнѣ выразили въ письмѣ вашемъ отъ 28-го февраля; въ нихъ Я никогда не сомнѣвался. Общую горесть Россіи и мою должны въ особенности раздѣлять ближайшіе сотрудники незабвеннаго отца моего, удостоенные его довѣріемъ и дружбою.

«Душевно сожалѣю, что ваша болѣзнь не дозволяетъ вамъ еще прибыть сюда; желаю, чтобы курсъ леченія въ Николаевѣ и Одессѣ ускорилъ вы-

здоровленіе ваше. По возстановленіи вашихъ силъ, Мнѣ пріятно будетъ васъ видѣть здѣсь и пользоваться вашею опытностью въ кругѣ подлежащихъ вамъ дѣйствій.

«Остаюсь навсегда къ вамъ доброжелательнымъ (подписано) Александръ».

— „Въ Одессу я уже не поѣду,—сказалъ князь, пряча рескриптъ въ старинный, темно-красный сафьяна портфель. Вели осмотрѣть дормезъ. Думаю, что на Ѳоминой недѣлѣ буду въ силахъ пуститься въ дорогу; мнѣ теперь какъ-то лучше. Поѣдемъ въ Петербургъ!"

Замѣтно было, что милостивое желаніе Государя видѣть князя въ столицѣ и пользоваться его опытностью благодѣтельно на него подѣйствовало: онъ повеселѣлъ, оживился и день ото дня укрѣплялся въ силахъ. Уже со втораго дня Пасхи я заставалъ его за сборами къ отъѣзду: въ кабинетѣ онъ понемногу сортировалъ бумаги, прочіе предметы и началъ укладываться. Сборы были непродолжительны. Покуда исправляли дормезъ, я успѣлъ отправить впередъ транспортъ съ вещами и съ частію любимыхъ верховыхъ лошадей князя. 15-го апрѣля мы уже оставили Николаевъ: князь сѣлъ одинъ въ дормезъ, а я въ тарантасѣ поѣхалъ сзади его. Покойный экипажъ далъ возможность князю ѣхать день и ночь, такъ что до Харькова онъ нигдѣ не ночевалъ и вообще спѣшилъ прибытіемъ своимъ въ Петербургъ.

Еще не доѣзжая Харькова, князь обратилъ вниманіе на большое сборище народа, на нѣкоторыхъ станціяхъ встрѣчавшаго и окружавшаго его экипажъ; ежели князь выглядывалъ изъ окна или выходилъ изъ дормеза, народъ привѣтствовалъ его радостными кликами. Не понимая тому причины, князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о поводѣ къ подобнымъ сборищамъ. Я спрашивалъ у станціонныхъ смотрителей, которые всѣ отозвались, что народъ этотъ пришелъ издалека и уже нѣсколько дней ожидаетъ проѣзда князя Меншикова. Какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, для насъ было и осталось необъяснимымъ, какимъ образомъ народъ могъ провѣдать о проѣздѣ князя. Курьеръ Шаровъ, ѣхавшій отъ насъ за одну станцію впередъ, никакъ не могъ быть причиною стеченія народа изъ окрестностей большой дороги... Такъ какъ подобныя сборища и привѣтствія возобновлялись послѣдовательно на станціяхъ, то князь приказывалъ экипажу въѣзжать во дворъ станціонныхъ домовъ и здѣсь перепрягать лошадей, спуская въ это время сторы у оконъ дормеза. Онъ сказалъ мнѣ, что ему весьма непріятны подобныя овацiи, которыя могутъ быть приняты за демонстрацію съ его стороны. Опасаясь, что и въ Харьковѣ его можетъ ожидать подобная же встрѣча, онъ въ этомъ городѣ до тѣхъ поръ не вышелъ изъ экипажа, покуда не затворили воротъ

дома гостинницы, въ которой мы остановились. И выѣзжая изъ Харькова, князь велѣлъ тоже затворить ворота двора, пока не запрягли лошадей и онъ не усѣлся въ дормезъ. Кромѣ того, отъ Харькова онъ впередъ себя курьера уже не послалъ, а поручилъ мнѣ расчитываться съ станціонными смотрителями.

Помню еще одно обстоятельство въ дорогѣ. Въ прекрасную, тихую ночь, когда мы еще приближались къ границѣ Харьковской губерніи, князь пересѣлъ ко мнѣ въ тарантасъ, а Разуваева, съ которымъ я ѣхалъ, посадилъ въ дормезъ. Степь миновалась и вдругъ князь завидѣлъ первую березу... Я еще не успѣлъ ее порядкомъ разглядѣть, какъ онъ радостно воскликнулъ:

— „Береза!.. береза!! Слава Тебѣ Господи,—онъ перекрестился. Вотъ мы и въ Россіи!“

Послѣ этого князь повеселѣлъ, шутилъ и разсказывалъ мнѣ о той тоскѣ, которую каждый русскій чувствуетъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ березы, ржанаго хлѣба, снѣгу и морозовъ. Сердечный порывъ князя Александра Сергѣевича, въ его годы и при его серьезномъ настроеніи, поразилъ меня неожиданностью и такъ радостно отозвался въ моемъ сердцѣ, что я, отложивъ въ сторону мою обыкновенную и, признаюсь, невольную сдержанность въ разговорахъ съ княземъ, весело разговорился съ нимъ, такъ что и ночь промелькнула незамѣтно.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1855—1869.

XXIII [1]).

Мы прибыли наконецъ въ Москву, часу въ шестомъ вечера, и прямо къ дому князя Александра Сергѣевича, на Якиманкѣ. Въ Москвѣ князь пользовался особенною популярностью: москвичи его любили и считали своимъ.

Когда мы въѣхали во дворъ, князь приказалъ затворить ворота и тогда мы вышли изъ экипажей. Изъ всѣхъ дверей надворныхъ строеній высыпала прислуга, видимо обрадованная пріѣздомъ барина, чего, быть можетъ, уже и не чаяла. Князь, обойдя всѣ комнаты, тотчасъ-же отправился къ дочери своей, Александрѣ Александровнѣ Вадковской, домъ которой находился стѣна о стѣну съ домомъ князя. На другой день, опять уходя къ ней, князь взялъ и меня съ собою. Какъ сама хозяйка, такъ и милыя ея дѣти (сынъ и четыре дочери) ласковымъ своимъ обращеніемъ расположили меня къ себѣ сердечно. Когда ввели внука князя, малютку Колю, то въ чертахъ его дѣтскаго личика и въ нѣкоторыхъ тѣлодвиженіяхъ и манерахъ я замѣтилъ сходство съ дѣдушкой.

— „Ты находишь? отозвался князь, когда я сказалъ ему объ этомъ,— а я такъ еще и не разглядѣлъ его... такой крошка!“

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г. томъ XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506; 699—711. Томъ XIX, стр. 53—80; 287—322; 475—500.

Когда, къ обѣду, мы возвратились въ домъ Вадковскихъ, князь посадилъ внука къ себѣ на колѣна и, пристально всмотрѣвшись въ его личико, погладилъ по головкѣ и обласкавъ отпустилъ. Съ этой минуты въ князѣ зародилась мысль, чтобы сына дочери своей, Николая Вадковскаго, приготовить къ наслѣдію и къ продолженію фамиліи Меншиковыхъ, такъ какъ у сына Александра Сергѣевича, князя Владиміра Александровича, дѣтей въ живыхъ не было.

За обѣдомъ г-жа Вадковская разсказала намъ забавный анекдотъ, случившійся у нея въ домѣ еще въ бытность князя въ Севастополѣ. Прежде всего, должно замѣтить, что у насъ тогда отличался особеннымъ удальствомъ на вылазкахъ, прославленный по всей Россіи, матросъ—Петръ Кошка. Разсказы о его лихихъ и часто потѣшныхъ подвигахъ какъ-то особенно нравились посѣтителямъ бастіоновъ, пріѣзжавшимъ въ Севастополь изъ Петербурга; они, запоминая эти разсказы и передавая ихъ съ варіяціями на всѣ лады, такъ разславили Кошку, что забавное его имя сдѣлалось популярнымъ въ обѣихъ столицахъ. Оно переходило изъ устъ въ уста и дошло, наконецъ, до того, что Кошка, при затишьи толковъ о военныхъ дѣйствіяхъ по недостатку новостей, дѣлался предметомъ всеобщихъ разговоровъ. „Ну, что Кошка?“ спѣшили спросить пріѣзжихъ изъ Севастополя—„разскажите намъ про Кошку!“ А вдругъ и самъ Кошка явился въ Москвѣ. Раненый въ грудь и въ руку, съ окровавленными повязками, притащился онъ въ домъ дочери князя Меншикова—передать ей поклонъ отъ доблестнаго родителя.

Легко себѣ вообразить какая поднялась суматоха, какая была радость въ домѣ Александры Александровны! Посланный отъ отца, да еще и кто: герой изъ героевъ—Кошка! О вниманіи, о заботахъ, оказываемыхъ ему, и говорить нечего: Кошкѣ въ глаза глядятъ, не знаютъ гдѣ усадить; въ немъ позабытъ матросъ, это гость, дорогой, почетный. Созываютъ друзей: въ честь Кошки обѣдъ; пиръ горой. Кошка не можетъ рѣзать кушанье: дамы на перерывъ спѣшатъ услужить увѣчному воину; за Кошкой рѣчь: вретъ на пропалую; провѣрять некому—и его слушаютъ, ему удивляются. Изъ всѣхъ гостей, только одинъ какъ-то хмуро посматриваетъ на Кошку; его не забавляютъ росказни матроса и онъ, какъ офицеръ, не слишкомъ-то доволенъ излишней развязностью нижняго чина.

Обѣдъ кончился; Кошка отяжелѣлъ; ему потребны отдыхъ, перемѣна повязки. Посылаютъ за докторомъ, раненаго отводятъ въ прекрасную комнату, гдѣ для него приготовлена отличная постель. Кошка отдыхаетъ и въ домѣ все затихло: разговариваютъ вполголоса, хо-

дятъ на цыпочкахъ; чуть скрипнетъ или стукнетъ дверь—всѣ шикаютъ неосторожнымъ: „не разбудите Кошку!“

Между тѣмъ, хмурый офицеръ, во ожиданіи доктора, пробрался къ окну той комнаты, въ которой отдыхалъ Кошка, и, заглянувъ чрезъ неплотно задернутыя занавѣси, увидалъ, что увѣчный герой, снявъ свои окровавленныя повязки, такъ-то ловко укладываетъ по карманамъ, изъ щегольской обстановки комнаты, все, что ни попадаетъ подъ руку. Ай, Кошка: по истиннѣ, блудливъ какъ кошка, только не трусливъ, какъ заяцъ!

Чтобы никого не тревожить въ домѣ, офицеръ тихонько послалъ за полиціей и, безъ шуму связавъ Кошку-самозванца, отправилъ его на расправу къ оберъ-полиціймейстеру.

Въ короткое время пребыванія своего въ Москвѣ, князь едва успѣлъ посѣтить почтенныхъ лицъ, своихъ сверстниковъ, проживавшихъ тогда въ Бѣлокаменной. Въ числѣ ихъ былъ и младшій братъ князя, отставной полковникъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Николай Сергѣевичъ.

Кромѣ брата, князь Александръ Сергѣевичъ познакомилъ меня еще съ своею племянницею, княжною Екатериною Андреевною Гагариной. Своимъ живымъ, веселымъ характеромъ и любезностью княжна умѣла занимать и развлекать князя, всегда находившаго удовольствіе въ ея обществѣ.

Въ Москвѣ, первый выѣздъ Александра Сергѣевича былъ къ Алексѣю Петровичу Ермолову. По возвращеніи отъ него, князь сказалъ мнѣ, что Ермоловъ нездоровъ; а на другой день, посылая меня къ нему освѣдомиться о здоровьи героя Кавказа, замѣтилъ:—„Вотъ тебѣ случай увидѣть этого замѣчательнаго человѣка!“

Алексѣй Петровичъ принялъ меня въ кабинетѣ, гдѣ онъ, сидя за письменнымъ столомъ, бесѣдовалъ съ какимъ-то купцомъ, одѣтымъ въ сибирку и сидѣвшимъ напротивъ хозяина. При входѣ моемъ, Ермоловъ приподнялся и я во всемъ ея величіи увидѣлъ колоссальную, но уже одряхлѣвшую фигуру героя-полководца, въ нанковой, сѣраго цвѣта партикулярной одеждѣ: короткій сюртукъ и крупными складками осѣвшія брюки не шли къ могучимъ формамъ Алексѣя Петровича; съ представленіемъ о немъ въ моемъ воображеніи былъ неразлученъ артиллерійскій сюртукъ. Выраженіе лица маститаго старца было доброе, привѣтливое; продолжительная, мирная жизнь, вѣроятно, смягчила тотъ суровый, грозный взглядъ, который мы привыкли видѣть на его портретахъ... Но это былъ все тотъ-же левъ, хотя и состарѣвшійся!

— Поблагодари князя,—сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ,—мнѣ

сегодня лучше; а вчера я не успѣлъ съ нимъ поговорить. Подойди поближе и разскажи, что и какъ вы тамъ воевали... Начинай съ начала и иди по порядку.

Я приблизился и Ермоловъ, поставивъ меня, какъ ребенка, почти между колѣнъ, устремилъ на меня привѣтливый взоръ. Не ожидая экзамена Ермолова, при видѣ этой большой сѣдой головы, покрытой массою курчавыхъ, всклокоченныхъ волосъ, я оторопѣлъ. Но Ермоловъ заговорилъ такъ ласково, что я постепенно ободрился и началъ обстоятельно излагать свой разсказъ; мельчайшія подробности тогда еще живо сохранялись въ моей памяти. Разложивъ карту Крыма, Алексѣй Петровичъ слѣдилъ по ней за моими разсказами и внимательно меня слушалъ. Часа два длились они, почти безъ перерыва.....

1-го мая 1855 года, по выходѣ изъ вагона въ Петербургѣ, князь былъ встрѣченъ на станціи чинами морскаго вѣдомства; въ тотъ же день его посѣтили Великіе Князья. На другой день, по возвращеніи изъ дворца, Александръ Сергѣевичъ послалъ за мною.

— „Государь дозволилъ мнѣ провести лѣто въ деревнѣ,— сказалъ онъ,—мы поѣдемъ въ Ивановское. Дня черезъ три я соберусь".

Ивановское—подмосковная усадьба князя, находилось въ 25-ти верстахъ отъ станціи Подсолнечной.

Сюда, по приглашенію Александра Сергѣевича, прибыли погостить: княжна Екатерина Андреевна Гагарина и Александра Александровна Вадковская съ дѣтьми. Желая доставить всѣ возможныя развлеченія племянницѣ, дочери и внучатамъ, князь приказалъ сформировать верховыхъ лошадей для взрослыхъ, выписать осликовъ для дѣтей. Въ кругу семьи, князь повеселѣлъ и видимо поправился здоровьемъ; ежедневно гулялъ, катался съ дѣтьми. Разъ привели изъ Крыма лошаковъ и всѣ пошли на нихъ посмотрѣть. Дѣти обступили еще невиданныхъ ими животныхъ и тогда одинъ лошакъ какъ-то лягнулъ въ ногу старшую внучку князя. Не могу никогда забыть того испуга, который мгновенно выразился на лицѣ дѣдушки: онъ поблѣднѣлъ, руки его затряслись и, не будучи въ состояніи говорить, онъ заикался. Хотя дѣвочка и поспѣшила успокоить князя, но онъ до тѣхъ поръ не могъ опомниться, покуда гувернантка не увела ушибленную питомицу и не подала ей почти ненужной помощи. Это движеніе сердца Александра Сергѣевича можетъ свидѣтельствовать противъ обвиненій въ его сухости и черствости.

Сосѣдства у князя почти никакого не было. Въ ближайшемъ имѣніи, „Дмитровкѣ" графа Виктора Никитича Панина, никто не жилъ; въ десяти верстахъ проживала престарѣлая княжна Долгорукова, по странной прихоти еще съ молоду отвергнувшая женскій костюмъ

и постоянно одѣвавшаяся въ мужской. Ея примѣру послѣдовала другая сосѣдка, Надежда Павловна Н — ая, преобразившая себя въ совершенную амазонку: гарцовала на конѣ, охотилась съ ружьемъ, пѣла съ аккомпаниментомъ гитары пѣсни.

Образъ жизни князя въ Ивановскомъ отличался простотою и регулярностью. Вставалъ Александръ Сергѣевичъ рано, выходилъ побродить въ садъ; потомъ уходилъ въ свой кабинетъ и занимался до самаго завтрака. Когда все наше общество собиралось, онъ спускался въ столовую, и хотя самъ не завтракалъ, но любилъ смотрѣть на семейную трапезу, принимая отчеты и провѣряя распоряженія своего управителя Андерсона, финна, въ ужасномъ рыжемъ парикѣ,—человѣка весьма исполнительнаго. До обѣда, князь, сопровождаемый мною, катался верхомъ. За обѣдомъ любилъ, чтобы блюда, подаваемыя присутствующимъ, были имъ по вкусу; въ особенности заботился о дѣтяхъ. Послѣ обѣда для всего нашего кружка придумывались прогулки, устраивались кавалькады, parties de plaisir. По возвращеніи пили чай; князь же уходилъ къ себѣ въ кабинетъ и занимался до ночи. Лѣтомъ 1855 года, Александръ Сергѣевичъ почти исключительно былъ занятъ веденіемъ записокъ о своей минувшей военной дѣятельности; такъ, по крайней мѣрѣ, я могъ заключить изъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ мнѣ дѣлалъ тогда, если я случайно входилъ въ его кабинетъ. Отвѣты мои онъ тотчасъ же вписывалъ въ оставленные пробѣлы на исписанныхъ имъ листахъ бумаги, особеннаго формата и цвѣта; кромѣ того, на памятномъ листкѣ у него было записано многое, необходимое для справокъ и спросовъ у меня. Въ послѣдствіи, когда кто нибудь спрашивалъ князя: нѣтъ-ли у него собственныхъ записокъ о Крымской кампаніи? онъ отвѣчалъ, что записокъ не велъ.

Прошло лѣто; князь, переѣхавъ на нѣсколько дней въ Москву, отсюда выѣхалъ въ Петербургъ. Война еще не кончилась; ожидали покушенія союзниковъ на Кронштадтъ. Князь Александръ Сергѣевичъ получилъ назначеніе быть кронштадтскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ военно-сухопутными и морскими силами въ этомъ городѣ на правахъ главнокомандующаго. 11-го января 1856 года князь вступилъ въ новую свою должность. Къ нему были назначены: начальникомъ штаба—генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ графъ Евѳимъ Васильевичъ Путятинъ; дежурнымъ штабъ-офицеромъ—полковникъ Нестеровскій; адъютантами, кромѣ меня, вновь назначены: Чевкинъ, Мейендорфъ, Акуловъ, князь Ухтомскій и Пономаревъ; директоромъ канцеляріи—опять А. Д. Крыловъ.

Для загражденій фарватера, на извѣстномъ разстояніи отъ Котлина вбивали цѣлый лѣсъ свай; на льду было наставлено безчисленное мно-

жество копровъ; сваи спускались въ небольшую прорубь во льду и забивали ихъ, на сколько было надобно, чтобы скрыть ихъ подъ водой. Работа шла успѣшно; сотрудники князя, адмиралы, по всѣмъ отдѣламъ усердствовали отъ души. Кромѣ того, въ водѣ строилось нѣсколько земляныхъ батарей на бутовыхъ фундаментахъ; работы была пропасть, но ко вскрытію залива все было окончено.

Между тѣмъ, война прекратилась; миръ былъ заключенъ и 6-го апрѣля 1856 года послѣдовалъ высочайшій приказъ объ увольненіи князя Меншикова отъ должности кронштадтскаго военнаго генералъ-губернатора и командующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Кронштадтѣ, съ оставленіемъ генералъ-адъютантомъ и членомъ государственнаго совѣта. Адъютантовъ всѣхъ отчислили; только я одинъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, 1855 года 23-го марта состоявшагося, по ходатайству Его Высочества Генералъ-Адмирала,— былъ оставленъ при князѣ, въ видѣ исключенія.

XXIV.

Мирно потекла жизнь князя и осталась безъ офиціальныхъ измѣненій до самой его кончины. Онъ вошелъ въ колею обыденной жизни такъ же легко, какъ будто изъ нея никогда и не выходилъ. Въ Петербургѣ онъ жилъ въ домѣ бывшемъ грузинскаго царевича, купленномъ въ казну и подаренномъ князю.

Сначала онъ занимался приведеніемъ въ извѣстность своихъ дѣлъ по собственнымъ имѣніямъ, которыми, какъ видно, будучи отвлеченъ службою, онъ не занимался. Потомъ, сталъ приводить въ порядокъ бумаги, накопившіяся у него по разнымъ отраслямъ переписки, со времени отъѣзда его въ Константинополь въ качествѣ чрезвычайнаго посла; это заняло у него не мало времени. Кромѣ того, онъ давалъ письменные отзывы и отвѣты на встрѣчавшіеся вопросы о Крымской кампаніи. Словомъ, князь сложа руки не сидѣлъ: всегда былъ занятъ, всегда все дѣлалъ аккуратно и большею частію самъ. Сколько разъ случалось мнѣ заставать его съ иголкой, или съ шиломъ въ рукахъ: прокалывая въ тетрадяхъ скважины, онъ сшивалъ ихъ тонкимъ шнуркомъ. На письменномъ столѣ у него находилось все подъ рукой, такъ что не было надобности вставать съ мѣста.

Письменный столъ былъ у князя необыкновенный. Можно сказать— цѣлая платформа, флангъ которой, со стороны входовъ въ кабинетъ, былъ прикрытъ еще двумя громадными столами въ двѣ линіи съ высившимися на немъ этажерками и столиками, надъ которыми былъ поставленъ бюстикъ Суворова. Другой, противоположный край стола при-

крытъ былъ конторкой, шкафчиками, этажерками съ разными секретными помѣщеніями и надъ этими сооруженьями высилась модель монумента Петра I-го, завѣщанная князю императоромъ Николаемъ Павловичемъ и пожалованная въ знакъ особенной милости Государя къ Александру Сергѣевичу.

Самый кабинетъ былъ замѣчателенъ громадными своими размѣрами. Это былъ залъ пространствомъ 72 квадратныя сажени въ площади, въ два сквозныя свѣта, при 16-ти окнахъ, изъ которыхъ 8 нижнихъ были огромныя, съ тройными рамами для зимняго времени. Отапливался кабинетъ двумя круглыми, низенькими печами, помѣщенными посрединѣ комнаты; топка печей производилась въ подвальномъ этажѣ.

Кромѣ обыкновенныхъ дверныхъ створокъ, входъ въ кабинетъ загражданся еще желѣзными ставнями, разобщавшими его съ прочими комнатами, на случай пожара. Ставни эти были сдѣланы по повелѣнію государя послѣ бывшаго въ домѣ пожара. Такъ какъ кабинетъ помѣщался въ зданіи, которое поперегъ двора соединяло два фаса домовыхъ построекъ, то въ немъ находилось два выхода, съ обѣихъ сторонъ жилья, и приходилось такъ, что одинъ входъ изъ аванзалы былъ какъ разъ противъ другаго, изъ библіотеки. По стѣнѣ между входами было 4 окна; два среднія отдѣлялись отъ двухъ крайнихъ стеклянными ширмами, между которыми, подъ окнами, стоялъ диванъ, передъ нимъ столъ, а у ширмъ по стулу. За этимъ столомъ князь, по утрамъ, пилъ кофе и за-просто обѣдывалъ въ кругу своихъ. Подъ дальнимъ окномъ, къ сторонѣ библіотеки, стояла высокая, съ плоскимъ верхомъ, конторка, на которой всегда лежали карты тѣхъ странъ, гдѣ когда-либо происходили войны. По этимъ картамъ князь внимательно слѣдилъ за передвиженіями войскъ, отмѣчая ихъ части булавками съ разноцвѣтными головками. Такимъ образомъ онъ былъ всегда въ курсѣ войнъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара.

По стѣнамъ, отъ обоихъ входовъ въ кабинетъ, тянулись шкафы, съ помѣщеніями въ два яруса, наполненные отдѣломъ справочныхъ книгъ, важнѣйшими и подручными бумагами, атласами, картами и другими научными пособіями; кромѣ того, на шкафахъ же открыто стояли книги военнаго содержанія и лексиконы.

Въ библіотекѣ, рядомъ съ кабинетомъ, помѣщались шкафы, во всю высоту комнаты. Число ея книгъ простиралось до 30,000 томовъ, большею частію избранныхъ сочиненій. Она была окончательно разобрана и приведена въ порядокъ въ 1851 году, стараніями состоявшаго тогда при князѣ чиновникомъ особыхъ порученій, капитана 1-го ранга Бориса Давидовича Нордмана. Каталогъ для библіотеки былъ

имъ придуманъ самый удобный: на раздвижныхъ прутьяхъ, по примѣру распредѣленія справочныхъ листковъ въ адресныхъ столахъ. На эти прутья нанизывались карточки съ означеніемъ заглавнаго листа каждой книги. По алфавиту весьма легко было отыскать желаемое сочиненіе; масса прочихъ карточекъ опрокидывалась на другую половину дуги, а нужная изъ нихъ вынималась изъ раздвинутыхъ прутьевъ. На каждой карточкѣ, особыми знаками, помѣчены были нумера шкафовъ и полокъ.

Однажды, князь, показывая мнѣ свою библіотеку, сказалъ, что здѣсь еще не всѣ его книги, что множество ихъ находится въ другихъ помѣщеніяхъ; что бо́льшая часть книгъ юридическаго и статистическаго отдѣловъ, за неимѣніемъ мѣста, еще заключается въ ящикахъ; что въ кабинетахъ—по деревнямъ и въ московскомъ домѣ—наберется еще порядочная библіотека.

Любознательность развивалась въ князѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Онъ прекрасно зналъ нѣмецкій и, разумѣется, французскій языки; читалъ англійскія, латинскія и италіанскія сочиненія; въ ранней молодости пѣшкомъ обошелъ, какъ я слышалъ, главнѣйшіе университеты Германіи; имѣлъ глубокія познанія во многихъ наукахъ, хорошо былъ знакомъ съ медициной. Онъ самъ показывалъ мнѣ полученный имъ, за границею, дипломъ на ветеринара, а отъ князя Александра Аркадіевича Суворова я слышалъ однажды, что, кромѣ того, князь Меншиковъ имѣетъ степень ученаго кузнеца. Путешествуя по Германіи, Александръ Сергѣевичъ уже началъ собирать рѣдкія сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ, продолжалъ это неустанно всю свою жизнь и составилъ себѣ громадную, замѣчательную библіотеку. Люди, ему незнакомые, но сочувствовавшіе благородной страсти князя, доставляли ему рѣдкія книги въ видѣ приношенія. Узнавъ объ адресѣ подносителя, князь обыкновенно отдаривалъ его тѣмъ же, дубликатами рѣдкихъ книгъ своей библіотеки.

Князь питалъ къ книгамъ особенную страсть. Бо́льшая часть его выѣздовъ со двора имѣла цѣлію отыскиваніе какихъ нибудь особенно интересовавшихъ его сочиненій. Съ книгами онъ обходился и бережно и почтительно. До тѣхъ поръ не ставилъ новую книгу въ шкафъ, покуда не ознакомится съ ея содержаніемъ. Щеголеватыхъ переплетовъ не любилъ, предпочитая всѣмъ прочимъ англійскій способъ переплета, при которомъ книга, легко открываясь, какъ бы распадается и листы не перекидываются на открытой страницѣ. Обладая необыкновенною памятью и легко сохраняя въ ней все имъ читанное, князь умѣщалъ въ своей памяти какъ-бы конспектъ содержанія всѣхъ книгъ своей библіотеки.

Мнѣ часто случалось бывать свидѣтелемъ поразительныхъ примѣровъ этой способности Александра Сергѣевича. Заинтересованный въ разговорахъ какимъ нибудь предметомъ, князь, ссылаясь на относившееся къ нему сочиненіе, доставалъ книгу и въ ней легко находилъ желаемое мѣсто, заранѣе предупреждая о главномъ смыслѣ текста. Кромѣ того, онъ обладалъ особеннымъ даромъ—скоро пробѣгать книгу и дѣлать вѣрную оцѣнку труду автора.

Ревнуя о своей библіотекѣ, князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, любилъ снабжать книгами тѣхъ, которые особенно интересовались какимъ нибудь отдѣломъ и, кромѣ того, любилъ пріохочивать молодыхъ людей къ чтенію, всегда съ похвалою отзываясь о читающихъ много. Общество людей начитанныхъ ему особенно нравилось и въ бесѣдахъ съ ними онъ одушевлялся. Указывая на сочиненіе, незнакомое собесѣдникамъ, Александръ Сергѣевичъ тотчасъ же доставалъ книгу изъ библіотеки, рекомендовалъ для прочтенія и опредѣлялъ направленіе, искомое читателемъ. Этого онъ никогда не упускалъ изъ виду, подготовляя множество книгъ для его выбора при слѣдующемъ посѣщеніи; часто, даже, не ожидая свиданія, князь посылалъ книги желавшему ихъ прочитать. Онъ всегда радовался, если книгами его пользовались; узнавъ противное, не унывалъ и выборомъ новыхъ сочиненій пытался подстрекнуть любознательность. Библіотекою князя пользовались лица, занимавшіяся военными науками. Послѣднее время я особенно часто встрѣчалъ у князя покойнаго Петра Семеновича Лебедева и еще того чаще Михаила Ивановича Драгомирова. Послѣдній былъ съ хорошей стороны извѣстенъ князю еще бывши очень молодымъ человѣкомъ, своимъ сочиненіемъ „о высадкахъ въ древнія и новѣйшія времена“. Узнавъ, кто авторъ, Александръ Сергѣевичъ не замедлилъ пригласить его къ себѣ и М. И. Драгомировъ бывалъ у князя еще до поступленія своего въ генеральный штабъ. Не взирая на юные года новаго своего знакомаго, князь бесѣдовалъ съ нимъ съ удовольствіемъ, оказывая молодому человѣку, тогда только что кончившему курсъ военной академіи, рѣдкую внимательность.

Снабжая книгами своей библіотеки лицъ, имѣвшихъ въ нихъ надобность, князь всегда интересовался знать о впечатлѣніи читателей. Возвращеніемъ книгъ не торопилъ, однако же въ этомъ дѣлѣ любилъ аккуратность и всегда записывалъ кому какая книга выдана. Въ случаѣ продолжительнаго пребыванія книги въ чужихъ рукахъ, въ особенности имѣя въ ней необходимую надобность, напоминалъ о томъ читателю всегда самымъ деликатнымъ образомъ.

При громадномъ запасѣ знаній, при обширной своей начитанности, князь не только не выдавалъ чужихъ мыслей за свой автори-

тетъ, но предполагавшихъ это всегда спѣшилъ выводить изъ заблужденія, ссылаясь на автора, даже приводя изъ него цитаты. Уважая труды мыслителей былыхъ временъ, Александръ Сергѣевичъ старался указывать на то, сколь много полезнаго можно почерпнуть изъ сочиненій почти забытыхъ.

Цѣня по достоинству свою библіотеку, князь заботился о полезнѣйшемъ ея употребленіи и постоянно сокрушался объ ожидающей ее участи, послѣ его смерти.

— „Сынъ мой не раздѣлитъ моей страсти къ книгамъ,—часто говаривалъ князь,—кому достанется моя библіотека? Ее растащутъ, разрознятъ; нахлынутъ рыночники, букинисты, станутъ покупать мои книги на-вѣсъ... Обидно, обидно! И не придумаю, какъ ее устроить!“

Не разъ приходило ему на мысль завѣщать библіотеку военной академіи или генеральному штабу; но при этомъ онъ затруднялся сомнѣніемъ о вѣковѣчности этихъ учрежденій, или боязнію, что многіе отдѣлы библіотеки, не любопытные для военныхъ спеціалистовъ, останутся безъ употребленія. Мысль разрознить библіотеку, завѣщая ея отдѣлы различнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, всегда пугала князя. Опасенія его о библіотекѣ или, по крайней мѣрѣ, заботы о будущности ея, прекратились, когда Александръ Сергѣевичъ взялъ къ себѣ на воспитаніе своего внука, Николая Вадковскаго, который своими способностями и наклонностями подавалъ князю самыя блестящія надежды. Но внукъ этотъ умеръ на шестнадцатомъ году; эта утрата разрушила всѣ намѣренія Александра Сергѣевича: библіотека досталась прямому его наслѣднику, князю Владиміру Александровичу, которому князь успѣлъ однако же завѣщать, чтобы весь морской отдѣлъ библіотеки былъ отданъ бывшему его адъютанту, свиты Е. И. В—ва контръ-адмиралу В. А. Стеценко. Послѣдній, по просьбѣ князя Владиміра Александровича, принялъ на себя трудъ разборки этого хаоса книгъ, сваленныхъ гдѣ и какъ ни попало, и отправки библіотеки на Кавказъ. Домъ князя Александра Сергѣевича потребовалъ капитальной передѣлки, и хотя помѣщеніе кабинета и библіотека донынѣ остаются въ прежнемъ видѣ—тѣмъ не менѣе изъ этихъ комнатъ все повынесли, а книги перетащили въ подвалы, изъ подваловъ на чердаки, съ чердаковъ куда-то еще. При этихъ переноскахъ томы сочиненій разрознились, отдѣлы смѣшались и вышелъ сумбуръ, въ которомъ букинисты не могли добраться толку и отказались отъ покупки „хлама“. Книги валялись грудами, на которыхъ наслаивалась пыль и разстилалась паутина. Наконецъ, по исправленіи дома, князь Владиміръ Александровичъ возвратился изъ-за границы и рѣшился пожертвовать библіотеку кавказскимъ войскамъ, сосредо-

точивъ для этого всѣ книги покойнаго своего родителя въ Петербургѣ. Ихъ навезли изъ Москвы, изъ деревень князя; къ нимъ присоединили библіотеку, доставшуюся послѣ князя Николая Сергѣевича, что не мало увеличило цѣнность пожертвованія. Съ великимъ трудомъ на разборку книгъ употребили болѣе трехъ мѣсяцевъ. Послѣ разборки, книги были запакованы въ ящики, и отправлены въ Ставрополь и въ Тифлисъ, на иждивеніе князя Владиміра Александровича. Пересылка и постановка на мѣсто обошлась, какъ я слышалъ, князю В. А. тысячъ въ 25 да и самая стоимость библіотеки простиралась, по словамъ покойнаго Александра Сергѣевича, болѣе 100,000 р. сер. До 70-ти большихъ ящиковъ насчитывали однихъ ученыхъ сочиненій, кромѣ отдѣловъ морскаго и литературнаго, которые отправлены не были [1]).

Князь любилъ видѣть у себя за столомъ общество людей, которые, не стѣсняясь его присутствіемъ, свободно выражали свои мысли и кушали бы съ апетитомъ. Ежели кто изъ гостей встрѣчалъ блюдо не по вкусу, князь это запоминалъ и, ожидая это лицо опять къ обѣду, принималъ это въ соображеніе и предупреждалъ своего повара, наканунѣ заказывая ему обѣдъ, чтобы блюда, не любимаго гостемъ, за

---

[1]) Въ Тифлисѣ, какъ намъ извѣстно, книги были помѣщены, по предварительной ихъ разборкѣ просвѣщеннымъ и горячо преданнымъ наукѣ—Адольфомъ Петровичемъ Берже. Должно надѣяться, что библіотека покойнаго князя Меншикова современемъ будетъ источникомъ просвѣщенія на нашемъ юго-востокѣ, если въ столицахъ ей не умѣли пріискать ея достойнаго примѣненія. Но утрата «Записокъ» князя А. С. Меншикова и вообще его рукописей—утрата невознаградимая въ нашей отечественной исторіи. Здѣсь, къ слову, мы не можемъ не посѣтовать на равнодушіе потомковъ нашихъ русскихъ сановниковъ къ письменнымъ памятникамъ дѣяній ихъ предковъ. Нѣтъ правила безъ исключенія: отрадное изъятіе встрѣтили мы въ свѣтлѣйшемъ князѣ Италійскомъ, графѣ Александрѣ Аркадіевичѣ Суворовѣ-Рымникскомъ,—предоставившемъ «Русской Старинѣ» архивы знаменитаго своего дѣда. Точно такъ же отнесся и Ѳ. К. Опочининъ къ архиву своего прадѣда, свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, князь С. М. Воронцовъ—печатая архивъ своихъ предковъ, обогащаетъ нашу исторію... Высокій примѣръ любви къ отечественной исторіи и заботливости о ея всесторонней разработкѣ явилъ Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, соизволивъ на напечатаніе въ нашемъ изданіи и въ Сборникѣ И. Р. И. Общества историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ библіотекѣ дворца г. Павловска. Тѣмъ не менѣе, русская печать еще ожидаетъ многихъ и многихъ рукописныхъ матеріаловъ для исторіи, хранящихся подъ спудомъ, или—еще того прискорбнѣе—тлѣющихъ по чердакамъ и подваламъ барскихъ домовъ. Еще ли высшіе классы нашего общества не пришли къ сознанію, что обнародованіе архивовъ—прямая польза исторіи нашей родины, прямой долгъ искренно-любящихъ ее гражданъ? Ред.

столомъ не было. Необыкновенная память и внимательность князя даже и въ бездѣлицахъ его не оставляли.

Разговоры за столомъ заводились, разумѣется, сообразно кругу собравшихся гостей; расположеніе духа хозяина всегда было ровное и пріятное. Вслушиваясь въ общій говоръ, князь его поддерживалъ, дополняя своими воспоминаніями и сужденіями. Ожидая къ обѣду человѣка новаго, извѣстной спеціальности, Александръ Сергѣевичъ, помимо подбора соотвѣтствующихъ собесѣдниковъ, для пріятнаго и полезнаго развлеченія гостя, доставалъ изъ своей библіотеки самыя любопытныя и рѣдкія сочиненія по части спеціальности новаго гостя. Книги переносились въ прилегавшій къ гостинымъ комнатамъ кабинетикъ и раскладывались на большомъ столѣ, для удобства чтенія и разсматриванія рисунковъ и чертежей. Скажу о себѣ: когда я, тогда еще только уланскій штабъ-ротмистръ, былъ въ первый разъ приглашенъ княземъ къ обѣду, то совершенно неожиданно встрѣтилъ у него моего пріятеля и товарища по занятіямъ гиппологіею, Н. С. Мартынова, и еще нѣсколькихъ охотниковъ до лошадей, съ которыми князь меня познакомилъ. Приведя насъ въ кабинетикъ, Александръ Сергѣевичъ указалъ на разложенныя на столѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, совершенно мнѣ неизвѣстныя, старинныя и новѣйшія сочиненія, на разныхъ языкахъ, о кавалерійскомъ искусствѣ, начиная съ XVI столѣтія. Тутъ были почтенные фоліанты въ пергаментныхъ переплетахъ, отпечатанные готическими шрифтами, съ грубыми рисунками, похожими на наши лубочныя картинки. Гости окружили столъ, а князь, перелистывая книги по порядку, сообщалъ мнѣ о ихъ содержаніи, объ идеяхъ автора, и, такимъ образомъ, объяснивъ послѣдовательность развитія кавалерійскаго дѣла, предложилъ мнѣ выбрать на прочтеніе тѣ изъ книгъ, которыя особенно меня заинтересуютъ. Въ послѣдствіи многія изъ этихъ сочиненій перебывали у меня въ рукахъ и я возвратилъ ихъ Александру Сергѣевичу незадолго до его кончины.

При первомъ моемъ посѣщеніи дома князя Меншикова, я еще не могъ оцѣнить вниманія, оказаннаго его свѣтлостію мнѣ, незначительному спеціалисту. Мнѣ не могло и прійти на мысль, чтобы груда сочиненій по части гиппологіи была перенесена изъ библіотеки въ кабинетикъ единственно для меня, юнаго кавалериста; я полагалъ, что эти книги находятся тутъ постоянно.

Въ концѣ анфилады комнатъ, въ домѣ князя былъ другой маленькій кабинетикъ въ одно окно, снабженный зрительными трубами и другими оптическими снарядами. Изъ окна, выходившаго фонарикомъ на Неву, князь могъ наблюдать за движеніемъ судовъ. Тутъ же,

на полкахъ разложены были книги, объяснявшія сигналы, принадлежности флаговъ, многія морскія сочиненія и карты.

Изъ большаго кабинета князя въ парадныя комнаты, окна которыхъ были обращены на Неву, ходъ былъ чрезъ длинный, узкій залъ, освѣщенный однимъ италіанскимъ окномъ и поэтому довольно темный. При прежнемъ владѣльцѣ этого дома, грузинскомъ царевичѣ, предполагалось устроить въ этомъ залѣ домовую церковь; но предположеніе это не состоялось, а у князя этотъ залъ не имѣлъ опредѣленнаго назначенія. Меблировку его составляли плетеные стулья и большой раздвижной столъ; передъ окномъ стоялъ огромный бюстъ князя Александра Даниловича Меншикова; на противуположной стѣнѣ висѣлъ большой, во весь ростъ, портретъ императрицы Екатерины I. Въ билліардной былъ портретъ Великаго Князя Константина Николаевича въ отроческомъ возрастѣ, во весь ростъ, на палубѣ корабля, съ подзорною трубкою въ рукахъ.

До поступленія въ собственность грузинскаго царевича, домъ этотъ, вмѣстѣ съ сосѣдними, былъ занятъ орденомъ масонской ложи и князь Александръ Сергѣевичъ, припоминая однажды масонскіе обряды при пріемѣ въ ложу новыхъ лицъ, разсказывалъ, указывая на замурованную дверь, соединявшую прежде эти оба дома, какъ тогда молодому офицеру Соломкѣ приказано было великимъ мастеромъ, для испытанія его преданности и повиновенія — удариться головою въ стѣну. Рѣшительный Соломка стукнулся — и со всего размаха очутился въ сосѣдней комнатѣ: въ указанномъ ему мѣстѣ была, заклеенная шпалерами, дверь, которую онъ легко и безъ вреда для себя открылъ. За свое послушаніе посвящаемый заслужилъ общее одобреніе всѣхъ чиновъ ложи.

Когда князь, высочайшимъ рескриптомъ отъ 19-го февраля 1855 г., былъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ званія главнаго начальника морскаго штаба, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, долженъ былъ очистить и занимаемое имъ, въ домѣ морскаго вѣдомства, помѣщеніе, приспособленное къ его образу жизни. Это обстоятельство крайне озабочивало и затрудняло князя, такъ какъ въ его лѣта не легко было вновь устраиваться домомъ. Его Высочество Великій Князь Генералъ-Адмиралъ, милостиво прянявъ это во вниманіе, исходатайствовалъ у Государя Императора пожалованіе помянутыхъ двухъ домовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе князю Меншикову, о чемъ Александръ Сергѣевичъ получилъ увѣдомленіе еще въ бытность свою въ Николаевѣ. Сообщая намъ объ оказанной ему монаршей милости, князь былъ проникнутъ къ Его Высочеству, за благосклонное ходатайство, чувствомъ глубокой сердечной признательности.

Остроты и анекдоты, приписываемые князю Меншикову, всѣ тѣ, въ которыхъ заключается явное оскорбленіе чьихъ-либо личностей—ему рѣшительно не принадлежатъ, по ихъ очевидной пошлости. Авторы ихъ, для приданія вѣсу своимъ шуточкамъ, относили происхожденіе собственныхъ выдумокъ издавна извѣстному своимъ остроуміемъ Александру Сергѣевичу. Мнѣ нерѣдко случалось слышать какую нибудь пущенную въ ходъ остроту, о поводѣ къ которой князь не успѣвалъ еще и узнать. Язвительныя шуточки, распространяемыя въ обществѣ подъ фирмою остротъ князя, были одною изъ главныхъ причинъ тому, что онъ нажилъ себѣ такъ много враговъ. Самъ онъ иногда отъ души смѣялся чужимъ остротамъ, выданнымъ ихъ авторами за сказанныя имъ, но никогда не говорилъ ни слова къ оправданію себя отъ незаслуженныхъ нареканій [1]). Во всю бытность мою при немъ я не могу указать ни на одну шутку, или остроту, которую онъ сказалъ бы за все это время. Какія же были именно его остроты? Не могу указать, но тѣ, которыя не его—я всегда узнаю, по языку, или по направленію. Всего справедливѣе предположить, что было время когда князь остроумной шуткой или каламбуромъ выставлялъ на видъ существенный порокъ, вредившій дѣлу или обществу. Не шуточками, не балагурствомъ, не каламбурами былъ удостоенъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ имени „друга“ Государя. Покойный Императоръ зналъ Меншикова лучше всѣхъ и понималъ его, какъ полезнаго и серьезнаго своего сподвижника: князь, ради авторской славы, никогда не былъ способенъ унизить себя измышленіемъ какого нибудь пошлаго анекдота, или натянутой остроты. Въ послѣднія 18 лѣтъ жизни князя, мнѣ не удалось подмѣтить въ немъ той склонности къ юмору, которую ему такъ настойчиво навязывали; время-ли уже его прошло—не знаю, только съ перваго моего съ нимъ знакомства и до конца его жизни не напоминалъ онъ мнѣ Меншикова, прославленнаго за его язвительныя остроты и шутки.

Александръ Сергѣевичъ многихъ, конечно, не жаловалъ, но не имѣлъ обыкновенія ни надъ кѣмъ издѣваться. Между тѣмъ ему приписывали остроты на счетъ нѣкоторыхъ сановниковъ, и тѣмъ поселяли разладъ между ними и княземъ. Правда, онъ иногда шутилъ надъ иными сановниками, но шутки эти никогда не роняли ихъ достоинства. Такъ, однажды, говоря о Сайминскомъ каналѣ, сооруженномъ его заботами, Александръ Сергѣевичъ сказалъ, что въ награду за то

---

[1]) Нѣкоторые изъ анекдотовъ, шутокъ и остротъ кн. А. С. Меншикова, по видимому, дѣйствительно ему принадлежавшихъ, были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 года, томъ XII, стр. 638—652.

онъ испросилъ у государя разрѣшеніе носить мундиръ путей сообщенія, чтобы тѣмъ возбудить ревность въ ихъ главноуправляющемъ, и надѣвалъ этотъ мундиръ, чтобы подразнить П. А. Клейнмихеля, къ которому, однако же, всегда питалъ уваженіе, какъ къ человѣку преданнѣйшему государю и исполнительному, усердному служакѣ. Помню, что, во время болѣзни графа Петра Андреевича, князь, съ большимъ къ нему участіемъ, постоянно справлялся о состояніи его здоровья. Ненависть, будто бы существовавшая между Меншиковымъ и Клейнмихелемъ, болѣе нежели сомнительна. Самое благоговѣніе князя къ особѣ государя не могло дозволить Александру Сергѣевичу дерзко глумиться надъ человѣкомъ, особенно любимымъ покойнымъ императоромъ.

Былъ, правда, одинъ сановникъ и уже окончившій земное свое поприще, къ которому князь Меншиковъ питалъ непримиримую ненависть, неослабное отвращеніе; чье имя произносилъ съ презрѣніемъ, ни отъ кого не скрываемымъ. Сановникъ этотъ былъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій. Александръ Сергѣевичъ никогда не забывалъ — 29-е мая: день годовщины кончины Дибича, приглашая къ себѣ гостей на обѣдъ. Въ этотъ день, единожды въ годъ, подавалось шампанское и, по наполненіи бокаловъ, князь произносилъ:

— „Сегодня годовщина дня, въ который издохъ Дибичъ! Въ память счастливаго дня, въ который Россія избавилась Дибича, я, разъ въ годъ, пью у себя въ домѣ шампанское!“

Слово „издохъ“ тѣмъ страннѣе звучало въ устахъ князя, что онъ, вообще, никогда не употреблялъ при разговорѣ рѣзкихъ или бранныхъ словъ. Мы, люди къ нему близкіе, знали его обычай за обѣдомъ 29-го мая и къ странному тосту въ позоръ усопшаго привыкли; но гостей постороннихъ это всегда поражало. Распространеніе въ обществѣ ненависти къ памяти Забалканскаго видимо былъ пріятно князю. Никогда не распространяясь о своихъ отношеніяхъ къ покойному, князь никогда не объяснялъ мнѣ, въ какой степени Дибичъ заслуживалъ подобнаго отзыва. Судя по официальности выраженія злобы къ фельдмаршалу, можно предполагать, что причины эти, въ въ свое время, не были даже и тайною [1]).

[1]) Ненависть Меншикова къ герою Балканъ, Кулевчей и Адріанополя вполнѣ раздѣлялъ покойный Денисъ Васильевичъ Давыдовъ—знаменитый нашъ партизанъ 1812 года. Вотъ что онъ говоритъ въ оправданіе этой ненависти въ своихъ запискахъ о Польской войнѣ 1831 года. (См. «Русская Старина» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 312—313): «Клеймо проклятія горитъ на его памяти въ душѣ каждаго россіянина, кто бы онъ ни былъ,—другъ ли его или человѣкъ,

XXV.

Послѣ Крымской кампаніи, какъ извѣстно, довольно часто стали появляться въ печати статьи, въ которыхъ о дѣятельности князя Меншикова находились не совсѣмъ для него выгодные и, самое главное, далеко не правдивые отзывы; многія изъ приближенныхъ къ нему лицъ намѣревались печатно защищать Александра Сергѣевича. Онъ, однако же, отъ этого постоянно ихъ удерживалъ, и, наконецъ, разъ и навсегда объявилъ, что, во избѣжаніе полемики, предоставляетъ своимъ недоброжелателямъ писать о немъ что кому угодно.

— „Стоитъ ли на это обращать вниманіе?—говорилъ князь,—на всякое чиханье не наздравствуешься. Для дѣльной, фактической защиты нужны документы, обнародывать которые еще не пришло время. Придетъ пора, будутъ открыты архивы и исторія свое дѣло сдѣлаетъ".

Въ числѣ первыхъ статей, написанныхъ въ тонѣ враждебномъ князю, появилась одна, написанная приверженцемъ Кирьякова. Вскорѣ по ея напечатаніи, Александръ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ, что къ нему приходилъ офицеръ генеральнаго штаба съ извиненіемъ, что статья написана имъ при совершенномъ невѣдѣніи подробностей о дѣй-

---

имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній».

. . . . . «Проступки его отразились на дѣвственную честь и славу невиннаго въ нихъ россійскаго воинства, а тутъ уже въ душѣ моей нѣтъ пощады ни брату, ни отцу родному. Да, Дибичъ есть единственный оскорбитель гордости народа русскаго; единственный оскорбитель чести, славы и оружія богатырской нашей арміи—недовершеніемъ побѣды ея подъ Гроховымъ; нелѣпостью послѣдующихъ предначертаній и дѣйствіями ощущью во всѣхъ предпріятіяхъ, потерей духа и разума во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а главное — принятіемъ на себя, въ столь важную эпоху, обязанности выше силъ — онъ во всемъ этомъ не только виноватъ, но даже великій преступникъ».

Едва ли для произнесенія окончательнаго приговора надъ Дибичемъ можно признать за авторитетъ отзывы о немъ Д. В. Давыдова и князя А. С. Меншикова. Замѣтимъ, между прочимъ, что день смерти Дибича—29-го мая—канунъ ею побѣды при Кулевчахъ въ 1829 году. Покойный К. В. Чевкинъ—убѣжденія котораго, какъ видно, діаметрально были противоположны мнѣнію Давыдова и Меншикова о графѣ Дибичѣ — ежегодно, 29-го мая, служилъ панихиду на могилѣ героя Забалканскаго на лютеранскомъ нѣмецкомъ кладбищѣ. Нынѣ эта могила не только забыта, но даже, неизвѣстно чьей рукой, на надгробномъ памятникѣ заглажены гербъ и изображеніе орденовъ графа Дибича.

Ред.

ствіяхъ князя, но подъ диктовку Кирьякова. Досадуя на свою оплошность, желая ее загладить, авторъ статьи просилъ князя сообщить ему необходимыя свѣдѣнія и документы для составленія другой статьи, въ опроверженіе первой. Способности, замѣченныя княземъ въ авторѣ, расположили къ нему Александра Сергѣевича, и хотя онъ никакихъ документовъ ему не передалъ, но, въ виду намѣренія офицера собирать матеріалы для Восточной войны, предложилъ ему обратиться съ разспросами ко мнѣ, какъ къ очевидцу. Офицеръ этотъ, нѣкто Соковичъ, воспользовался предложеніемъ князя и записалъ нѣкоторыя изъ сообщенныхъ мною свѣдѣній, но не знаю, воспользовался ли онъ ими, такъ какъ мнѣ не случалось читать какой-либо статьи съ изложеніемъ фактовъ, сообщенныхъ мною.

Кромѣ упомянутаго Соковича, къ князю являлись еще многія другія лица съ настоятельными просьбами о дозволеніи воспользоваться находившимися въ рукахъ Александра Сергѣевича документами, но ни одна изъ этихъ просьбъ не была уважена. Между тѣмъ, князь самъ приводилъ всѣ свои матеріалы въ порядокъ, размѣщая ихъ въ переплеты особаго устройства. Эти переплеты состояли изъ корешковъ разныхъ форматовъ, со стальными иглами внутри, на которыя накалывались листы, перемѣщаемые въ какомъ угодно порядкѣ. Такъ были переплетены княземъ всѣ его бумаги, перевезенныя имъ постепенно въ Петербургъ, изъ Москвы и изъ его деревень. Къ концу жизни Александра Сергѣевича въ его кабинетѣ были сосредоточены всѣ важнѣйшіе документы за все время его служебной дѣятельности. Онъ сохранялъ эти драгоцѣнные для исторіи матеріалы въ особомъ помѣщеніи и при такомъ удобномъ подборѣ въ хронологическомъ порядкѣ, что при пользованіи документами не могло бы встрѣтиться ни малѣйшаго затрудненія. Къ сожалѣнію, при жизни князь не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно этого драгоцѣннаго собранія историческихъ матеріаловъ. Въ день его кончины, кабинетъ Александра Сергѣевича, по общему положенію для кабинетовъ государственныхъ дѣятелей, былъ опечатанъ; затѣмъ, особою коммисіею всѣ бумаги, въ немъ находившіяся, были отобраны. Коммисія, конечно, не имѣя въ виду соблюдать систему порядка, заведенную покойнымъ, невольно нарушила хронологическую связь между документами, такъ что приведеніе ихъ въ прежній порядокъ нынѣ почти немыслимо... Немаловажная утрата для отечественной исторіи.

Въ февралѣ 1860 года, тогдашній военный министръ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, изъ любезности къ князю, препроводилъ къ нему рукопись статьи генерала Ѳ. К. Затлера, для прочтенія и

дозволенія напечатать ее въ „Русскомъ Инвалидѣ“. По прочтеніи статьи, князь возвратилъ ее Сухозанету при слѣдующемъ письмѣ, отъ 1-го марта 1860 года:

— «Принося мою чувствительную благодарность за препровожденіе этой статьи для моего предварительнаго прочтенія, я спѣшу увѣдомить васъ, милостивый государь, что если цензура не встрѣчаетъ препятствій къ напечатанію, то и я не вижу затрудненій къ напечатанію ея въ «Русскомъ Инвалидѣ», на томъ простомъ основаніи, что не все то истина, что печатается.

«Въ статьѣ генерала Затлера заключается предположеніе его, представленное мнѣ въ то время, когда начертанный до его прибытія планъ дѣйствій къ доставкѣ провіанта къ арміи приводился уже въ исполненіе. Объ этомъ онъ умалчиваетъ. Не совсѣмъ также правдивы его показанія о херсонскомъ губернаторѣ, который, отъ 31-го декабря 1854 года за № 16,471, увѣдомлялъ меня, что онъ уже распорядился высылкою требуемыхъ подводъ и, для личнаго наблюденія за этимъ, самъ отправился на мѣсто.

«Считаю не лишнимъ сказать при этомъ, что статья генерала Затлера своимъ рѣшительнымъ тономъ можетъ убѣдить читателя, незнакомаго съ событіями того времени, что единственно генералу Затлеру Крымская армія обязана была устройствомъ продовольственной части въ концѣ 1854 и въ началѣ 1855 годовъ,—между тѣмъ, въ дѣйствительности, это было не такъ, ибо онъ пробылъ всего въ Севастополѣ не болѣе сутокъ, а на Крымскомъ полуостровѣ лишь нѣсколько дней и въ то время, когда при содѣйствіи исправлявшаго должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, управлявшаго таврическою палатою государственныхъ имуществъ, и генералъ-губернатора Хомутова, находившагося въ Керчи, а также при участіи нѣмецкихъ колонистовъ, принятыя мѣры къ доставленію заготовленнаго провіанта земскимъ подвозомъ уже приводились въ исполненіе. Офиціальныя свѣдѣнія того времени удостовѣряютъ, что армія была уже тогда обезпечена продовольствіемъ на 4 мѣсяца 12 дней, да и въ теченіе всего 1855 года довольствовалась, кажется, провіантомъ, не генераломъ Затлеромъ заготовленнымъ.

«Вполнѣ сознавая пользу, проистекающую отъ гласности, я увѣренъ, что статья г. Затлера вызоветъ отвѣтъ отъ служившихъ въ то время, и, можетъ быть, удивлялся бы его самоувѣренному тону и не совсѣмъ правдивымъ показаніямъ, еслибы все это не объяснялось настоящимъ положеніемъ генерала Затлера [1]).

«Выразивъ лично для вашего высокопревосходительства взглядъ мой на статью генерала Затлера, которую имѣю честь при семъ возвратить, я поль-

[1]) Ѳ. К. Затлеръ находился тогда подъ слѣдствіемъ. А. П.

зуюсь симъ случаемъ засвидѣтельствовать вамъ, м. г., мое совершенное почтеніе и преданность. Князь А. Меншиковъ».

Между появлявшимися тогда статьями о Крымской войнѣ, еще не было истинно серьезныхъ; во всѣхъ нихъ выказывалось лишь стремленіе сказать что-нибудь про войну. Интересъ, съ которымъ общество спѣшило читать статьи о недавнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, поощрялъ писателей, которые, на скорую руку, набрасывали статью за статьей, не заботясь о правдивости ихъ; да, признаться сказать, и некогда имъ было свѣрять слухи съ дѣйствительностью.

Князь Александръ Сергѣевичъ не одобрялъ торопливости въ сужденіяхъ о недавней войнѣ и потому изъ круга его приближенныхъ никто не дозволялъ себѣ пускаться въ печатныя повѣствованія о событіяхъ 1854—1855 годовъ. Писали по большей части лица, бывшія въ Севастополѣ при князѣ М. Д. Горчаковѣ, которыя, по пристрастію къ бывшему ихъ начальнику, всѣ его неудачи сваливали на предшествовавшія распоряженія князя Меншикова. Изъ числа служившихъ при немъ многіе, оставаясь при князѣ Горчаковѣ на продолжительнѣйшее время, чѣмъ при князѣ Меншиковѣ, отшатнулись отъ послѣдняго. Такимъ образомъ, число лицъ, пристрастныхъ къ эпохѣ защиты Севастополя Горчаковымъ, значительно увеличилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число голосовъ, оправдывавшихъ князя Михаила Димитріевича. Оправдывали его—обвиняя Меншикова, молчаніе котораго придавало только болѣе задору его непризваннымъ судьямъ.

Поспѣшность, съ которою истолковывали тогда военныя дѣйствія, дошла до того, что еще и война не была окончена и матеріалы къ ея описанію не были разобраны, а уже нашъ почтенный профессоръ военной исторіи Модестъ Ивановичъ Богдановичъ былъ вовлеченъ въ чтеніе публичныхъ лекцій объ экспедиціи англо-французовъ. Эти лекціи имѣли цѣлію офиціальное ознакомленіе военныхъ чиновъ съ ходомъ кампаніи: главнокомандующій гвардейскими и гренадерскими корпусами генералъ-адъютантъ Ридигеръ пригласилъ къ слушанію этихъ лекцій всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Чтенія должны были происходить по субботамъ и первое изъ нихъ было 3-го декабря 1855 года. Аудиторія до того была переполнена слушателями, что для младшихъ чиновъ не доставало мѣстъ. Мнѣ удалось, однако, попасть на это чтеніе. Внимательно вслушиваясь въ разсказы почтеннаго лектора, я, какъ очевидецъ излагаемыхъ имъ событій, могъ бы возразить ему; я считалъ это даже до нѣкоторой степени моею обязанностью... и едва удержался въ виду авторитета чтеца и высокаго положенія его слушателей. Впрочемъ, чтенія ограничились лишь однимъ сеансомъ.

По окончаніи войны, когда Э. И. Тотлебенъ, уже въ генеральскомъ чинѣ, возвратился изъ Крыма и посѣтилъ князя, Александръ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ о томъ удовольствіи, съ которымъ онъ увидѣлся съ Тотлебеномъ и сообщилъ мнѣ его адресъ. Я поспѣшилъ къ Эдуарду Ивановичу; онъ принялъ меня какъ товарища. Не желая отвлекать его отъ сборовъ за границу, куда онъ отъѣзжалъ для поправленія здоровья, я распростился съ нимъ—и съ того времени мы болѣе не видались. Изъ чужихъ краевъ онъ возвратился черезъ два года, обремененный лаврами, которыми его увѣнчали иноземцы, наши недавніе враги-друзья и давніе друзья-враги. Князь Александръ Сергѣевичъ особенно радовался успѣхамъ Тотлебена въ мнѣніи европейскихъ инженеровъ и съ любопытствомъ читалъ все о немъ печатаемое въ иностранныхъ газетахъ.

Вскорѣ по возвращеніи Эдуарда Ивановича изъ-за границы, князь узналъ, что Тотлебенъ предпринялъ трудъ историческаго описанія обороны Севастополя. Вполнѣ увѣренный въ добросовѣстности автора, князь надѣялся увидѣть на страницахъ „Описанія“ Тотлебена рядъ истинныхъ данныхъ для справедливой оцѣнки публикою его дѣятельности. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы Тотлебенъ, при своемъ трудѣ, могъ руководствоваться слухами, распространенными, въ 1854—1855 годахъ, въ Севастополѣ и въ столицѣ, о мнимыхъ ошибкахъ князя...

Первый томъ „Описанія обороны г. Севастополя, составленнаго подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена“ вышелъ въ 1863 г. [1]).

Князь былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, прочитавшихъ эту книгу немедленно по выходѣ ея въ свѣтъ—и, не говоря ни слова о ея достоинствахъ, передалъ ее на прочтеніе мнѣ. Не имѣю смѣлости судить о трудѣ Э. И. Тотлебена, во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнномъ, какъ матеріалъ для будущаго историка Крымской войны; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, нравственнымъ своимъ долгомъ поставляю привести изъ „Описанія“ нѣсколько выдержекъ, рѣзко противорѣчащихъ фактамъ, а вмѣстѣ съ ними и истинѣ о дѣятельности князя Александра Сергѣевича. Сопоставляя эти выдержки съ моими разсказами, читатель безъ труда убѣдится, на сколько отзывы Э. И. Тотлебена о дѣйствіяхъ князя Меншикова противорѣчатъ исторической правдѣ и навлекаютъ на князя Александра Сергѣевича незаслуженные имъ упреки.

— Уступая господствующему въ то время мнѣнію, — говоритъ Э. И. Тотлебенъ,—о трудности производства десантовъ въ большихъ размѣрахъ, князь

[1]) Спб. 1863 г., въ больш. 8-ю д. л., VI—XXIX—678 и 119 стр.

Меншиковъ не считалъ вѣроятною высадку союзниковъ въ Крымъ въ значительныхъ силахъ. («Описаніе», стр. 117).

Совершенно наоборотъ: князь Меншиковъ, вопреки господствовавшему тогда мнѣнію о трудности десантовъ въ большихъ размѣрахъ, одинъ предвидѣлъ десантъ и даже опредѣлялъ его размѣры. Въ подтвержденіе ссылаюсь на подлинное письмо князя Меншикова отъ 29-го іюня 1854 года, сообщенное на страницахъ „Русской Старины" А. Д. Крыловымъ. (См. „Русская Старина" изд. 1873 г., т. VII, стр. 851).

О возможности десантовъ непріятельскихъ войскъ въ большихъ размѣрахъ, князь судилъ по собственному, тогда еще недавнему, опыту перевозки бригады 14-й дивизіи изъ Одессы въ Севастополь и одновременно съ нею всей 13-й дивизіи, съ артиллеріей и тяжестями, къ кавказскимъ берегамъ, да еще въ теченіе какихъ-нибудь десяти дней, на парусныхъ судахъ, съ незначительнымъ числомъ пароходовъ и военныхъ транспортовъ. Не прибѣгая къ помощи торговыхъ судовъ, нашъ военный флотъ, при своихъ малыхъ размѣрахъ, поднялъ разомъ довольно значительный десантъ, по тогдашней численности полковъ, и высадилъ его на кавказскіе берега, представлявшіе къ тому менѣе удобствъ, нежели берега Крыма. Средства же англо-французскаго флота значительно превышали наши.

По одному мановенію Государя, первый опытъ десанта нашихъ войскъ былъ совершенъ блестящимъ образомъ, и за успѣшное выполненіе Его воли, покойный императоръ удостоилъ князя Меншикова слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ, отъ 3-го октября 1853 года:

— «Князь Александръ Сергѣевичъ! Донесеніе ваше, отъ 25-го сентября, о благополучномъ перевозѣ войскъ 13-й пѣхотной дивизіи къ кавказскимъ берегамъ, Я получилъ съ чувствомъ истиннаго удовольствія, приписывая вашей распорядительности и неутомимой дѣятельности скорое и, во всѣхъ отношеніяхъ, отличное исполненіе Моей воли; Я душевно благодарю васъ.

«При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, пребываніе ваше въ Черномъ морѣ служитъ залогомъ успѣха всѣхъ мѣръ, которыя мы будемъ принуждены принять тамъ, и Я убѣжденъ, что, жертвуя своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, вы найдете награду въ мысли, что эта жертва необходима для пользы имперіи.

«Повторяя вамъ искреннюю признательность, Мы пребываемъ къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай».

— Князь Меншиковъ,—говоритъ авторъ «Описанія»,—ввѣривъ оборону Севастополя резервнымъ баталіонамъ 13-й дивизіи, флотскимъ экипажамъ и другимъ командамъ, началъ стягивать всѣ остальныя войска на Алминскую позицію. (См. стр. 151).

Тотлебену хорошо было извѣстно, что, оставляя молодыхъ солдатъ и вновь сформированныя морскія команды въ Севастополѣ, князь не могъ ввѣрить имъ обороны этого города. Онъ расчитывалъ только, что за оборонительными стѣнами и молодежь эта, на случай, пригодится; оставить же Севастополь совершенно безъ войска было нельзя; удѣлить большаго отряда для гарнизонной службы въ Севастополѣ, отъ своего, дѣйствующаго, князь не могъ.

О фланговомъ движеніи князя, зрѣло обдуманномъ и расчитанномъ, авторъ „Описанія“ говоритъ какъ бы о произвольномъ отступленіи, вслѣдствіе котораго Севастополь былъ покинутъ на произволъ судьбы. Именно:

— Между тѣмъ, непріятель, 12-го числа, подошелъ уже къ Бельбеку и бивуакъ его виднѣлся съ Сѣвернаго укрѣпленія. Малочисленный гарнизонъ теперь ежеминутно ожидалъ нападенія сильнаго врага на слабыя укрѣпленія и положеніе его было тѣмъ труднѣе, что въ ночь князь Меншиковъ оставилъ Севастополь и чрезъ Мекензіеву высоту предпринялъ съ арміею движеніе къ Бахчисараю. (См. «Описаніе», стр. 209).

— Удаляясь изъ Севастополя, онъ поручилъ... и т. д. Съ удаленіемъ арміи князя Меншикова... Такимъ образомъ, Севастополь, предоставленный защитѣ моряковъ, только-что снятыхъ съ кораблей, и резервныхъ войскъ, въ числѣ которыхъ часть состояла изъ новобранцевъ, долженъ былъ приготовиться къ предстоявшей борьбѣ съ сильнымъ врагомъ. («Описаніе», стр. 200—210).

Дальнѣйшій ходъ событій доказалъ, однако же, Э. И. Тотлебену, что это „удаленіе“ имѣло важныя послѣдствія на дѣйствія союзниковъ, о чемъ, впрочемъ, авторъ „Описанія“ не умалчиваетъ и тѣмъ только противорѣчитъ предъидущимъ своимъ разсказамъ объ „удаленіи“ князя Меншикова:

— Въ то время, когда въ Севастополѣ всѣ были убѣждены, что непріятель немедленно будетъ атаковывать Сѣверную сторону, союзная армія неожиданно снялась... съ тѣмъ, чтобы, перемѣнивъ основаніе дѣйствій, атаковать Южную сторону. («Описаніе», стр. 223—224).

Союзная армія такъ неожиданно снялась именно вслѣдствіе того, что князь Меншиковъ „не удалился“ отъ Севастополя, а зорко слѣдилъ за нимъ и заботливо держалъ городъ въ объятьяхъ своихъ войскъ. Видя опасное положеніе Сѣвернаго укрѣпленія, князь поспѣшилъ предупредить нападеніе на него союзниковъ появленіемъ своимъ съ дѣйствующей арміею у нихъ въ тылу. Для этого-то онъ, съ 11-го на 12-е число, и выслалъ отрядъ генерала Кирьякова на позицію, фланкировавшую наступленіе противниковъ къ Сѣверному укрѣпленію, и, за симъ, привелъ въ исполненіе свое фланговое движеніе.

— Отъ князя Меншикова всѣ эти дни, какъ выше сказано, не было никакого извѣстія и никто въ Севастополѣ не зналъ, что дѣлалось съ нашею арміею и гдѣ она? (См. «Описаніе», стр. 243).

Съ перваго же перехода, отъ князя къ Корнилову являлся урядникъ съ извѣстіемъ, что мы на Мекензіевой горѣ; со втораго—въ Севастополь пріѣзжалъ капитанъ Лебедевъ; съ третьяго—лейтенантъ Стеценко и затѣмъ князь Меншиковъ занялъ четвертую позицію уже въ виду Севастополя.

— .... на помощь арміи защитники Севастополя расчитывать не могли... Имъ оставалось одно—честная смерть. (См. «Описаніе», стр. 243).

Пылкій Корниловъ, увлеченный лихорадочною заботливостью о судьбѣ Севастополя, сѣтовалъ на распоряженія Меншикова и охуждалъ его дѣйствія, подобно тому, какъ близкій родной трудно больнаго охуждаетъ иногда способы леченія, употребляемые опытнымъ врачомъ, обвиняя его въ медленности, а подчасъ и въ незнаніи. Корниловъ, не понявъ преимущества Севастополя имѣть, кромѣ гарнизона, еще свободный отрядъ внѣ укрѣпленій подъ личнымъ предводительствомъ дальновиднаго и находчиваго Меншикова, истолковалъ себѣ его маневрированіе, отвлекавшее вниманіе союзниковъ отъ города, совершенно въ иномъ смыслѣ противу истиннаго и тѣмъ навелъ на гарнизонъ уныніе, близкое къ отчаянію. Мнѣніе Корнилова, несправедливое въ 1854 году, нельзя принимать за авторитетъ въ 1863-мъ: въ девять лѣтъ, критическій взглядъ на дѣйствія Меншикова могъ и выясниться и стать на вѣрную точку. Въ данномъ случаѣ, личное мнѣніе автора „Описанія“, какъ мнѣніе очевидца и человѣка справедливаго, имѣло бы гораздо болѣе значенія.

— Тотлебенъ приступилъ къ устройству оборонительной линіи... (См. «Описаніе», стр. 245).

Читатель, непосвященный въ дѣло, можетъ понять эти слова въ томъ смыслѣ, что, до Тотлебена, на оборонительной линіи ничего не было сдѣлано, тогда какъ Тотлебенъ, по предначертаніямъ, сообщеннымъ ему княземъ Меншиковымъ, только продолжалъ усиливать оборонительную линію Севастополя. Именно для этого Тотлебенъ прозорливостью Александра Сергѣевича и былъ посвященъ во все то, что слѣдовало дѣлать въ крайнія минуты для усиленія линіи. Слова: „приступилъ къ устройству“ тѣмъ несправедливѣе, что относятся къ 14-му числу сентября 1854 года, когда союзники, въ виду противопоставленныхъ имъ укрѣпленій Южной стороны, не рѣшались атаковать ихъ открытою силою. Впрочемъ, вышеприведенныя слова противорѣчатъ предъидущимъ словамъ самого же автора:

— ..... «такъ какъ всѣ средства были сосредоточены на Сѣверной сторонѣ, то на Южной работы были почти прекращены. (См. «Описаніе», стр. 234).

Слѣдовательно, работы по оборонительной линіи, до 14-го сентября, не только были начаты, но и доведены до извѣстной степени

силы, ранѣе, нежели Тотлебенъ приступилъ къ устройству оборонительной линіи.

Ограничиваясь этими выдержками изъ „Описанія“, позволю себѣ замѣтить, что подобные отзывы о князѣ Меншиковѣ показались мнѣ, какъ очевидцу его распоряженій, настолько для него обидными, что я возвратилъ книгу „Описаніе“ въ отсутствіе Александра Сергѣевича, дабы избѣжать разговора о ней. Вскорѣ послѣ того, случилось мнѣ, войдя въ кабинетъ князя, застать у него Э. И. Тотлебена. Эдуардъ Ивановичъ, очень смущенный, уже откланивался князю. По его уходѣ, Александръ Сергѣевичъ разсказалъ мнѣ, что Тотлебенъ приходилъ къ нему извиняться въ чемъ-то просмотрѣнномъ имъ въ „Описаніи“, и намѣренъ оговориться во второмъ томѣ своего труда.

— „Я просилъ его не безпокоиться, — заключилъ князь Меншиковъ,—что написано, то написано... Пусть такъ и остается!“

XXVI.

Неосновательныя или ложныя заключенія о князѣ Меншиковѣ военныхъ писателей не очень его безпокоили и онъ не возмущался тѣмъ, что его заслуги приписывали другимъ. Считая всякія историческія сужденія тогда преждевременными, онъ только улыбался, читая иныя статьи. Писать возраженій онъ не дозволялъ никому изъ своихъ близкихъ и тѣ, поневолѣ, должны были оставаться безмолвными слушателями многоразличныхъ бредней, выдумываемыхъ про Александра Сергѣевича. Обвиненія, на него возводимыя, плодились и размножались, поощряемыя нелѣпымъ афоризмомъ: „молчаніе—знакъ согласія“; но оно же бываетъ нерѣдко знакомъ презрѣнія, или негодованія. Таково было и молчаніе князя.

Случилось, однако, что бывшій генералъ-квартирмейстеръ нашей арміи, генералъ Герсевановъ, проживавшій въ Екатеринославской губерніи, близко принимая къ сердцу напраслины на князя, затѣялъ писать статьи въ его защиту. Нуждаясь въ точныхъ свѣдѣніяхъ и документахъ, Герсевановъ нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ Александру Сергѣевичу, умоляя его о снабженіи этимъ сильнымъ оружіемъ противъ крикуновъ. Князь отказалъ ему на-отрѣзъ и просилъ не возбуждать полемики. Огорченный Герсевановъ возразилъ, что онъ, главнымъ образомъ, намѣренъ вступиться за честь князя, такъ почему бы Меншикову не дать ему документовъ?...

— „Такъ вы для меня хлопочете? сказалъ Меншиковъ. Въ такомъ случаѣ, попрошу васъ—въ особенное для меня одолженіе и разъ на-

всегда—не писать никогда и ничего въ мою защиту. Этимъ-то именно вы и сдѣлаете то, что мнѣ будетъ пріятно!"

Герсевановъ не успокоился: написалъ князю письмо; Александръ Сергѣевичъ поручилъ мнѣ отвѣчать ему тѣмъ же отказомъ. Тогда Герсевановъ засыпалъ меня письмами и, не отказываясь отъ своего намѣренія, опять приходилъ къ князю, возобновляя неотступныя просьбы. Александру Сергѣевичу это наскучило и онъ приказалъ непринимать Герсеванова. Настойчивый проситель исчезъ, но, вдругъ въ 1867 году, отъ него доставили мнѣ брошюру, напечатанную имъ въ Парижѣ, которую авторъ просилъ передать князю Александру Сергѣевичу. Брошюры этой князь не принялъ; но такъ какъ Герсевановъ уже получилъ разрѣшеніе ввезти произведеніе свое въ Россію, то одинъ экземпляръ брошюры изъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ препровожденъ къ Меншикову. Князь нашелъ напечатанными въ брошюрѣ нѣсколько документовъ изъ его офиціальной переписки временъ Крымской войны и всѣ они, до нѣкоторой степени, ограждали князя отъ несправедливыхъ нареканій. Тѣмъ не менѣе, князь досадовалъ на заступничество Герсеванова.

Эта странная черта характера князя объясняется необыкновенно строгимъ его уваженіемъ къ храненію въ тайнѣ государственной переписки. Даже у себя въ кабинетѣ князь диктовалъ подобныя бумаги не иначе, какъ въ полголоса и еще, изъ предосторожности, послѣ обхода дверей и своеручнаго ихъ затвора.

Домашній его секретарь, А. П. Іевлевъ, служившій при князѣ въ послѣднее время, разсказывалъ мнѣ, что заинтересованный, иногда, какимъ нибудь дѣломъ, онъ по выходѣ изъ кабинета записывалъ, себѣ для памяти, сужденія или предположенія князя по смыслу продиктованныхъ имъ бумагъ. Замѣтивъ, по временамъ, поздній свѣтъ въ окнахъ домашней своей канцеляріи, князь спросилъ у Іевлева, чѣмъ онъ занимается? Тотъ признался, что ведетъ для себя памятныя записки о времени своего служенія при князѣ.

— „Принеси, батюшка; интересно прочитать!" сказалъ князь.

Іевлевъ исполнилъ желаніе Александра Сергѣевича. Пересмотрѣвъ бумаги, князь бросилъ ихъ въ каминъ и сказалъ Іевлеву, чтобы впредь онъ подобныхъ замѣтокъ не писалъ, такъ какъ онѣ могутъ надѣлать бѣды.

Къ числу государственныхъ тайнъ князь относилъ всѣ распоряженія и учрежденія по военному вѣдомству. Его всегда тревожили посѣщенія иностранцами тѣхъ военныхъ заведеній или сооруженій, которыя могли бы давать случай посѣтителямъ выводить свои заключенія о средствахъ и силахъ нашей государственной защиты. Въ

особенности же онъ не любилъ когда иноземныхъ гостей возили въ Кронштадтъ, въ адмиралтейство, въ генеральный штабъ и показывали имъ наши топографическія карты. Узнавая о томъ, князь каждый разъ выказывалъ свое неудовольствіе, примѣтными лишь для его приближенныхъ, нетерпѣливыми движеніями. Эти движенія напоминаютъ мнѣ о томъ нетерпѣніи, съ какимъ князь Меншиковъ защищалъ свою коротко обстриженную голову отъ злѣйшихъ враговъ.... какихъ бы вы думали?—мухъ! Кстати же о стрижкѣ волосъ подъ гребенку. Имѣя всегда и издавна коротко-остриженные волоса, князь заслужилъ этимъ особенное къ себѣ уваженіе бывшаго, въ сороковыхъ годахъ, командиромъ образцовой пѣшей батареи, полковника Лазаревича, который, для вящшаго убѣжденія молодыхъ офицеровъ носить короткіе волоса, всегда прибавлялъ замѣчаніе — „что такая умная голова, какъ князя Меншикова, острижена совсѣмъ подъ гребенку, стало быть, и надобно ему подражать“. Это маловажное, въ сущности, замѣчаніе Лазаревича, произносимое имъ очень часто и къ тому-же на своеобразномъ малороссійскомъ нарѣчіи, невольно врѣзывалось въ память молодыхъ артиллеристовъ, такъ что черезъ много лѣтъ, когда эти офицеры были уже сами батарейными командирами и нѣкоторые изъ нихъ привели свои батареи въ Севастополь, то, помня поговорку Лазаревича объ умной головѣ князя Меншикова, были первыми въ числѣ войскъ его почитателями.

Правда и то, что тогдашніе артиллеристы были развитѣе прочихъ частей войскъ и скорѣе другихъ могли оцѣнить достоинства князя и расположить его къ себѣ, какъ бывшаго артиллериста. По достоинству нашихъ орудій, по знанію дѣла своего нашими артиллеристами, на ихъ долю въ эпоху Восточной войны выпало наиболѣе успѣховъ и славы. Постояли артиллеристы и за себя и за Севастополь!

Артиллерія въ Крыму дѣйствовала превосходно и князь, повидимому, былъ ею совершенно доволенъ. Изрѣдка только онъ замѣчалъ, что пная батарея, ставъ на позицію, уже черезъ чуръ быстро выпускала свой запасъ снарядовъ, но, принимая въ соображеніе, что непріятельскіе штуцера спѣшатъ перебить прислугу и лошадей, снисходилъ къ запальчивости артиллеристовъ. Дѣйствительно, батарея, открывая огонь на разстояніи пушечнаго выстрѣла, имѣла противъ себя, кромѣ непріятельской артиллеріи, еще и штуцерныхъ, пули которыхъ поражали орудійную прислугу и офицеровъ, на выборъ, съ такой дистанціи, до которой далеко не достигали ружейныя пули нашей пѣхоты. Слѣдовательно, отъ своего прикрытія наши батареи не могли ожидать себѣ помощи и должны были стараться преодолѣть врага учащенною пальбою. Снявшись съ передковъ, онѣ

спѣшили, что называется, „откатать непріятеля на всѣ корки“ и убраться за́живо, т. е. покуда было чѣмъ и кому сняться съ позиціи. Но какъ ни трудно приходилось нашей артиллеріи, все-же она, одушевляясь задоромъ пальбы, наносившей вредъ непріятелю, находила себѣ удовлетвореніе въ видимо полезной дѣятельности, а выходя изъ дѣла—хотя нерѣдко съ большими потерями—утѣшалась тѣмъ, что не даромъ и понесла ихъ.

Не много доставалось утѣшительнаго въ сраженіяхъ на долю пѣхоты, не вооруженной штуцерами въ той мѣрѣ какъ непріятельская. Ея участіе въ битвахъ было какое-то неопредѣленное, можно сказать—пассивное. Вступая въ дѣло, пѣхота тотчасъ же встрѣчалась со штуцерными пулями непріятеля невидимаго и неуловимаго: пули летѣли со всѣхъ сторонъ и изъ такой дали, что и глазъ не достигнетъ до стрѣлковъ. Наши, изыскивая случай сблизиться съ противникомъ, неизбѣжно должны были во все время своихъ поисковъ представлять собою вѣрнѣйшую цѣль непріятелямъ, безнаказанно губившимъ нашу злосчастную пѣхоту, которая, вступая въ дѣло, порываясь изъ стороны въ сторону, чтобы помѣряться силами съ непріятельскою, въ тщетѣ своихъ порывовъ сознавалась лишь тогда, когда, по окончаніи дѣла, ей приходилось считать выбылыхъ.

Князь Меншиковъ, понимая всю тягость подобныхъ условій для участія нашей пѣхоты въ сраженіяхъ, не могъ расчитывать на ея опору въ той степени, въ какой она, по существу, должна была служить главнокомандующему. Это заставляло его смотрѣть на пѣхоту съ безотрадной, мрачной точки зрѣнія. Его не утѣшала самая ея готовность принести себя въ жертву: ему нужна была не жертва, а сила, и князь, недоумѣвая какъ извлечь эту силу, грустнымъ, непривѣтливымъ взоромъ встрѣчалъ и провожалъ пѣхоту. Подобное настроеніе духа главнокомандующаго перетолковывалось въ дурную сторону, какъ войсками, непонимавшими Александра Сергѣевича, такъ и лицами къ нему недоброжелательными. „Князь Меншиковъ,—говорили они,—не любитъ войскъ; онъ на нихъ сердится, не говоритъ съ ними; не цѣнитъ ихъ подвиговъ; рѣдко здоровается; смотровъ не дѣлаетъ!“....

Войскамъ, конечно, трудно было изучить особенности нрава этого своеобразнаго начальника, который видѣлъ во всемъ лишь сущность дѣла. На войска онъ смотрѣлъ серьезно потому, что серьезно понималъ ихъ значеніе и назначеніе. „Не говорилъ съ ними“—потому, что не любилъ представительности, которая была ему просто невыносима. Для этого князю слѣдовало обладать до нѣкоторой степени сценическимъ талантомъ; въ таковомъ же природа ему рѣшительно отказала. Голосъ

князя былъ такой дребезжащій, малозвучный, что когда онъ даже здоровался съ войсками, то и головныя части не всегда могли разслышать столь знакомую имъ, обыденную фразу: „здорово, ребята!“— и поэтому нерѣшительно отвѣчали, и князя это конфузило. Иногда онъ пробовалъ повторять—и то безуспѣшно; даже этой фразы онъ не могъ произнести общепринятымъ тономъ. Вслѣдствіе этого, въ рядахъ войскъ сложилось мнѣніе, что князь ихъ не любитъ; что онъ на нихъ сердится и не здоровается съ ними. Кромѣ того, не имѣя командирской привычки, онъ пропускалъ голову встрѣчной части и хотя здоровался съ минующимъ его строемъ, но солдаты не узнавали главнокомандующаго при его скромномъ видѣ и слабомъ голосѣ, имъ незнакомомъ. Доброе поведеніе и подвиги войскъ князь всегда цѣнилъ и не пропускалъ случая свидѣтельствовать о нихъ императору. Смотровъ прибывающимъ войскамъ онъ, правда, не дѣлалъ, но за то всматривался въ ихъ бытъ и зорко слѣдилъ за проявленіями въ нихъ должнаго духа.

Войска могли пребывать въ недоразумѣніи относительно князя; имъ это было простительно.... Непостижимо и удивительно то, что Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, называя себя другомъ князя Меншикова, могъ писать о немъ, въ 1855 году, военному министру, по принятіи Севастополя отъ князя:

— «Это пагубное наслѣдство, которое я получилъ» (18-го марта).

— «Россія уже довольно дорого заплатила за его безразсудства и за его наглость» (3-го апрѣля).

— «Войска заслуживаютъ удивленія въ высшей степени. Вотъ разница между мной и моимъ предшественникомъ: онъ находилъ войско сквернымъ и швырялъ его безъ разбору, какъ будто оно могло взять приступомъ небо; я, находя ихъ превосходными, требую и буду требовать отъ нихъ не болѣе, какъ возможнаго» (5-го апрѣля).

— «Не знаю, за какое преступленіе—мое, или моихъ близкихъ, досталось мнѣ злополучное наслѣдство, оставленное Меншиковымъ» (15-го апрѣля).

Вышеприведенныя выраженія князя М. Д. Горчакова свидѣтельствуютъ въ одинаковой степени — и его жестокую несправедливость къ князю Александру Сергѣевичу, и его собственную неготовность встрѣтить войну лицомъ къ лицу, со всѣми ужасами обороны Севастополя. Изъ того самообольщенія, съ которымъ князь М. Д. Горчаковъ ѣхалъ изгонять непріятелей изъ Крыма, очевидно, съ какимъ легкомысліемъ онъ смотрѣлъ на тотъ постъ, который заступалъ, и какъ мало понималъ, какъ мало сочувствовалъ положенію главнокомандующаго морскими и сухопутными силами въ Крыму. Не легко было князю Меншикову находиться со своей арміей въ постоянной

зависимости отъ южной арміи, когда всѣ подкрѣпленія и снабженія можно было всего ближе ожидать отъ князя М. Д. Горчакова, измыслившаго, будто осторожный и благоразумный князь Меншиковъ, „ненавидя войска, швыряетъ ихъ безъ разбору, заставляя приступомъ лѣзть на небо“.

Другое выраженіе князя М. Д. Горчакова: „Россія уже довольно дорого заплатила за его безразсудства и за его наглость“—лишенное всякаго смысла, если его принять въ значеніи переносномъ, положительно несправедливо даже и въ буквальномъ смыслѣ. Самый строжайшій контроль безъ труда можетъ засвидѣтельствовать, что въ отношеніи денежномъ князь Меншиковъ стоилъ Россіи гораздо менѣе князя Горчакова. Въ доказательство позволю себѣ привести фактическое свидѣтельство о способахъ расходованія казенныхъ денегъ княземъ Меншиковымъ. Привожу подлинный его отчетъ по экстраординарной суммѣ съ 1-го апрѣля 1854 г. по 1-е апрѣля 1855 года. Суммы этой было получено Александромъ Сергѣевичемъ 90,435 р. 40 к. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что на дѣйствующую армію въ Крыму военное министерство смотрѣло какъ на неподлежащую его заботамъ. Довольствіе арміи провіантомъ, фуражомъ, мясными и винными порціями и порохомъ; устройство госпиталей и комплектованіе ихъ медиками—все это возлагалось на попеченія одного главнокомандующаго. Устройство путей сообщенія, даже исправленіе непроѣздныхъ дорогъ, нисколько не озабочивало подлежащія вѣдомства, которыя, казалось, и не желали знать объ этомъ. Мало того: напримѣръ, на уборку павшихъ по дорогамъ многихъ тысячъ лошадей, воловъ и верблюдовъ не отпускалось вовсе денегъ, а предлагалось главнокомандующему приказывать ихъ свозить въ одно мѣсто и сжигать — а между тѣмъ дрова доходили въ это время до 35 руб. сер. за сажень.

Въ іюлѣ 1855 года былъ представленъ Меншиковымъ всеподданнѣйшій отчетъ Государю Императору въ расходованіи вышеупомянутой экстраординарной суммы. Расходы, произведенные изъ нея, были слѣдующіе:

1) На прогоны разнымъ лицамъ, посылаемымъ какъ съ депешами, такъ и вообще по дѣламъ службы	17,003 р. 96½ к.
2) На вспомоществованіе бѣднымъ семействамъ при выѣздѣ ихъ изъ Севастополя	12,692 р. —
3) На движеніе транспортовъ съ порохомъ и артиллерійскими снарядами и принадлежностями.	9,962 р. 1½ к.

(Изъ нихъ возвращено было артиллерійскимъ департаментомъ . . . . . 5,267 р. 90 к.
Остается израсходованныхъ 4,694 р. 11½ к.).

4) На жалованье и содержаніе приглашаемымъ изъ Пруссіи хирургамъ, профессорамъ и студентамъ университета св. Владиміра. . . . . 5,317 р. 65 к.

5) Въ пособіе доктору Сѣверо-Американскихъ штатовъ Терпепенду . . . . . 500 р. —

6) За медикаменты въ Московской аптекѣ . 1,172 р. 77 к.

7) За перевозку раненыхъ и больныхъ (устроенную А. Д. Крыловымъ во исполненіе повелѣнія Великаго Князя Константина Николаевича) изъ Севастополя въ разныя мѣста, а равно и на вспомоществованіе подводчикамъ, взявшимъ на себя эту перевозку . . . . . 3,049 р. 67½ к

8) На устройство временныхъ госпиталей. . 4,119 р. 97 к.

9) Колонистамъ въ Крыму, въ видѣ вознагражденія за содержаніе 1,800 человѣкъ раненыхъ и больныхъ . . . . . 1,500 р. —

10) На пріобрѣтеніе топоровъ и лопатъ и за доставку ихъ изъ Николаева . . . . . 945 р. 60 к.

11) Частнымъ работникамъ за работы по оборонительной линіи . . . . . 120 р. —

12) За доставку отъ Симферополя до Севастополя амуниціи, сбруи и проч. въ количествѣ 1,655 пудовъ. . . . . 1,267 р. 25 к.

13) За доставку полушубковъ. . . . . 1,320 р. —

14) На вознагражденіе нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ вылазкѣ при отраженіи приступовъ, за взятіе въ плѣнъ, за принесенное непріятельское оружіе, и водолазамъ. . . . . 5,345 р. —

15) За поимку дезертировъ . . . . . 18 р. —

16) За купленный лѣсъ для устройства моста на Бельбекѣ . . . . . 770 р. —

17) На устройство помѣщеній для всѣхъ управленій главной квартиры, на наемъ подводъ и фургоновъ, на устройство типографіи, на пріобрѣтеніе типографскихъ станковъ, на жалованье всѣмъ служащимъ въ главномъ штабѣ и канцеляріи и жалованья типографщикамъ, съ возвра-

томъ изъ штатныхъ суммъ, которыя не были высланы	10,477 р. 68 3/4 к.
18) На канцелярскія принадлежности вообще	1,749 р. 18 1/2 к.
19) На пищу писарямъ	440 р. 70 к.
20) Награды писарямъ	385 р. —
21) Порціонныя и суточныя деньги топографамъ	95 р. 94 к.
22) Заимообразно разнымъ лицамъ	200 р. —
23) Въ пособіе раненымъ	350 р. —
24) Проводнику	120 р. —
25) На устройство подводныхъ минъ . . .	40 р. —
26) На изготовленіе патроновъ, собраніе свѣдѣній о непріятелѣ, рекогносцировки, на устройство вагенбурга, на содержаніе проводниковъ и проч.	8,761 р. 4 1/2 к.
27) На выдачу лазутчикамъ, проводникамъ и другаго званія довѣреннымъ людямъ, употреблявшимся по секретнымъ порученіямъ	3,202 р. 45 к.
Итого въ годъ. . .	85,664 р. 3/4 к.
Обратно представлено	4,681 р. 39 1/2 к.

Какъ въ денежномъ, такъ и во всякомъ иномъ отношеніи, князь Меншиковъ не дорого обошелся Россіи. Князь М. Д. Горчаковъ, за время бытности своей главнокомандующимъ въ Крыму, израсходовалъ экстраординарной суммы 1.250,000 р. въ 10 мѣсяцевъ, да и результатами своего командованія не дешево обошелся Россіи.

Необыкновенное умѣнье князя Меншикова предупреждать излишнее расходованіе казенныхъ средствъ давало ему возможность быть неусыпнымъ блюстителемъ государственнаго интереса и поэтому онъ былъ очень неподатливъ на всякое расходованіе казенныхъ суммъ. Князь былъ чрезвычайно разборчивъ какъ къ статьямъ расхода, такъ и къ ихъ цифрамъ. Какъ бы ни были скромны требованія смѣтъ, Александръ Сергѣевичъ всегда находилъ возможнымъ сдѣлать сокращенія безъ всякаго ущерба самому дѣлу.

За это князь пріобрѣлъ репутацію скупца, но не только не огорчался этимъ, а, напротивъ, старался поддерживать сложившееся о немъ мнѣніе, предупреждая, такимъ образомъ, различныя домогательства. Князь былъ до того строгъ въ сбереженіи казеннаго интереса, что нерѣдко затруднялся разрѣшеніемъ выдачи пособія даже лицамъ,

вполнѣ того заслужившимъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ всего чаще, безъ всякой огласки, выдавалъ пособіе изъ своихъ собственныхъ денегъ.

Въ собственныхъ своихъ расходахъ Александръ Сергѣевичъ былъ бережливъ: отъ возбужденія вопросовъ о новыхъ статьяхъ расхода воздерживался, но единожды установленныхъ расходовъ не отмѣнялъ и не сокращалъ. Если ему кто-нибудь указывалъ на его рутинный способъ веденія расходовъ, который могъ быть и сокращенъ, князь отвѣчалъ, что промышленникъ уже привыкъ получать отъ него извѣстную сумму, такъ пусть же она такъ и остается въ статьяхъ расходовъ, чтобы торговецъ не былъ въ убыткѣ.

Долговъ князь не любилъ, а если случалось ему задолжать кому-либо, то всегда спѣшилъ расквитаться, отдавая деньги лично, особенно если деньги были израсходованы по его порученію. Экстренныя или неожиданныя издержки были ему непріятны, не столько по тратѣ денегъ, сколько по самому процессу выдачи и по опредѣленію цифры. Онъ всегда былъ доволенъ, если при этомъ ему кто-либо подсказывалъ размѣръ суммы.

Въ жизни своей, князь, чрезъ близкихъ ему лицъ, сдѣлалъ не мало благотвореній, скрывая ихъ отъ молвы и, по возможности, даже отъ самихъ благодѣтельствуемыхъ.

Для оцѣнки нравственныхъ сторонъ и служебной дѣятельности, конечно, недостаточно свѣдѣній, сохранившихся въ моихъ разсказахъ, тѣмъ болѣе, что я зналъ князя лишь въ послѣдніе 19 лѣтъ его жизни.

Въ 1867 году мои домашнія дѣла разлучили меня съ Александромъ Сергѣевичемъ; въ теченіе двухъ лѣтъ отсутствія моего изъ Петербурга, здоровье князя весьма разстроилось, чему много способствовала потеря внука, Николая Вадковскаго, нѣжно любимаго княземъ. Внуку этому, котораго князь взялъ къ себѣ на воспитаніе, былъ 17-й годъ и онъ оканчивалъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ; въ 1868 году онъ былъ сраженъ тифомъ. Когда, въ началѣ 1869 года, я посѣтилъ князя, котораго засталъ дома, въ кабинетѣ, то меня поразила страшная перемѣна и въ его наружности и въ расположеніи духа. Предупреждая тягостныя для него разспросы о здоровьѣ, Александръ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ, что онъ получилъ уже „три предостереженія“, намекая на три случившіеся съ нимъ припадка, признанные докторами за паралитическіе.

При нашемъ послѣднемъ свиданіи, я засталъ князя за утреннимъ

кофе, на обычномъ его мѣстѣ въ кабинетѣ. Взглянувъ на меня страдальческимъ взоромъ, онъ проговорилъ:

— „Плохо, братецъ!... Страдаю жестоко... ужъ мнѣ и мочи нѣтъ“...

Въ этихъ словахъ звучала предсмертная истома; въ тотъ же день князь перешелъ на верхъ, въ свою спальню, и уже болѣе не спускался въ комнаты нижняго этажа. Долго онъ боролся и съ недугомъ и съ медицинскою помощью. Когда, во время агоніи, ему подавали лекарство, онъ, слабо защищаясь отъ безполезныхъ микстуръ, говорилъ словами В. Л. Пушкина въ его „Опасномъ сосѣдѣ“:

«Ахъ, дайте отдохнуть и съ силами собраться!»

Сильная натура князя склонилась, наконецъ, лишь подъ ожесточающимися припадками, и въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля 1869 года онъ скончался. Мнѣ не удалось присутствовать при его послѣднихъ минутахъ, такъ какъ, по распоряженію докторовъ, къ страдальцу допускались весьма не многіе. Къ пожеланію „вѣчной памяти“, которою мы напутствуемъ усопшаго, позволю себѣ присоединить другое, не менѣе искреннее: чтобы память князя Александра Сергѣевича Меншикова была, наконецъ, совершенно очищена, въ глазахъ потомства, отъ несправедливыхъ нареканій—и если я, со своей стороны, настоящими разсказами сколько нибудь тому способствовалъ,—то цѣль ихъ вполнѣ достигнута.

А. А. Панаевъ.